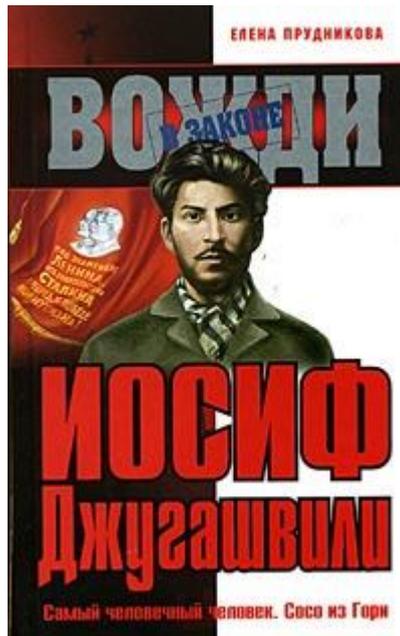

Елена Прудникова Иосиф Джугашвили

Аннотация

Книга известного петербургского журналиста Елены Прудниковой — это попытка написать биографию Сталина-человека, дать психологический портрет вождя народов. Оригинальность подхода в том, что автор полностью отходит от общепринятой трактовки Сталина как человека холодного, расчетливого, дальновидного и жестокого, рассматривая его с совершенно противоположной точки зрения. Герой книги — поэт, вложивший свой колоссальный творческий потенциал в дело государственного управления, государственный деятель, для которого его страна была превыше всего, и человек, в чьей личности не было патологий.

Елена ПРУДНИКОВА ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ Самый человечный человек. Сосо из Гори

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал,
В голос пандури влюбленный,
Тихо псалмы напевал.
В молитве его и песне,
Как солнечный луч чиста,
Звучала мелодия чести,
Божественная мечта.
Сердца, обращенные в камень,
Будил вдохновенный напев,
Надежды и веры пламень
Вздымался выше дерев.
Но люди, забывшие правду,

Хранящие в душах тьму,
Вместо вина отраву
Налили в бокал ему.
Сказали:
Иди обратно.
Отраву испей до дна.
Молитва твоя чужда нам
И правда твоя не нужна.

Джугашвили И. «...И к злодеям причтен»

Есть одна восточная притча о мудреце. Не суть, о чем она (точнее, сюжет ее зело похабен), а мораль ее в том, что нельзя класть весь груз, который должен везти ишак, в один выюк, а надо распределять его поровну с обеих сторон седла. Между тем у нас сплошь и рядом мажут людей и эпохи одной краской: черной так черной, золотой так золотой, время от времени меняя смолу и золото местами, но не смешивая. На наших глазах «проклятые времена царизма» сменились золотой «Россией, которую мы потеряли», а кумачовое время большевиков, о котором, как сказал поэт, будут плакать по ночам мальчики иных веков, теперь так густо замазано черным, что вроде бы и вообще времени в истории страшнее не было. Стоит ли удивляться, что исторический наш ишак давно уже не в силах на ноги подняться, а лишь беспомощно с боку на бок перекачивается. А между тем факты искать не надо, они лежат на поверхности, и лишь всеобщее наше незнание — а главное, непонимание! — истории позволяет «желтым» исследователям и писателям, делающим себе имя на смаковании «страшных преступлений» любого рода, так долго дурачить такое большое количество людей, население целой страны.

Едва ли в многострадальной нашей истории на чей-либо портрет было столь щедро отпущено черной краски, как на портрет Сталина. За ним вообще не признавали никаких достоинств. Он был одновременно ограниченной посредственностью и суперзлодеем, трусливым параноиком и упивавшимся кровью палачом. Потом, постепенно, начали признавать хотя бы очевидное. Сейчас уже никто не спорит, что это человек, мягко говоря, незаурядный, прошли те времена, когда на все лады перепевалось высказывание Троцкого о том, что Сталин — «самая выдающаяся посредственность». Скрипя зубами, даже историки демократического толка признают, что его правление принесло России как минимум много хорошего, а как максимум спасло нашу страну от исчезновения с карты мира. Для этого, правда, понадобилось предать гласности мнение Черчилля о Сталине — у нас ведь смеют свое суждение иметь только после того, как такое же суждение выскажет кто-нибудь известный на Западе. Но теперь дебаты по этому поводу позади, и наконец-то общественное мнение признало его выдающимся правителем, а может быть, даже великим.

И вот его признали выдающимся, великим и пр. Но почему-то все, кто пишет о Сталине как о человеке (кроме коммунистических иконописцев, но какое отношение имеют их писания к реальному Сталину?), практически все ищут объяснение загадки его личности на путях зла. Человек дурной, человек страшный, но тем не менее принесящий некоторое количество добра, ибо его жизнь напрямую зависела от жизни державы. Может быть, он эту державу даже любил этаким страшноватой любовью тирана. Рассматривают его как совершенного супермакиавелли — несомненно, желающего добра своей стране, но при этом холодного, расчетливого, дальновидного, жестокого, абсолютно не стесняющегося в средствах — такую вот идеальную политическую машину, не ведающую жалости. При этом изошряются в утонченнейшем психологизме, ибо факты ну никак в этот портрет не лезут, а их втискивают, перекручивают, ломают, дают им самые невероятные трактовки, но ни на шаг не отступают от устоявшегося трафарета. Так уж устроен человек, что из каждой многократно повторенной истины творит себе кумира.

А между тем факты, факты... Им ведь можно дать разное истолкование. И вот что

интересно — если представить себе на месте холодного злодея бескорыстного романтика, одержимого мечтой сделать людей счастливыми (но не дурака, какими обычно изображают таких людей, а умного романтика), то видишь, что факты ложатся в этот портрет не хуже, чем в общепринятый, и даже лучше, и много лучше... Если предположить, что это был очень хороший человек, и подумать: а как бы он действовал, то видишь, что он делал бы как раз то и так, как реальный исторический Сталин. Впрочем, еще шестнадцати лет от роду он сам предсказал свою судьбу в полудетском романтическом стихотворении. И действительно, он пришел в революцию ради «божественной мечты» о всеобщей справедливости, сумел взметнуть выше дерев пламень надежды и веры целого народа и погиб от рук людей, хранящих в душах тьму, — если не физически, то в памяти потомков. Его имя вычеркнули из книг, но оно проступило между строк, как проступают фрески на беленых стенах собора. Его портрет замазали дегтем, но пришло новое поколение и принялось расчищать деготь, отыскивая под ним рисованный золотом облик Сталина, а под золотом — первозданные краски портрета Иосифа Джугашвили, сына сапожника и прачки из захолустного грузинского городка, поэта, сменившего перо на скипетр, гения, рожденного на соломе и невероятным стечением обстоятельств ставшего владыкой полумира...

Часть I. Рожденный свободным

Гори

По грузинскому поверью, при рождении великого человека на кровлю дома садится ястреб. Кружились ли ястребы над крышей убогой лачужки в час, когда раздался первый крик Иосифа, — история не сохранила. Если и кружились, то у родителей не было оснований верить в приметы. Это только в сказках сын сапожника становится царем, а в жизни он обычно так и остается сапожником. Кто же знал, что сказка станет былью? Если бы какая-нибудь гадалка рассказала родным мальчика о его грядущей судьбе, над ней бы только посмеялись: знаем, мол, этих гадалок, «быть твоему сыночку царевичем, королевичем, а позолоти ручку, яхонтовый, я тебе еще и не такого наговорю...» Но жизнь иной раз подкинет такой сюжет — никакой писатель не придумает, постесняется...

Будущий владыка полумира впервые увидел свет в захолустном грузинском городке Гори, в семье сапожника и поденщицы, в убогой комнатке убогого домика, которую снимали его молодые родители. Оба — Виссарион и Екатерина — происходили из семей бывших крепостных крестьян. Заканчивался 1878 год, всего-то семнадцать лет назад в Российской империи отменили крепостное право, и мальчик был из первых детей в обеих семьях, что были рождены свободными, — и это в краю, где свобода и достоинство часто ценятся превыше самой жизни!

Предки сапожника Виссариона были родом из осетинского села Гори. Это из тысячекилометрового российского отдаления не видно разницы между грузином и осетином, а на Кавказе, в кипящей многонациональной и многоконфессиональной каше, важен был не только народ, но даже и племя, ответвление этого народа. Позднее поэт Мандельштам напишет про Сталина: «...И широкая грудь осетина» — он бывал на Кавказе и понимал значение племени для жителей гор.

Осетинское происхождение приписывали и матери Иосифа. Впрочем, матери много что приписывали позднейшие биографы, уложившие ее в постель к такому количеству богатых и высокопоставленных особ, что куда там «мисс Грузии», если бы таковая в то время существовала, — даже сам государь император Александр Освободитель не остался равнодушен к прелестям рыжей крестьянки из Гори. Однако никаких не только доказательств, но даже оснований подозревать, что Иосиф Джугашвили не был сыном своего отца, пока еще никто не привел. Так что и мы будем говорить о его предках не по линии императора или путешественника Пржевальского, а по линии сапожника Виссариона Джугашвили.

Известно, что прадед Виссариона, Заза, был человеком беспокойным. Два раза он участвовал в крестьянских восстаниях против князей, два раза бежал, скрываясь от наказания, был соратником князя Эристави, который в начале XIX века поднял антирусский мятеж. Восстание потерпело поражение, а Заза с семьей переселился в селение Диди Лило, неподалеку от Тифлиса. Первым из Джугашвили, живших в селе, как записано в местных документах, был Иосиф (должно быть, это и есть Заза). Ну и как после этого не поверить в таинственную власть имени?

Одним из детей Иосифа-старшего был Ваню, зажиточный крестьянин-винодел. Он имел виноградник, торговал вином в городе и снабжал им старшего сына Георгия, который держал трактир на проезжей дороге. Второй сын, Виссарион, был еще подростком. Но недолго длилось благополучие семьи. Глава ее умер, не дожив и до пятидесяти, Георгия убили грабители, и младший сын, оставшись сиротой, бежал. Почему он бросил дом и пусть маленькое, но свое хозяйство, — неизвестно. Может быть, долги, или враги, кровная месть — как бы то ни было, после смерти отца и брата он спешно отправился в Тифлис, столицу Кавказа, надеясь затеряться в многолюдном городе. Там Виссарион освоил ремесло сапожника, и, когда ему было около двадцати лет, купец Барамов, решивший открыть сапожную мастерскую, сманил молодого мастера в Гори.

Гори — городок маленький, однако с богатой историей. Это древняя столица Картли, расположенная на скрещении трех важных дорог — к Каспийскому, к Черному морю и в Россию. Еще в 90-е годы XIX века Максим Горький в своих бесконечных странствованиях по России добрался и до этого уголка Кавказа. «Городок в устье Куры невелик, — писал он, — с порядочную деревеньку. Посреди — высокий холм. На холме крепость. На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды Куры, неподалеку горы, в них пещерный город и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные натающим снегом».

«Гори» по-грузински означает холм. Легенда гласит, что вершина того холма, что в центре города, в незапамятные времена была местом сражений дэвов¹. Потом здесь воевали друг с другом люди: гурки, персы, монголы — кто только не осаждал город. Для защиты от врагов на холме возвели крепость, положив в основание стен кости тех, кто погиб, защищая свою землю от захватчиков, чтобы крепче стояла крепость, чтобы прочнее были стены и непреклоннее люди, чтобы в трудную минуту рядом с живыми вставали мертвые. Грузия — благодатный край, но много желающих завладеть им, и земля ее полита кровью щедрее, чем дождями. Есть у грузин легенда: однажды земля перестала родить хлеб, потому что пропиталась кровью, и тогда люди решили отмыть ее. Но когда они сделали это, когда вымыли всю кровь, то земли не осталось, лишь голые камни.

В России крови пролилось не меньше, но там земли много, и она все впитала и все приняла, а в Закавказье земли мало, и за нее во все времена шла жестокая битва. Грузия всегда воевала, и только с приходом белого царя, с появлением русских на эту землю пришел мир. Однако память о войнах осталась, как осталась память о войнах глубоко в сердцах русских, — не зря же Россия поняла и приняла грузина Джугашвили-Сталина, такого же потомка воинов, как и какой-нибудь Иван из Рязани, которую жгли семь раз да семь раз восстанавливали. И не зря грузин Джугашвили-Сталин превыше всех ставил русский народ, признавая и называя его старшим братом всех народов, в том числе и своего.

...В то время, когда Виссарион и Екатерина поженились, населения в Гори было всего-то шесть тысяч человек — по нынешним правилам такой населенный пункт не может даже считаться городом, а тогда он был даже уездным центром. Большинство жителей составляли армяне, немного меньше было грузин, остальных народностей совсем мало. Соответственно примерно пополам делилось население города и по вере: в Гори было семь армяно-григорианских храмов и шесть православных церквей. Свою церковь и полторы сотни

¹ Дэвы, или дивы, — злые духи, фольклорные персонажи народов Азии и Кавказа.

прихожан имели католики, остальные обходились, как придется. В городе насчитывалось шесть учебных заведений: три начальных училища — городское, духовное православное и духовное армянское, женская начальная школа, женская прогимназия и учительская семинария. Так что не таким уж захолустным был этот городок — какой-никакой, а уездный центр, и учились в нем дети со всего уезда. Да и места были благодатные, недаром неподалеку, в селении Боржоми, находилась резиденция наместника Кавказа, рядом с ней поместья местной знати. Горийские купцы торговали не только с Закавказьем, но и с Азией, и с далекой Европой. Однако вся эта роскошь мало касалась сапожника и его семьи.

Виссарион прижился в Гори: благодатная земля, чистый воздух, ремесло есть, клиенты есть, так что вскоре он смог открыть свою мастерскую — чего еще желать? Разве что жену. За дело взялись вездесущие свахи и вскоре сосватали ему шестнадцатилетнюю Екатерину Геладзе, Кеке, как звали ее дома, — дочь крестьянина, круглую сироту, которая после смерти родителей вместе с братьями жила у своего дяди в Гори. Жених был хороший: работающий, самостоятельный — какого еще желать? И опекуны девушки согласились сыграть свадьбу.

Родители Иосифа были людьми, по местным понятиям, образованными. Не только Виссарион знал грамоту, но даже Екатерина: оба умели читать и писать по-грузински. Виссарион говорил на четырех языках — впрочем, такие «полиглоты» были не редкостью на многонациональном Кавказе, достаточно эти языки перечислить: грузинский, армянский, русский и тюркский. Екатерина по-русски не говорила.

Они поженились в мае 1874 года, когда жениху было 24 года, а невесте — 16 лет, и через положенные девять месяцев появился на свет их первенец Михаил, который уже через неделю открыл счет могильным плитам семьи Джугашвили на горийском кладбище². Второй сын, Георгий, родился в декабре 1876 года и умер от кори, не дожив до семи месяцев. И вот теперь появился на свет третий, Иосиф.

Родился он 6 (18) декабря 1878 года, о чем имеется запись в метрической книге Успенского собора в Гори. Однако дата жизни Сталина отсчитывается от 9 (21) декабря 1879 года. Этому факту существует много объяснений, одно другого заумнее, но, по всей вероятности, причина проста: в те годы, когда у него не было ни дома, ни семьи, ни имени, в тюремные документы, а оттуда в официальные, а потом и в партийные попали данные одного из многочисленных фальшивых паспортов, с которыми он перемещался по стране. Ему было все равно, что записано в паспорте, лишь бы документ надежный, и когда он заметил ошибку, исправлять было уже поздно. Да и так ли был важен какой-то год человеку, который и имя-то свое, данное при рождении, слышал лишь на тюремных переключках?

...В надежде перебить несчастливую судьбу мать сменила кума. «Ты, конечно, человек очень добрый, — сказала она крестившему старших детей Якову Эгнатошвили, — но рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради бога...» Тот не обижался, ведь правду сказала Кеке. Крестным Иосифа стал Михаил Цихитатришвили.

У нового крестного и в самом деле оказалась легкая рука. Правда, мальчик переболел тифом, который в то время был бичом Закавказья, но не умер. Потом он перенес оспу — и снова выжил, только на память остались рябины на лице, как говорят в любимом им русском народе, на личике черти горох молотили. Впоследствии одной из его кличек было Чопур, что значит «рябой», а еще позднее питерские меньшевики звали его Иоська Корявый, позаимствовав прозвище, данное ему крестьянами в сибирской ссылке. Ну, корявый-то корявый, да умный, и по женской части тоже на невнимание не жаловался, как в том же русском народе говорят: «Мужик чуть казистей черта — красавец». Так и что с того, что рябой?

Вскоре смерть опять закружилась над головой ребенка: он ушиб левую руку, в суставе началось нагноение, затем заражение крови, и Екатерина не чаяла уже спасти сына, но опять

² Что, кстати, полностью опровергает легенды о том, что Екатерина была чьей-то любовницей, выданной за Виссариона, чтобы «прикрыть грех».

жизнь победила, только рука потом всю жизнь плохо действовала. Здоровья мальчик был слабого, болел часто и много, но цеплялся за жизнь упорно, и детская смертность, которая была в то время в Российской империи тридцать процентов по первому году жизни да тридцать по второму, его в свою черную статистику не включила, отыгралась на братьях.

...Хорошие дома в Гори были на двух-трех улицах внизу. Нижняя часть города считалась богатой, верхняя — бедной. Улочки с неказистыми домишками расползались по горным склонам: летом пыль, осенью грязь. Молодые жили на одной из таких улиц, снимая комнату в крохотном одноэтажном домике — во второй комнате жили хозяева. Стол, четыре табуретки, кровать, буфет да сундук — вот и вся мебелировка. В подвале — кухня, где помещались очаг, стол, табуретка и колыбель. Конечно, не княжеские хоромы, однако по горийским меркам Виссарион обеспечивал семью неплохо. Дело его росло, вскоре появились двое помощников, которые не только работали, но и жили в его семье, однако, несмотря на нахлебников, в доме всегда была еда, было масло, никогда они не продавали вещей, и Екатерине почти не приходилось работать, разве что время от времени, по случаю.

Едва Сосо научился ходить, как, по примеру прочих детей верхней части города, стал большую часть времени проводить на улице, куда, как горошины из разорванного стручка, с самого утра высыпали ребятишки. Иной раз друзья забегали поиграть и к нему домой, но стоило прийти отцу, высокому, мрачному, с тяжелым взглядом, как ребятишки притихали и старались быстрее убежать на вольный воздух, пугались, чувствуя в мрачном сапожнике какую-то недобрую силу...

Детские игры были под стать древней задаче кавказского воспитания: сделать из мальчиков воинов. Дня не проходило, чтобы Сосо не подрался: иной раз он приходил с улицы побитый, иной раз сам кого-то бил, всякое бывало, однако от честной драки не уклонялся. Дрались один на один, дрались и командами — это называлось «криви». Взрослые в праздники устраивали кулачные бои, ну а для детских игр будней не существует, и мальчишеские драки вспыхивали, как сухая трава от случайной искры, — дрались улица на улицу, дети из нижнего города били «верхних» и наоборот. Все мальчишки имели рогатки и самопалы — горе птицам и всему, что двигалось в зоне видимости прицела! Никто их за это не ругал — так положено, мальчишки должны стрелять, должны становиться бойцами, а не прятаться от жизни за материнскую юбку. Сосо был мал ростом и с больной рукой, однако силен, ловок, играл и дрался не хуже прочих, и если не мог заслужить уважения за силу, то заслужил его за смелость и независимый нрав.

...Недолги были счастливые годы детства. Отец начал пить и постепенно, оправдывая поговорку, стал «пить, как сапожник». Семья кочевала с квартиры на квартиру — нигде хозяева не хотели держать пьянию. Он еще работал, стучал своим молотком на рыночной площади, но денег домой почти не приносил, спуская их по кабакам. Екатерине пришлось самой зарабатывать на кусок хлеба для себя и Сосо. Она работала поденно — стирала, убирала, пекла хлеб в домах горожан, а муж теперь появлялся дома только для того, чтобы себя показать, «воспитывая» жену и сына. Жена, по правде сказать, тоже не давала ему спуска, характер был у нее крутой и рука тяжелая. Как-то раз, став свидетелем одной такой родительской драки, десятилетний Сосо кинулся на отца с ножом — и потом несколько дней прятался у соседей.

Еще одной причиной постоянных раздоров в семье было воспитание ребенка. Кеке хотела для сына лучшего будущего, чем у его родителей, а самое лучшее, что могла придумать женщина из простого народа, — это видеть его священником. Она обивала пороги, уговаривала, унижалась и в конце концов сумела устроить мальчика в начальное духовное училище. Это было трудно: мало того, что в училище принимались преимущественно выходцы из духовного сословия, так еще и преподавание здесь велось на русском языке, которого не знала грузинская беднота. Но училищное начальство понимало, что если при поступлении требовать знания русского, то классы будут стоять пустыми, поэтому при училище существовало два подготовительных класса, где детей учили языку. Но Сосо, с самого раннего детства обладавший великолепной памятью и восприимчивостью,

ускорил события. Он занимался русским языком с сыном домохозяина и так преуспел в нем, что в 1888 году мальчика приняли сразу в старший подготовительный класс училища.

Однако учиться Сосо пришлось недолго. «Ты хочешь, чтобы он стал митрополитом? — кричал пьяный Виссарион. — Не бывает этому! Я сапожник, и он будет сапожником!» В 1890 году, когда мальчику было десять лет, с ним случилось несчастье — он попал под фазтон, повредив ноги. Виссарион увез сына в Тифлис, к врачу, но назад не отпустил, а устроил его на ту же фабрику Адельханова, где нашел место и для себя. Сосо мотал нитки, убирал, был на побегушках у старших. Работа от зари до зари в душном цехе вскоре бы, вероятно, доконала слабого здоровьем мальчика, если бы навесить его не приехала мать. Увидев, во что превратился ее обожаемый Сосо, Кеке, потерявшая всякий страх перед мужем, увезла его обратно в Гори. «Выбирай, — зло крикнул на прощание отец сыну. — Или ты остаешься со мной, или едешь с ней, но тогда я знать тебя больше не желаю!»

Все это было так или примерно так: известно, что условие такое было поставлено и что после того, как Иосиф выбрал учение, отец совершенно прекратил помогать им с матерью. Кеке, вернувшись в Гори, всем говорила, что муж ее умер — и на самом деле он перестал существовать для них с сыном. Виссарион все больше пил, опускался и в конце концов 7 августа 1909 года умер от цирроза печени в одной из тифлиских больниц, куда был доставлен из ночлежного дома. Похоронен он на общественный счет, могилу никто никогда не искал. А на просьбу музея в Гори опознать предполагаемую фотографию отца Сталин — три раза! — даже не ответил...

...И вот после ада тифлисской мебельной фабрики снова Гори, свежий воздух, горы, жаркое лето и промозглая зима. Жили они с матерью в крохотной комнатухе, дверь открывалась прямо во двор. Крыша текла, в доме было холодно, да и голодно тоже. Сосо вернулся в училище, но вскоре над его будущим снова нависла угроза. Как ни мала была плата за обучение — всего-то 25 рублей в год, но и она была не под силу бедной поденщице. И снова Кеке обивает пороги, снова унижается перед богатыми попечителями. Настойчивость матери и еще в большей степени огромные способности мальчика принесли свои плоды: его не только освободили от платы за обучение, но даже назначили небольшое пособие: три рубля в месяц. А когда мальчик подрос и стало ясно, что он обещает стать украшением училища, пособие увеличили до семи рублей — а вдруг мать передумает и заберет его, отправит на работу? Но Кеке и не думала менять своего решения. Сосо должен был стать священником, и он станет священником, на этот счет у суровой матери Иосифа не было никаких сомнений.

Строгая и целеустремленная, Кеке не делала поблажек ни себе, ни сыну. До старости он помнил, как тяжела рука матери. «Почему ты меня так била?» — уже став главой государства и отцом троих детей, спросил он как-то. «Вот ты и вырос хорошим!» — был ответ. Однако мальчик любил мать и прощал ей то, чего не простил отцу. В 1935 году она вспоминала: «Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне». После того, как Иосиф обосновался в Москве, он приглашал мать переехать к нему, но Екатерина отказалась, оставшись доживать свой век там, где прожила всю жизнь, — в Гори.

Как ни трудно они жили, но мать всеми силами старалась, чтобы сын не чувствовал себя хуже других. Одет он был небогато, но добротнo и чисто, мать даже сделала ему длинный красный шарф — шарф в то время был для детей примерно то же, что сейчас фирменные джинсы: предмет гордости. Постепенно она выучилась на портниху, тогда стало полегче. Одеть и накормить — это то, что могла сделать для него мать, остальное он делал для себя сам.

Вспоминают, что исключительные способности Сосо проявились с самого раннего детства. Всех поражали его память и восприимчивость. Ему не надо было учить уроки — феноменальная память и умение концентрироваться позволяли запоминать все, что говорил учитель, прямо на уроке. Слишком часто в детях исключительный талант компенсируется

исключительным же разгильдяйством, однако не таков был Сосо. С самого начала обучения в училище и до конца он оставался неизменно первым учеником, никогда не прогуливал и не опаздывал, а будучи дежурным, неумолимо отмечал все нарушения. Он никому не давал списывать — правда, и не отказывал в помощи. И даже тот учитель, которого дети прозвали «жандармом», сделал его своим помощником. Если бы дело было где-нибудь в России, то такой набор качеств вызвал бы к Сосо всеобщую нелюбовь одноклассников, не терпевших «любимчиков», но не так было в Грузии, где очень развито почитание старших, в том числе и учителей.

Сын глубоко верующей матери, он и сам был очень набожен, никогда не пропускал служб, неукоснительно выполнял церковные правила и следил, чтобы их выполняли другие. Он очень любил петь, легко выучил ноты и вскоре уже помогал регенту училищного хора, иной раз заменяя его. Как лучший чтец в училище, Сосо обучал других чтению псалмов, был главным чтецом и певчим на торжественных молебнах. Первые зерна сомнения заронил в его душу Дарвин. Однажды он сказал одному из товарищей: «Знаешь, нас обманывают, Бога не существует. Прочти-ка эту книгу...» — и дал ему Дарвина. Для неискушенного детского ума книга стала непреодолимым соблазном — попробуй-ка совместить теорию происхождения видов и школьный урок Закона Божия. Правда, рассказывают, что когда король спросил Дарвина, где первое звено его цепочки, великий ученый ответил: «Оно приковано к престолу Всевышнего». Но этого, естественно, в российских переводах конца XIX века не писали, так называемое просвещенное общество больше любого просвещения было озабочено тем, чтобы привить тем, кого оно просвещало, собственные убого-материалистические представления о мире.

Несмотря на маленький рост и плохо действовавшую левую руку, на то, что он был отличником и помощником учителей, Сосо пользовался популярностью у детей. Он был компанейским, сильным, ловким и всегда стремился быть первым — в играх, в драках, в учебе. В Грузии никто ничего плохого в таком стремлении не видел, наоборот, все эти качества в детях поощрялись, равно как поощрялось и чувство соперничества. Мальчики должны становиться мужчинами, а мужчина должен быть или хотя бы стремиться быть первым.

Однако вскоре Сосо перестал играть с ребятами — появилось новое увлечение, которое захватило мальчика целиком и продолжалось всю оставшуюся жизнь. Это были книги. Теперь на переменах он не участвовал в играх, а сидел в сторонке с книжкой, отделяясь от обращающихся к нему односложными замечаниями. Вскоре он перечитал все, что мог достать в маленьком уездном городке, получив доступ во все личные книжные собрания...

Жизнь Иосифа, а соответственно и история России могли бы сложиться по-иному, если бы Кеке приняла предложение учителя Гогличидзе, который, перейдя в 1894 году в Тифлисскую учительскую семинарию, предложил матери забрать мальчика с собой и устроить его туда на казенный счет. Однако Екатерина была непреклонна: ее сын должен посвятить себя Богу. В мае 1894 года Иосиф закончил училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Если бы мать знала, куда она отправляет сына, — кто знает, может быть, и приняла бы предложение учителя. Но она не могла этого знать. Для нее семинария была местом, где готовят священников, и только. А на самом деле там давно уже готовили не священников, а революционеров. ..

Семинария

Отцы Тифлисской семинарии очень пеклись о тишине и благолепии. Порядки в учебном заведении были совершенно иезуитские — надзор строжайший, постоянные обыски, кондуит, карцер, вся жизнь на виду друг у друга и у отцов-наставников. Но на деле выходило не то, о чем мечталось: семинария была первым рассадником крамолы во всем Закавказье, впоследствии из ее учащих революционные партии черпали свои лучшие кадры. Да и в стенах самого учебного заведения тоже было неспокойно. За несколько лет до

описываемых событий семинарист Сильвестр Джигладзе (один из тех, кто впоследствии приохотил Иосифа к партийной работе) ударил ректора за то, что тот назвал грузинский язык «языком для собак». Через год один из бывших семинаристов убил ректора.

В 1893 году семинарию в очередной раз потрясли беспорядки — Сосо узнал о них еще в Гори от своих друзей Ладо Кецохели и Михи Давиташвили. Учащиеся объявили забастовку, на неделю прекратив занятия и предъявив требования: прекратить обыски и слежку, а также уволить нескольких человек из числа особенно не любимых учениками наставников. В ответ 87 человек были отчислены (23 из них высланы из Тифлиса), а семинарию закрыли на год. Занятия возобновились только в 1894 году — как раз в тот год, когда там начал учиться Иосиф Джугашвили. Естественно, отношения между начальством и учениками нисколько не улучшились.

...Привыкший к вольному воздуху гор, в Тифлисе Сосо попал совсем в другой мир. Целые дни юные воспитанники проводили в четырех стенах, на виду друг у друга и у наставников. В семь утра подъем, молитва, утренний чай, потом занятия до двух часов дня. В три часа — обед, в пять — переключка, после которой выходить на улицу запрещалось. В восемь часов вечерняя молитва, затем чай, приготовление уроков и в десять — спать. И так изо дня в день.

Но если бы в этом учебном заведении царил истинно христианский дух, то едва ли такой распорядок стеснял бы Иосифа. Если бы он нашел здесь пищу для своей горячей души, этот пылкий юноша, не знавший алчности, не склонный к разгулу, страстно любивший книги и одержимый жаждой справедливости, мог бы стать одним из подвижников церкви. Но иезуитские порядки в Тифлисской семинарии могли только оттолкнуть от церкви, что в результате со многими воспитанниками и случалось — не зря же из ее стен выходило столько крамольников.

...Сначала Сосо пытался вести себя по-христиански. Те, кто знал его в первый год семинарской жизни, вспоминают, что он был тихим, предупредительным, застенчивым. Однако в мальчишеском коллективе христианские качества ценятся мало, и очень скоро Иосиф вспомнил горийские привычки и стал кидаться на обидчиков с кулаками, пожалуй, и сверх меры. Знакомые того времени говорили про него: «Странный грузин — не понимает шуток. Отвечает кулаками на самые невинные замечания». От хорошей жизни на людей не кидаются...

Он по-прежнему был не силен физически и мал ростом, однако искупал эти недостатки отчаянной храбростью и отвагой в драке. И все же ему приходилось трудно: маленького роста, рябой, с больной рукой, с необычными манерами — а ведь известно, как дети «любят» тех, кто на них не похож. В Гори, где его знали с малолетства и принимали таким, какой он есть, это был нормальный, общительный и дружелюбный мальчик, но теперь, попав в чужую холодную среду, он замкнулся. Однако все преодолимо, горячая, страстная натура взяла свое, и через некоторое время Иосиф стал в семинарии не менее популярен, чем в духовном училище. Отчасти помогли драки, а отчасти и книги...

Чтение светских книг было в семинарии строжайшим образом запрещено, поэтому воспитанники проявляли к ним особый интерес. В Тифлисе существовала народная «Дешевая библиотека», где все они и паслись. Их заставляли за чтением неположенных книг, изымали литературу, записывали в кондуит, сажали в карцер — все тщетно! Чтение занимало у Иосифа все свободное и значительную часть несвободного времени. Успеваемость его начала снижаться, участились записи в кондуитном журнале о том, что он читал неположенную литературу. Его записывали в кондуит, лишали права выходить в город, сажали в карцер — все тщетно, от этого запретный плод становился только слаще и слаще. Этот юноша был не из тех, кого можно сломить подобными наказаниями, — его не смогли сломить и куда более суровые испытания. Он был не то что упорным... в русском языке существует слово «упертый» — оно точнее.

В своем стремлении к знаниям Иосиф был не одинок. В то время в семинарии существовал ученический кружок, руководимый Сеидом Девдориани, в который осенью

1896 года вступил и Иосиф. Впрочем, изучали они вещи совершенно невинные — художественную литературу и книги по естественным наукам, все разрешенное цензурой, никакой нелегалщины. Но запреты и преследования отцов-наставников даже романам Гюго придавали пряный заговорщицкий привкус.

Тогда же, в семинарии, Иосиф начал писать стихи. Точнее, никто не знает, когда он впервые сложил слова в рифмованные строчки, но после первого курса он решил попытаться счастья и что-нибудь опубликовать. Попытка оказалась более чем успешной: первый же визит в редакцию газеты «Иверия» закончился тем, что юного поэта принял сам Илья Чавчавадзе, крупный грузинский общественный деятель и редактор газеты. Чавчавадзе отобрал для опубликования пять стихотворений. Несколько позже еще одно появилось в газете «Квали».

Если бы не революция, грузинская литература, вполне возможно, пополнилась бы еще одним хорошим поэтом. О качестве первых поэтических опытов Иосифа говорит тот факт, что в 1901 году одно из этих стихотворений было включено в пособие по грузинской словесности, составленное М. Келенджеридзе. В 1907 году другое стихотворение из подписанных псевдонимом «Сосело» было приведено в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности».

А ведь их автору было всего шестнадцать лет! Но вскоре новое увлечение властно вторглось в его жизнь, и написание стихов стало занятием неинтересным. Разве будет мужчина играть в оловянных солдатиков, если ему предлагают настоящую винтовку и боевого коня?

...Первые годы Иосиф учился хорошо, да иначе и нельзя было. Обучение в семинарии отнюдь не было бесплатным. Платить надо было 140 рублей в год (40 рублей за обучение и 100 — за содержание). На казенный кошт принимались лишь сироты или юноши из самых бедных семей и преимущественно духовного звания. Иосиф происходил из самой бедной семьи — беднее некуда! — но не из духовного звания, так что надежды на казенный кошт было мало. Однако мать и в семинарии сумела найти покровителей, и для него сделали исключение. При таком статусе хорошо учиться было просто необходимо. Первый класс он закончил восьмым по успеваемости, второй — пятым.

По поводу того, какое образование получил Иосиф Джугашвили, немало в свое время насмешничали товарищи по партии — те, что были из интеллигенции и кичились тем, что прошли через университетские аудитории. А уж после начала антисталинской кампании и говорить нечего: иного эпитета, кроме «недоучившийся семинарист», никто и не применял. Чем недоучившийся семинарист хуже недоучившегося студента — да пусть бы и доучившегося — совершенно непонятно. Вот, например, Владимир Ильич, закончивший экстерном Казанский университет, — много ли с того образования толку? За семинаристами, по крайней мере, отцы-наставники следили и заставляли уроки делать, а гражданские студиозусы сплошь и рядом проводили время, как в известной песне: «От зари до зари, как зажгут фонари, вереницей студенты шатаются», и учились два месяца в году — летнюю сессию да зимнюю. Тем не менее Ленин — образованный, а Сталин — нет...

Какие предметы изучали в семинарии будущие священники? Разумеется, Священное Писание, историю Церкви. «Специальные» предметы: церковно-славянское пение, грузинско-имеретинское пение, основы богословия, гомилетику, то есть искусство церковной проповеди, литургику, дидактику.. Языки: русский, грузинский, древние (как минимум греческий и церковно-славянский). Словесность, гражданскую историю, математику, физику, логику, психологию — неплохой набор! Первые годы Иосиф учился хорошо, и даже при том, что в старших классах он стал превращаться в отстающего, но тем не менее азы преподаваемых предметов при своей феноменальной памяти усваивал. Это не говоря уже о колоссальной страсти к самообразованию, которую он сохранил на всю жизнь. По разным данным, в день он прочитывал от 300 до 500 страниц текста по самым разным отраслям знания, а в тюрьмах и ссылках, поскольку заняться больше было нечем, читал еще больше. К тому времени, когда Сталин стал главой государства, он превратился в одного из

образованнейших людей своего времени. Ну, правда, бумажки под названием «диплом» так и не получил, поскольку уже в третьем классе у него появились новые интересы и увлечения, и учеба отошла на второй план.

...Скоро Иосиф стал, наравне с Сеидом Девдориани, одним из лидеров ученического кружка. Семинаристы по-прежнему изучали художественную литературу и книги по естественным наукам, но постепенно в поле их зрения стали попадать и науки общественные. В сочетании с крамольным духом, которым была исполнена семинария, это привело к тому, что кружок разделился. Часть его членов, и Сеид в том числе, придерживались прежнего направления, а другая половина все меньше интересовалась романами Гюго, физикой и биологией и все больше — политэкономией, социологией и прочими науками об обществе. Лидером этой группы естественным образом стал Сосо. Но самостоятельно разобраться в хитросплетениях общественных наук юные семинаристы были не в состоянии. Срочно требовался наставник — и он не замедлил появиться.

В числе старых, еще горийских друзей Иосифа были братья Кецховели — Ладо и Ваню. Семья, что называется, «с традициями» — старший брат Николай и его жена были связаны с народниками, младшие же братья пошли дальше, явно склоняясь к нарождающейся социал-демократии. Исключенный из Тифлисской семинарии после забастовки 1883 года, Ладо поступил в Киевскую семинарию, однако своих вольнодумных привычек не оставил, и вскоре у него на квартире была обнаружена нелегальная литература. Ладо повезло: объявленная в 1896 году по случаю коронации Николая Второго амнистия избавила его от преследований полиции. Однако из семинарии юного вольнодумца выгнали, и он снова вернулся в Тифлис, где устроился корректором в типографию, предвидя, что скоро знакомство в области книгопечатания и опыт работы очень и очень пригодятся. Осенью того же года, к вящей радости Сосо, Ладо взял на себя руководство их ученическим кружком. А в 1898 году, когда Сеид Девдориани закончил семинарию и поступил в Юрьевский университет, линия Джугашвили полностью возобладала. Семинарский кружок стал готовить молодых марксистов, которые самого Маркса, правда, пока не читали, и имели относительно представление о его взглядах — очень относительное! — зато были с ними полностью согласны. А главное, они очень хотели изменить ту жизнь, которую видели вокруг себя, и тут уже было все равно — Маркс или кто другой даст им в руки тот точильный камень, на котором юные революционеры станут оттачивать свои мечи. Но для Иосифа теория значила много: приход в кружок Ладо был настолько важен для него, что именно от этой даты — осени 1897 года — он отсчитывает свой революционный стаж.

Начало

Большинство революционеров приводит на этот путь иррациональная жажда разрушения, ниспровержения существующего порядка. (Наблюдение о том, что «революция пожирает своих детей», появилось не на пустом месте. После победы революции ее творцы-разрушители становились смертельно опасны для нового общества в той же мере, в какой они были опасны для старого, и в целях самосохранения новой власти приходилось проводить «дезактивацию».) В то время этой жаждой разрушения были охвачены практически все образованные слои российского общества — не зря же радикальные революционные партии создавались выходцами из дворянства и интеллигенции. Но нет правил без исключений — даже в самых радикальных организациях имелись люди, которых привели в революцию другие мотивы. Один из таких — Иосиф Джугашвили.

Была у него одна черта, в общем-то характерная для грузина, но редко у кого она проявлялась так обостренно. С самого раннего детства его отличало стремление к справедливости. Когда Сосо был совсем маленьким, то мечтал стать писарем, чтобы составлять людям прошения и жалобы. Потом, став постарше и поняв, что прошениями мира не изменить, решил сделаться волостным начальником, хотя бы в одной волости навести порядок и защищать обиженных. Но время шло, он все больше и больше узнавал жизнь, в

которой проблемы не решались доброй волей отдельных начальников. Смириться с церковным объяснением порядков, царивших в мире людей, ему не давали молодость и пылкость натуры — казалось, что достаточно установить на земле справедливое общество, и в людях возобладают лучшие свойства души, они сами собой изменятся и заживут достойно и счастливо. (Кстати, гораздо более опытные и просвещенные люди придерживались в то время того же заблуждения, например, французский писатель Эжен Сю³ или наш Чернышевский.) Гораздо позднее, безнадежно позднее стал ему понятен смысл слов Достоевского: «Все предусмотрели господа социалисты, только натуру человеческую недоучли». В восемнадцать лет он не читал этих слов, и даже если читал, то не услышал, а если и услышал, то не поверил. Юноше с горящими глазами казалось, что найдено универсальное лекарство от всех бед — марксизм, и это свое заблуждение он разделял с другими людьми, многие из которых были куда старше и опытнее. Иосифа привело в революцию не юношеское фрондерство, не стремление к политической карьере, не мода — а быть революционером в то время было куда как модно! — не счеты с режимом, его привело в революцию обостренное стремление к справедливости. И он, выбрав раз в жизни цель, устремился к ней с упорством горной реки, той, что пробивает себе дорогу сквозь гранитные скалы.

...Вскоре Иосиф познакомился с единомышленниками вне семинарии. Кроме ученического, он стал членом того кружка в городе, в который входил Ладо. В то время основным родом деятельности революционеров были пропаганда и самообразование, время было такое... подготовительное. В самом начале 1898 года один из его новых знакомых, Сильвестр Джигладзе, привел юношу на занятие кружка железнодорожных рабочих. Умный, обладавший незаурядным даром популяризатора и наученный премудростям проповеднической работы, которые он всю применял в пропагандистской практике, Сосо пришелся социал-демократам ко двору и вскоре получил собственный кружок, составленный из молодых русских рабочих-железнодорожников (русские и грузины занимались отдельно по причине языкового барьера). Летом он стал членом Тифлисской организации РСДРП.

У большинства его товарищей увлечение марксизмом оказалось преходящим. Остепенившись, они отходили от «заблуждений молодости» и становились добропорядочными буржуа. Не то Иосиф: упорный и целеустремленный, свою дорогу он выбрал раз и навсегда.

Теперь, когда он определил свой жизненный путь, учеба в семинарии стала помехой, она отнимала время у революционной работы, а еще больше мешал строгий семинарский надзор. Учился он все хуже и хуже, четвертый класс закончил с одной четверкой (остальные — тройки), поведение тоже хромало, и уже в 1898 году инспектор Дмитрий Абашидзе предложил исключить Иосифа Джугашвили из семинарии. Ректорат его не поддержал, уж больно способен был юноша, авось одумается! Но тот и не думал исправляться, да и заканчивать семинарию явно не хотел — зачем ему! Экзамены за пятый класс Иосиф решил не сдавать, и летом 1899 года был отчислен из семинарии. И вот он свободен... но что теперь? Как жить, где жить, на что жить?

...В Тифлисе ему некуда было идти, и Иосиф отправился домой, в Гори. Ничего хорошего от встречи с матерью он не ждал, однако куда денешься! Действительно, прием дома ему был оказан такой, что пришлось прятаться от матери. Скрывался он за городом, в садах, куда товарищи приносили еду, а потом отправился в село Цроми, где проводил лето у отца-священника его друг Михаил Монаселидзе. Молодые люди были полны планов и надежд. Время от времени к ним навещался Ладо, все вместе они обсуждали будущую работу в Тифлисе — как от просветительства, которое давно уже в зубах навязло, перейти наконец к делу. Зачем создавали рабочий актив — естествознание в воскресных школах изучать, что ли? Лето кончилось, и Иосиф вернулся в Тифлис. Революционной работы было

³ Автор знаменитого «социального» романа «Парижские тайны».

предостаточно, а вот жить оказалось негде и не на что. Он ночевал у товарищей, перебивался случайными уроками. Но не имей сто рублей, а имей сто друзей — помог Ваню Кецохели, который работал в Тифлисской физической обсерватории и там же жил (за этим громким названием скрывалась банальная метеорологическая станция). Он разделил с бездомным другом казенную комнату, а вскоре устроил его на работу в ту же обсерваторию. Потребности у Иосифа были очень скромные. Питался он чем придется, одежды было — только то, что на нем, так что биографы довольно легко датируют фотографии Сталина по тому, во что он на этих фотографиях одет. В первый год своего самостоятельного плавания по волнам революции он носил черную русскую блузу-косоворотку, старый коричневый плащ, русский картуз, жил, как уже говорилось, в комнатке при обсерватории, занимался пропагандой, но все чаще задавал себе вопрос: а для чего ему заниматься пропагандой? Что дальше?

...Не он один задавал себе этот вопрос. В тифлисской организации назревал раскол между «старыми» и «молодыми» эсдеками. «Старики» по-прежнему занимались просвещением рабочих и считали, что ничего другого делать пока не нужно, — эта группа во главе с Ноем Жордания впоследствии составит ядро меньшевистской организации Закавказья. «Молодые», которыми руководил Ладо Кецохели, требовали перехода к активным действиям, у них было много нерастрченных сил, однако недостаточно влияния и авторитета, чтобы настоять на своем и направить организацию по выбранному ими пути. Споры продолжались и продолжались, и вот Сосо, набравшись решимости, вынес этот «верхушечный» конфликт на рассмотрение рабочих. Впрочем, этот шаг тоже никакой пользы не принес, кроме того, что у него отобрали кружок. Уж очень разные были весовые категории — «старики» создали организацию, за ними был статус руководителей, опыт работы, они держали в руках финансирование. Если бы хоть одно выступление трудящихся, хотя бы одна забастовка, чтобы стронуть эту лавину. А там пойдет...

Неугомонный Ладо все не успокаивался и добился наконец своего: 1 января 1900 года остановилась тифлисская конка. Правда, первый блин вышел комом — дирекция даже не пожелала разговаривать с забастовщиками, а просто вызвала полицию, разрешив спор арестом зачинщиков, чем стачка и закончилась. В результате тифлисская организация приобрела некий небольшой опыт забастовочной борьбы, но потеряла Ладо: полиция дозналась, что он был организатором стачки, и ему пришлось, спасаясь от преследования, срочно перебраться в Баку. И все же без первого блина не будет и прочих, лиха беда начало — забастовка состоялась!

Казалось бы, неудача рабочего выступления надолго отобьет у «молодых» охоту к активным действиям. Но это только казалось. Летом «блины» пошли один за другим: в начале июля остановилась табачная фабрика Сафарова, в конце — табачная фабрика Бозарджианца, в августе — завод Яралова и еще одна табачная фабрика, памятный Сосо обувной завод Адельханова. 1 августа забастовали железнодорожные мастерские. В городе появились печатные листовки — заработала первая нелегальная типография социал-демократов.

Но и эта стачка закончилась поражением: в город ввели войска, начались массовые увольнения рабочих и аресты зачинщиков. Однако организация не была разгромлена, как перед началом стачек предрекали меньшевики, наоборот, теперь, когда рабочие увидели, что у эсдеков не скучно, она начала крепнуть. Зашевелилась и полиция. В мае 1901 года в Тифлисе прошли массовые аресты. Иосиф остался на свободе, однако решил не искушать судьбу, тем более что обыск-то у него на квартире провели, — и перешел на нелегальное положение. Теперь он был настоящим революционером, одним из первых профессиональных революционеров в России.

Зима 1901 года, первая нелегальная зима Сосо, прошла относительно спокойно. Социал-демократы отдыхали от классовых боев и занимались «разбором полетов». Помимо прочего, перепуганное руководство организации после поражения стачки приказало уничтожить с таким трудом созданную типографию — теперь ее надо было организовывать

заново. Так что дел хватало. Но зимний отдых не прошел даром: 1 мая 1901 года встретили во всеоружии — демонстрациями и прокламациями. Почувствовав опасный рост революционного движения, активизировалась и полиция. Аресты шли за арестами, эсдеков «снимали» слой за слоем, но обезглавить организацию не удавалось, наоборот, кровопускание шло, пожалуй, даже на пользу. «Развлекались» неположенным образом молодые радикалы, а отвечали за их дела прежние лидеры — они и шли в тюрьму, освобождая дорогу молодым, так что организация РСДРП быстро «левела» и активизировалась, а ее молодые вожаки занимали все более видные места.

Если б не аресты, Сосо долго бы еще оставался пропагандистом, а так в начале ноября 1901 года он стал членом комитета тифлисской организации РСДРП и почти сразу же получил новое партийное задание — наладить работу в Батуме.

Батум. Первый арест

Задание было не очень сложным, однако все же не каждому по плечу. Этот город, лишь в 1878 году отвоеванный у турок, крупный промышленный и портовый город с достаточно развитым рабочим классом, был важен для социал-демократов. К тому времени там существовала воскресная школа для рабочих, и этим бы вся работа эсдеков в Батуме, пожалуй, и ограничилась, если бы делу не помогли сами власти: в 1900 году здесь появились тифлиские рабочие, высланные за участие в железнодорожной стачке. (Отлично, кстати, придумано — высылать из охваченных волнениями городов в еще мирные места активистов-забастовщиков. Нет лучшего способа разгонять крамолу по стране.) Вокруг высланных быстро стали складываться кружки недовольных. Теперь, чтобы поставить работу, требовался сильный и энергичный организатор, и тифлисам поневоле пришлось поделиться — туда отправили Сосо, которому, кстати, надо было на время, пока полиция не угомонится, исчезнуть из города.

В Батуме, как уже было сказано, имелись стихийно возникшие рабочие кружки, так что Иосифу было на кого опереться, и он уже привычно начал сколачивать заводские организации. Первыми, с кем он встретился, были рабочие завода Ротшильда, где имелся небольшой рабочий кружок. «Каждый из вас, — сказал Иосиф после небольшой речи о задачах организации, — должен привести к нам еще хотя бы по одному человеку». Затем — завод Манташева. Там один из рабочих, Дементий Вадачкория, организовал у себя дома собрание, пригласив семерых рабочих ненадежнее. Когда все собрались, появился руководитель кружка завода Ротшильда Канделаки с неизвестным молодым человеком в черной рубашке, длинном летнем пальто и мягкой черной шляпе — это и был пропагандист из Тифлиса Сосо. Коротко и доступно он рассказал о цели собрания, о том, чем занимаются социал-демократы, а в конце беседы сказал: «Вас семь человек, соберите каждый по семи человек у себя на предприятии и передайте им нашу беседу». Так он работал — достаточно просто, но эффективно. Уже через месяц, в новогоднюю ночь, состоялось собрание новой организации, где присутствовали 25 человек.

Но это не был бы Иосиф, если бы тут же не начались забастовки — по любому случаю, который мог стать поводом для того, чтобы рабочие выставили претензии хозяевам. «Проба пера» состоялась на заводе Ротшильда, где за участие в ликвидации пожара выплатили премии только мастерам и бригадирам, обойдя тушивших огонь рабочих. Те возмутились, Иосиф подсказал, что и как делать, — и вспыхнула стачка. Однако кроме восстановления справедливости забастовщики попутно потребовали еще и отмены работы в воскресные дни. Поскольку работа по воскресеньям и так была с 1897 года запрещена законом, то администрации ничего не оставалось, кроме как удовлетворить требования.

Более серьезная забастовка произошла на заводе Манташева — уже через неделю после первой. Во-первых, это было ничем не спровоцированное выступление. Во-вторых, и требований выставили больше. В «первой серии» было: отмена ночных работ и работы в воскресные дни и вежливое обращение со стороны мастеров и администрации. Но,

поскольку хозяева не спешили идти на уступки и даже вызвали полицию, то последовала и «вторая серия» с требованием повышения заработной платы, отмены штрафов. В конце концов и эта забастовка закончилась победой рабочих. Да, опытный организатор — половина победы!

Между тем Иосиф оставался и членом Тифлисского комитета РСДРП. Энергии у него было на несколько человек. Он все время ездил в Тифлис, на обратном пути привозя оттуда необходимое оборудование для типографии, так что вскоре она была создана и в Батуме. Правда, по уровню технического прогресса батумские печатники недалеко ушли от Гутенберга. Типография расположилась в той же комнатке, где жил Сосо. Он писал листовки, и наборщики тут же набирали их вручную — шрифт был разложен в спичечных и папиросных коробках. Затем набор готовили к печати, смазывали краской, клали сверху лист бумаги и вращали винт станка до тех пор, пока лист плотно не прижимался к набору, так что получался оттиск. После чего все сооружение развинчивали, брали новый лист, и все начиналось сначала. Работа была тяжелой и требовала много сил и времени, тем более что вскоре типография стала кочевать по городу, пока не обрела наконец пристанище... на городском кладбище, в одном из склепов. Удобств меньше, но зато есть и преимущество: гарантирована полная безопасность для хозяина конспиративной квартиры!

Пока все шло хорошо, но вскоре интересы трудящихся и хозяев столкнулись всерьез. В конце февраля дирекция завода Ротшильда объявила о намерении провести массовые увольнения — более чем массовые, ибо увольнению подлежали около 40% работающих на заводе. В ответ вспыхнула забастовка, но теперь хозяева чувствовали себя уверенно и ответили на все требования отказом. Рабочие уперлись, администрация отреагировала обращением в полицию, которая арестовала зачинщиков, чем забастовка, по идее, и должна была закончиться. Однако не те времена стояли на дворе, и вместо финала все это стало прологом.

Арестованных заперли в пересыльной тюрьме. Вечером у тюрьмы собралась толпа в несколько сот человек — рабочие требовали или освободить товарищей, или арестовать всех. Требование было явно демагогическим — всех, мол, не пересажаешь! Однако на сей раз полиция решила пойти навстречу пожеланиям народа, и в здание пересылки затолкали всю толпу — мол, ночь посидят, охолонут, успокоятся и утром спокойно пойдут по домам. Однако утром выручать арестованных явилась вторая половина трудового коллектива завода Ротшильда. Вновь пришедшие решили штурмовать здание, чтобы освободить товарищей, а те, услышав, что их пришли выручать, попросту вынесли двери пересылки и вырвались наружу. Все бы ничего, но городские власти для охраны тюрьмы вызвали войска. Оказавшись между двух возбужденных толп, растерявшиеся солдаты открыли огонь. Итог стачки в Батуме: 20 раненых и 13 убитых. Это было самое крупное по числу жертв столкновение рабочих с полицией после стачки на Обуховском заводе в Петербурге. Полиция начала расследование и довольно скоро выяснила, что одним из организаторов забастовки был некто Иосиф Джугашвили. Его выследили и 5 апреля 1902 года арестовали.

Для революционера тюрьма — дело, в общем-то, житейское. Рано или поздно туда попадал всякий. Сидели эсдеки много и часто и умели организовать тюремную жизнь с пользой для себя и своей партии. Не зря у них в ходу был термин «тюремные университеты». На воле подпольщики всегда были заняты, а в тюрьме уж чего-чего, а свободного времени сколько угодно, и его умели использовать с толком. «Политические» читали в камерах лекции, устраивали диспуты, обсуждения книг, а к ним внимательно прислушивались прочие арестанты, и часто бывало так, что молодой человек, попавший в тюрьму по какому-нибудь пустячному делу, выходил оттуда убежденным социал-демократом или эсером.

Арестовать-то Иосифа арестовали, но дальше у полиции не очень-то получалось. Его пытались привлечь к делу о забастовке, однако доказательств — тех, которые мог принять во внимание суд, — не было, а агентурные донесения к делу не подошьешь. Сам он, естественно, полностью отрицал свою причастность к этому инциденту. Около трех месяцев его содержали под стражей, однако толку так и не добились. Полиция оказалась в трудном

положении, но тут батумским следакам повезло. Еще в самом начале следствия они снеслись с Тифлисом. Бюрократическая машина в царской России работала медленно и со скрипом, а в этом случае создается впечатление, что кто-то в Тифлисском жандармском управлении еще и умышленно все запутывал (ничего удивительного, эсдеки имели своих людей повсюду, в том числе и там). Но все же машина работала, и к концу батумского следствия выяснилось, что в столице подследственный Джугашвили тоже был известен не с лучшей стороны, проходя по делу о Тифлисском социал-демократическом кружке. Так что его продолжали держать в тюрьме — теперь уже по новому делу.

Многих начинающих революционеров тюрьма пугала и навсегда отталкивала от революции. Многих, но не Иосифа — к такому повороту событий он был готов с самого начала: для революционера арест — дело времени. Свое заключение он использовал для самообразования. Товарищи по камере вспоминают, что Сосо был всегда с книжкой, а в бесконечных диспутах оттачивался его полемический талант. Кроме того, некоторые, хотя и усеченные, возможности для борьбы имелись и в тюрьме, так что сидеть было не скучно.

Осенью 1903 года Батум посетил экзарх Грузии. Узнав, что высокий гость пожелал осмотреть тюрьму, Иосиф устраивает приуроченную к этому событию демонстрацию заключенных. После этой истории его переводят в Кутаиси, и, оставив в наследство тюремному начальству организацию заключенных в Батуме, он принимается за то же самое уже в новой тюрьме. Там в июле 1904 года Иосиф устраивает бунт заключенных, избрав в качестве меры воздействия на власти... металлические тюремные ворота. Гулкские удары переполошили весь город, в тюрьму срочно приехали губернатор и прокурор. Требования у заключенных были самые простые: построить нары, два раза в месяц устраивать банный день, содержать политических отдельно от уголовных, вежливо обращаться и пр. Ошарашенное начальство удовлетворило требования, в отместку согнав политических в самую худшую камеру. Впрочем, даже худшая камера была не настолько плоха, чтобы испортить удовольствие от отсутствия уголовных соседей. Разве что для Иосифа это ухудшение условий было ощутимо. В тюрьме его и без того слабое здоровье серьезно пошатнулось, вплотную приблизился бич Кавказа — туберкулез.

...И так вот он, нисколько не скучая, сидел в кутаисской тюрьме. Ну, естественно, перевод подследственного из одной тюрьмы в другую для полицейской бюрократии был операцией непосильной — в Тифлисе, где решалась его судьба, Джугашвили «потеряли». Когда следствие было окончено, местное жандармское управление, которому надоело возиться со столь беспокойным заключенным, предложило выпустить его до решения дела под особый надзор полиции. Тифлис отказал, Иосиф остался в тюрьме, однако кто-то в каких-то бумажках что-то не то написал, и к тому моменту, когда дело Джугашвили решилось, Тифлисское жандармское управление почему-то было уверено, что он выпущен под надзор полиции. Его стали искать и, естественно, нигде не нашли, после чего объявили розыск по всей Грузии. На протяжении всей этой суматохи разыскиваемый преспокойно сидел себе в кутаисской тюрьме.

Полиция так и не смогла довести дело до суда, и после года с лишним ареста по делу Джугашвили было принято решение, специально придуманное как раз для таких случаев — когда все известно, а доказать ничего не получается. Орган, также специально созданный как раз для таких случаев, — Особое совещание при Министерстве внутренних дел (и вовсе не большевики его придумали, они просто повторили опыт царской России) постановило: выслать в Восточную Сибирь сроком на три года. После этого его полтора месяца искали, еще два месяца готовили к этапу, и к месту ссылки он отправился только в конце ноября — в демисезонном пальто и легких ботинках. Ну, а кого это волновало — правительство брало на себя расходы по транспортировке заключенных, но снабжать их еще и теплой одеждой оно было не обязано. Между тем имущества у Иосифа было, как и всегда, только то, что на нем. И денег столько же, сколько всегда, — ни рубля. Небольшую сумму выдал отправляемым по этапу товарищам комитет РСДРП, да батумские рабочие собрали около 10 рублей и немного провизии. С чем он и отправился в сибирскую зиму...

...Конечно, Иркутск не Якутск, есть в Российской империи места и подальше. Но Восточная Сибирь — это очень далеко, и там очень холодно. Из Иркутска путь лежал дальше, в уездный город Балаганск, а оттуда — в селение Новая Уда. Как Иосиф в декабре, не имея теплой одежды, доехал до Новой Уды, история умалчивает. Зато стражники могли быть спокойны за нового ссыльного — зимой он никуда не денется, в Сибири без шубы не побегаешь. Точнее, они так думали, что могут быть спокойны...

Деревенька была крохотная, ссыльных в ней всего четверо. На ее нижнем конце, в бедном домике из двух комнат на краю болота, у крестьянки Марфы Литвинцевой и поселился Иосиф. Стояла зима, морозы доходили до минус тридцати градусов, а он в чем приехал, в том и жил, купить зимнюю одежду было не на что. Но он все равно не собирался задерживаться в ссылке и достаточно скоро ушел в побег. Правда, в первый раз отъехал недалеко — недооценил сибирские морозы, по пути понял, что без теплой одежды не доедет, и вернулся обратно.

Зато во второй раз побег был удачным. Бежал он накануне Крещения, 5 декабря, рассчитывая, что стражники в праздник перепьются и ссыльных проверять не станут. Расчет, правда, оказался верен лишь наполовину — стражники перепились, однако дело свое и в пьяном виде знали, так что уже 6 января сообщение о побеге было разослано по всей округе. Но все же праздник дал Иосифу возможность благополучно добраться до Балаганска, а это был какой-никакой, а город — народу больше, больше и ссыльных, легче спрятаться. Товарищи укрыли его на несколько дней, снабдили теплой одеждой и отправили дальше, через Ангару, к станции Зима. К тому времени приметы беглеца были разосланы по всей округе, но его искали на путях, ведущих в Россию, а Иосиф отправился на восток, в Иркутск, где ему предстояло добыть деньги на дорогу и документы. Раздобыв и то и другое, он отправился на Кавказ.

Эта история во многих деталях загадочна. Дело в том, что побег из Сибири — дело не дешевое. Лишь в плохих фильмах ссыльные бегут «в никуда», добираясь на попутных лошадях да безбилетными пассажирами четвертого класса. На самом деле в Сибири механизм поимки беглых был отработан, так что первый же ящик или кондуктор отвел бы такого «путешественника» в полицию и получил положенную за поимку беглеца награду. Для побега нужны были деньги, и немалые — как минимум на билет, причем желательно не третьего класса, на питание во время долгой дороги да на всякие непредвиденные расходы. Нужны были и надежные документы. И если по поводу прочих побегов Иосифа точно известно, кто их финансировал, то здесь ясно лишь одно: деньги он достал в Иркутске. Откуда? Их могли собрать ссыльные, мог помочь кто-нибудь из «спонсоров», коих везде было достаточно, «на революцию» скидывалось все образованное общество. Наконец, теоретически их могли перевести и из-за границы. Точно известно только одно: оттуда их не переводили. Батумские социал-демократы были тут ни при чем.

Однако Сталин и сам внес изрядную путаницу в историю своего побега. Позднее, уже после победы революции, он любил время от времени рассказывать истории из дореволюционного прошлого или приводить их «к слову», в качестве примеров. И уж тут-то его творческая фантазия разыгрывалась вовсю! Истории эти излагались во множестве вариантов, обрастая по пути авантюрными ходами и колоритными подробностями. Что касается первого побега из Сибири, то известны три версии того, как это было, и все три — в авторском изложении. Согласно одной версии, он заставил местного мужика везти его к ближайшей станции — 120 верст! — приставив к горлу кинжал. В другой — договорился, что на каждой станции будет выставлять ящику «аршин водки». Что это такое? О, это он может сейчас показать! Брался деревянный аршинчик и вплотную уставлялся серебряными стаканчиками с водкой. Да если бы Иосиф имел деньги на такое количество водки, да еще и серебряные стаканы, то ему не было бы нужды ехать за деньгами в Иркутск. То он будто бы нанимался в секретные осведомители к приставу, о чем получал соответствующее удостоверение и щеголял им на всем пути из Сибири до Кавказа. В общем, фантазия работала отменно. А вот о том, что было после побега, Сталин рассказывать не любил.

Отлученный от революции

Вернулся Иосиф на Кавказ в самое неподходящее время. В Тифлисе одна за другой шли волны арестов, товарищи, знавшие его, были кто в тюрьме, кто в ссылке, новые комитетчики не то чтобы относились с недоверием, но — с прохладцей. За полтора года, что он здесь не был, много воды утекло. Правда, познакомился он тогда с молодым Львом Розенфельдом, будущим видным большевиком — тем, кто под фамилией Каменев позднее станет одним из его основных оппонентов. Еще и другое знакомство относится к тому времени — с рабочим-механиком Сергеем Аллилуевым, тоже большевиком и отцом многочисленного семейства, для которого он долгое время будет «как родной», а потом и на самом деле станет родственником...

Однако знакомства знакомствами, но делать в Тифлисе Иосифу было нечего. Тогда он отправился в Батум, но и там его не ждали. Руководителем организации в то время был один из противников Сосо, по фамилии Рамишвили, который вовсе не горел желанием делиться властью. Рамишвили приказал к работе Иосифа не допускать, квартиры не предоставлять, а тем, кто давал кров беглецу, грозил исключением из организации. Иосиф перемещался по Батуму с квартиры на квартиру, и везде его неотступно преследовал Рамишвили, требуя, чтобы никто ему ни в чем не помогал. Чтобы как-то оправдать такое отношение к создателю организации, он распустил слух, что в Батуме появился провокатор. Никто не обвинял Иосифа прямо, лишь шепоток шел за спиной, но это-то и было хуже всего. На прямое обвинение можно дать прямой ответ, а что делать в том случае, когда тебе никто ничего дурного не говорит? Просто прячут глаза и переходят на другую сторону улицы.

Основания для подозрений найти было можно, хотя бы тот же побег, на который неизвестно кто дал деньги. Кто бы их ни дал — Иркутск, Тифлис или Женева, но только не Батум. А раз беглец не хочет давать по этому поводу объяснений, значит, бежать ему помогла полиция. Объясниться же он не мог, не позволяли правила конспирации. О том, что их лидер — фигура в партии более крупного масштаба, чем руководитель городской организации, батумцам тоже знать не полагалось. Так конспирация обернулась против Иосифа, и он в той организации, которую создал, стал изгоем.

Положение было отчаянным. Ему не только не давали работать — негде и не на что оказалось жить. Он решил вернуться обратно в Тифлис, но даже полтора рублей, необходимых на дорогу, не мог отыскать, хотя всего за несколько месяцев до того рабочие устраивали для него складчину. Наконец, сумел уехать на паровозе. Но и в Тифлисе его тоже особенно не ждали. Плохо дело, совсем плохо...

В марте 1904 года в Батуме прошли крупные аресты, комитет был фактически разгромлен. Новым руководителем стал близкий друг Ладо Кецховели (сам Ладо к тому времени умер в тюрьме, а то все было бы куда проще). Иосиф вернулся в город, надеясь все-таки наладить отношения с организацией. Доверять ему особо не доверяли, однако участвовать в партийных собраниях разрешили. Но большинство в городе по-прежнему было меньшевистским.

Трудно сказать, чем отличались кавказские большевики от кавказских меньшевиков, ибо линии раздела проходили где угодно: между грузинами и инородцами, по степени близости к источникам финансирования — по любым признакам, кроме политических программ. Однако, узнав о расколе в партийной верхушке, джигиты, привыкшие жить кланами, тут же радостно поделились на большевиков и меньшевиков и начали бесконечные разборки за власть в организации, что очень злило Иосифа — дело надо делать, а не интриги плести. 1 мая, во время маевки, проходившей на берегу моря, между большевиками и меньшевиками произошла очередная ссора, быстро перешедшая в хорошую драку. Иосиф, естественно, не остался в стороне и был жестоко избит. После этого оставаться в Батуме было нельзя, да и в Тифлисе нечего искать. Окончательно отлученный от партийной работы, Иосиф уехал к матери в Гори.

Сдаваться он не собирался, но настроение было подавленным. Что делать, как выпутаться? К тому времени о нем уже знали в заграничном руководстве, но не настолько хорошо, чтобы можно было апеллировать к ЦК. По счастью, в 1903 году в партии появилась промежуточная структура — Кавказский Союз РСДРП, руководящим органом которого стал Союзный комитет. Можно было попробовать поискать защиты там. Самым старшим и уважаемым членом Комитета был один из основателей грузинской социал-демократии М.Г. Цхакая. К нему и решил обратиться находившийся в отчаянном положении Иосиф. От того, поверит или не поверит ему этот человек, зависело все будущее молодого революционера.

Цхакая в то время находился в глубоком подполье, однако Иосиф сумел разыскать его и через общих знакомых попросить о свидании — и тот согласился на встречу с возможным провокатором! Это уже само по себе говорит о том, что в то время Джугашвили был в большевистской колоде далеко не «шестеркой». Свидание состоялось, Иосиф рассказал о себе, о своей работе, о проблемах в Батуме — все рассказал. К тому времени он уже чувствовал, что масштабы города ему тесны, и предложил использовать себя для работы непосредственно на Союзный комитет. Цхакая дал ему новую литературу и посоветовал отдохнуть — этот совет был равносильен приказу, и Иосиф вернулся в Гори, тем более что он действительно за последний год очень устал. Два месяца, пока Комитет проверял Джугашвили, он пребывал дома в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы. И только по окончании проверки ему позволили вернуться к работе, но уже не в Батуме и даже не в Тифлисе.

Союзный комитет оценил опыт и таланты Иосифа и включил его в число своих агентов. Его отправили в только что созданный Имеретинско-Мингрельский комитет. Трудно понять, повышение это было или понижение. С одной стороны, под его началом были крохотные сельские и городские организации, а с другой — он становился все-таки деятелем не городского, а губернского масштаба, занимался созданием партийных ячеек там, где их раньше не было. По-видимому, эта работа также была проверкой, потому что очень скоро, летом 1904 года, после очередной волны арестов, он стал сразу членом краевого комитета — его вместе с Каменевым кооптировали туда Цхакая, окончательно поверивший новому товарищу. Теперь Джугашвили был одной из первых фигур в социал-демократическом движении Кавказа, пройдя весь путь от рядового пропагандиста, в котором он не пропустил ни одной ступеньки.

Коба бросается в бой

К тому времени он взял себе новый псевдоним, назвавшись именем человека, чья судьба до самой глубины тронула эту возвышенно-романтическую душу. Трудно сказать, когда Иосиф прочел роман Казбеги «Отцеубийца», но почему-то именно эта книга, одна из множества историй о «благородных разбойниках», которые он слышал с детства, поразила его в самое сердце. Мститель — храбрый, благородный и одинокий — один из любимых народных грузинских героев. И главный герой «Отцеубийцы» — из этого же ряда.

Время действия книги — борьба горских племен под руководством Шамиля с русскими, сюжет достаточно незатейлив. Главные герои — молодая крестьянская пара Иаго и Нуно и их друг Коба, а также предатель Гиргола. Судьба разлучает юношу и девушку: из-за козней Гирголы Нуно похищена, Иаго попадает в тюрьму, откуда юношу освобождает Коба. Они оба становятся разбойниками, борцами с русскими. Молодой крестьянин погибает в бою, его невеста тоже гибнет, обвиненная в убийстве своего отца, и только Коба остается в живых, чтобы за всех отомстить. Финальную точку в сюжете ставит его выстрел, направленный в сердце предателя. Этот герой стал путеводной звездой для молодого революционера: прочитав книгу, Иосиф начал именовать себя Кобой и того же требовал от товарищей, и когда те шли ему навстречу, его лицо сияло от радости.

Конечно, новый Коба не собирался, по примеру героя романа, садиться на коня, брать винтовку и мчаться в горы. Другое было время и другая борьба. Однако новый псевдоним

оказался кстати: обстановка в империи накалялась, вне всякого сомнения, назревали серьезные события, и встречать их с уменьшительно-ласкательным именем Сосо в качестве партийной клички было как-то несолидно.

Коба, словно горьковский Буревестник, метался по Кавказу, наводя порядок в выраставших, как грибы после дождя, мелких организациях, постоянно сражаясь с меньшевиками, которые были сильны, куда сильнее большевиков. Тифлис, Баку, Кутаиси, снова Тифлис и опять Баку, где в конце 1904 года три недели длилась мощнейшая забастовка на нефтяных промыслах, в результате которой был подписан первый в России коллективный договор. Страна кипела. Повсюду либеральная оппозиция выступала с требованиями реформ и свобод, а в рабочей среде одна за другой проходили стачки и демонстрации. 13 января в Тифлисе состоялась первая массовая демонстрация, которая закончилась грандиозной дракой с разгонявшими ее городскими и казаками. В Баку же охватившее страну напряжение разрядилось иным образом: в начале февраля в центре города армянин убил мусульманина, и на следующий день весь город был охвачен межрелигиозной бойней, получившей название армяно-татарской резни (татарами называли в то время вообще всех мусульман).

Но даже революционные события не смогли консолидировать партию социал-демократов, которая, как и весь Кавказ, была кипящим котлом разборок и страстей. В этой связи любопытна одна история, которую приводит в своей книге телохранитель Сталина Алексей Рыбин. «В 1904 году грузинские революционеры для нелегальных собраний сняли в Тифлисе подвал в доме банкира. Вскоре они решили принять в партию нового товарища — Годерадзе. На собрание пришел представитель РСДРП (по-видимому, имеется в виду Союзный комитет. — *Е.П.*). Молодой, никому не известный. Назвался Кобой. Сказал: «Пока надо воздержаться от приема в партию Годерадзе». Все были этим обескуражены. Через три дня Годерадзе снова появился, а следом за ним — Коба. К всеобщему изумлению, на сей раз Коба сам предложил принять Годерадзе. Пораженный такой резкой переменой мнения, С. Кавторадзе схватил со стола керосиновую лампу и швырнул в лицо Кобе, который сумел увернуться. Лампа врезалась в стену и разбилась вдребезги. Спокойно закурив трубку, Коба невозмутимо произнес:

— Нехорошо получается. Банкир предоставил нам помещение, а мы вместо благодарности могли поджечь его дом.

Если внимательно прочесть эту историю, она о многом говорит. Что, собственно, произошло? Одна из организаций эсдеков решила принять в свои ряды нового человека. На собрание пришел представитель Союзного комитета, то есть один из лидеров движения на Кавказе, и попросил повременить — вероятно, по поводу этого самого Годерадзе были какие-то сомнения. Через три дня снова пришел и предложил принять товарища в партию — совершенно ясно, что кандидата проверили, сомнений больше нет, человек надежный. О чем тут спорить, к чему лампами кидаться? А кидание лампами становится понятным только при одном раскладе: если этот самый Кавторадзе был меньшевиком. Тогда его возмущение вполне понятно: чего этот большевик тут раскомандовался? Принять, не принять — какое его дело, какое право он имеет нам указывать и нас контролировать?! Кстати, поведение Иосифа в этой ситуации выгодно отличается от манер его оппонентов, что говорит о достаточно большом опыте подобных «дискуссий» и неустанной работе над собой — подумать только, какой-то год назад он тоже решал вопросы взаимоотношений с меньшевиками с помощью кулаков! Новая работа явно пошла ему на пользу.

Косвенно эта история говорит и о том, что уже тогда Коба занимался в партии обеспечением безопасности, а такую работу могли поручить только абсолютно надежному человеку, следовательно, он прошел все проверки и был полностью очищен от обвинений в провокаторстве.

Вопросы соотношения большевиков и меньшевиков в РСДРП пыталась регулировать агитация, но по-настоящему решала полиция. В начале января, после волны арестов, в Тифлисском комитете в большинстве оказались меньшевики. Тогда оставшиеся на свободе

большевики, отказавшись подчиниться партийной дисциплине, спрятали партийную библиотеку, кассу и типографию. Отсюда был уже только один шаг до окончательного раскола, который и состоялся весной 1905 года — на Кавказе образовались два руководящих центра социал-демократии, тут же начавшие отчаянную борьбу за сторонников, которую большевики постепенно проигрывали в численности — зато брали темпераментом.

Темперамент в то время был очень в цене, поскольку ЦК решил, что пора брать курс на вооруженное восстание. Молодые социал-демократы с радостью восприняли это известие и занялись подготовкой боевиков. Коба руководит созданием «красных сотен» в Чиатурском марганцево-промышленном районе, одновременно в качестве разъездного агента Союзного комитета занимается подготовкой всеобщей политической стачки. Страна охвачена революционным безумием, и острее, чем где бы то ни было, это проявляется на Кавказе. В Баку снова резня, горят нефтепромыслы. Демонстрации становятся все ожесточеннее, завершаясь кровавыми столкновениями с казаками и городовыми, в Тифлисе одна такая драка унесла жизни около 100 человек. В середине октября начинается повсеместное создание отрядов самообороны, или «красных партизан». Стало так горячо, что даже большевики и меньшевики на время помирились.

Всероссийская политическая стачка завершилась подписанием Манифеста 17 октября, который на время вывел из борьбы либеральную интеллигенцию, с упоением кинувшуюся в политику. Но что рабочим-то с того Манифеста! Их просто использовали как ударную силу, и они это прекрасно поняли. Стачка закончилась, однако столкновения с полицией продолжались, события выходили из-под контроля. Коба радостно мчался на гребне революционной волны, он был молод, полон надежд — казалось, еще немного, еще чуть-чуть, старый мир рухнет и на его обломках можно будет строить грядущее царство свободы и справедливости. Как пелось в популярной революционной песне того времени: «В царство свободы дорогу грудью проложим себе». Революция тоже была поэзией — по состоянию души. Была она поэзией и по количеству черногого труда — «в грамм добыча, в год труды». Но Иосифу было не привыкать...

Но все это — забастовки, демонстрации, боевые дружины, оружие, типографские станки и прочее, вся эта кропотливая работа партийного организатора — лишь одна сторона деятельности Иосифа. Тем-то он и был силен, тем в конце концов и взял, став над другими товарищами по партии, что они были либо чистыми политиками-теоретиками, либо практиками, «прорабами революции», Коба же совмещал в себе и то, и другое.

С самого начала, с семинарского кружка Иосиф серьезно и упорно изучал марксизм и постепенно становился если и не теоретиком, то крупнейшим на Кавказе истолкователем теории Маркса — спасибо семинарскому образованию, это он делать умел! Ко времени, о котором идет речь, он уже был известен и за границей. Примерно в 1903 году состоялось заочное знакомство с Лениным, который услышал об Иосифе от одного из его друзей, в то время находившегося в Берлине. В конце 1903 года, уже в Сибири, Иосиф получил письмо Ленина, которое тщательно, несколько раз перечитал и по старой конспиративной привычке сжег — потом он долго не мог себе этого простить.

Ленинские работы Иосиф читал все. Его поражало, как этот человек умеет излагать свои мысли. «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело — когда каждая фраза не говорит, а стреляет», — писал позднее Сталин. В то время он преклонялся перед Ильичом до такой степени, что его в насмешку называли «левой ногой Ленина». И вот в декабре 1905 года на партийной конференции в финском городе Таммерфорсе они наконец познакомились. Правда, Иосиф был несколько разочарован внешним видом вождя, тем, что «горный орел нашей партии» оказался отнюдь не богатырем-великаном, а человеком весьма и весьма среднего роста. Коба и сам был не великаном, но он ведь не «горный орел партии», а всего лишь подмастерье революции — так он позднее определил свой профессиональный уровень того времени...

Однако как бы он сам себя ни оценивал, на этой конференции, первом в своей жизни чисто политическом мероприятии, Иосиф сразу же заявил о себе как о думающем политике и

крупном партийном деятеле. Он обратил на себя внимание, рассказывая о положении дел на Кавказе. По тому, как он владел информацией, как излагал ее, видно было, что это человек серьезный — и если не формально, то фактически он показал себя крупным политиком, хотя и работал пока в масштабе своей карликовой партии. И, что было для него еще важнее, они сразу нашли общий язык с Лениным — оказалось, что эти двое смотрят на происходящее одними глазами. С тех пор Иосиф делит свое время между текущей партийной работой и заграничными поездками, поскольку после событий 1905 года ЦК прочно прописался в эмиграции. ...Казалось бы, Иосиф так недолго пробыл за границей, но события в России развивались стремительно. Когда он вернулся, на улицах Тифлиса шли уже настоящие бои рабочих с полицией и войсками. Однако восстание было быстро и жестоко подавлено. Тогда тифлисские социал-демократы вступили на путь террора — они приговорили к смерти начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Грязнова и 16 января 1906 года привели приговор в исполнение. Коба был одним из организаторов этого теракта. Рассказывают, что на самом деле все было еще интереснее: Грязнова приговорили меньшевики, но они не сумели организовать теракт, и тогда Коба выхватил инициативу у них из рук, а потом сам же над ними и подсмеивался.

Так что, как видим, он был на все руки мастер — и организатор, и политик, и террорист, и даже стратег... В конце января Иосиф был вынужден на время стать затворником на конспиративной квартире (при падении с конки он разбил в кровь лицо, а в такое время с подобной физиономией нечего было и думать показаться на улице). И вот в один прекрасный день к хозяину квартиры прибегает маленький сынишка и с восторгом сообщает отцу, что дядя играет в его солдатиков. Тот, естественно, решил, что малыш все придумал, и пошел посмотреть, что на самом деле происходит. Иосифа он застал над картой Тифлиса — тот с упоением разрабатывал план вооруженного восстания и действительно передвигал по карте оловянных солдатиков, позаимствованных у малыша. Однако штурм Тифлиса не состоялся — революция шла на убыль. Работа социал-демократов все больше перемешалась в область политики, а центр движения снова был за границей. Праздник кончался, начинались будни, и будни эти были серыми.

Что ж, политика так политика. Иосиф занимал уже такое положение в Кавказском Союзе РСДРП, что и эта область партийной жизни мимо него не проходила. В начале апреля 1906 года он отправляется в Стокгольм на съезд партии — единственный большевик из одиннадцати кавказских делегатов. В апреле 1907 года едет в Лондон, где проходил V съезд РСДРП. Удручающее впечатление произвел этот съезд на горячего Кобу, особенно решение о роспуске боевых дружин, принятое, поскольку революция явно пошла на спад. По этому вопросу они с Лениным выступили против и оказались в меньшинстве. Зато в порядке компенсации за поражение договорились между собой кое о чем другом. В Тифлис Коба вернулся в начале июля, и вскоре был произведен самый, пожалуй, знаменитый «экс» большевиков — нападение на почту, в ходе которого было похищено 350 тысяч рублей.

Среди интеллигентских воздыханий о том, что — какой ужас, большевики занимались «эксами», они злодеи, у них руки по локоть в крови — так вот, среди всех этих воздыханий господа воздыхатели совершенно забывают о том, какое тогда было время. Кавказ полыхал вовсю: кровавые столкновения рабочих с казаками и войсками, где жертвы исчислялись иной раз десятками, а иной — и сотнями, радостно активизировавшаяся уголовщина, наконец, армяно-татарская резня, унесшая сотни жизней. И то, что в каком-нибудь мирном 1895 году было бы ужасно, в 1905-м не казалось таковым, заслоненное куда более масштабными кровопролитиями — и далеко не во всех была вина большевиков. Уж межрелигиозной резни они точно не устраивали!

Нужда в деньгах была острая. После Манифеста многие обеспеченные «спонсоры» революционного движения, получив от революции то, что они хотели, прекратили давать радикалам деньги, а деньги были нужны больше чем когда-либо, революция стоит дорого. И тогда социал-демократы стали добывать средства с помощью «экспроприации», или, сокращенно, «эксов», а по-простому обычных грабежей и налетов. Нужны деньги —

грабанем почту или кассу, делов-то... Царское правительство было их врагом, шла война, и подобная акция являлась в их глазах не уголовщиной, а чем-то вроде налета партизан на вражеский обоз.

В то время главным помощником Кобы по части подобных деяний был легендарный большевистский боевик Семен Аршакович Тер-Петросян, более известный по тому имени, которое дал ему в свое время Иосиф, — Камо. Он тоже был родом из Гори, познакомились они с Иосифом тогда, когда последний добывал средства к существованию уроками. В числе его учеников был и Тер-Петросян, сын армянского купца, которого надлежало подготовить к поступлению в офицерское училище — отец потом всю жизнь локти кусал, что нанял сыну такого учителя. Вместо училища, пообщавшись с Сосо, Семен вступил в РСДРП. У него были некоторые неправильности в русском произношении, товарищи подсмеивались над ним, отсюда и кличка. Однажды, посланный с каким-то поручением, Семен спросил: «Камо отнести?» (вместо «кому»). «Эх ты, камо!» — рассмеялся Иосиф. Вскоре случайное прозвище стало кличкой одного из самых отчаянных боевиков в истории российского революционного движения.

Отец Тер-Петросяна был вне себя: вместо того чтобы заниматься делом, его дети буквально прилипли к «этому голодранцу Сосо», однако все уговоры и угрозы были тщетны. А Семен нового знакомого буквально боготворил. Но и сам он был для большевиков ценным приобретением: беззаветно храбрый, находчивый, изобретательный, отчаянный авантюрист по натуре, он успешно выполнял самые опасные поручения. Камо и был главным действующим лицом в том поистине роковом по своим последствиям «эксе».

13 июня 1907 года, в 10.30 утра, кассир и счетовод тифлисского отделения Государственного банка получили присланные из Петербурга деньги и повезли их в банк на фаэтоне под сильным казачьим конвоем. В центре города с крыши дома князя Сумбатова в процессию полетела бомба, еще несколько бомб бросили оказавшиеся поблизости боевики. Впоследствии писали: взрывы были такой силы, что погибли около пятидесяти человек, не считая раненых, но, по правде сказать, верится в это слабо. Кони, запряженные в фаэтон, остались целы. Кассир и счетовод тоже не пострадали — их всего лишь выбросило взрывом из фаэтона (а может статься, они и сами оттуда выпрыгнули — кому охота получить пулю, защищая казенные средства). Целью взрывов было не разнести полгорода и не перебить кучу народа, а всего лишь нейтрализовать конвой, и эта цель была достигнута — от взрыва и суматохи казачьи лошади стали беситься, конвой рассеялся, ошалевшие кони понесли фаэтон через площадь. На другом ее конце высокий прохожий бросил еще одну бомбу прямо под ноги лошадям. С проезжавшей мимо извозчицей пролетки соскочил какой-то офицер, выхватил из разбитого фаэтона мешок с деньгами и умчался прочь.

«Экс» был дерзким и вроде бы успешным, однако толку от него не получилось. Деньги оказались в крупных пятисотрублевых купюрах, и их номера, известные казначейству, тут же передали во все российские и заграничные банки. Кредитки не только не удалось обменять, но при попытке обмена были арестованы несколько видных большевиков, и среди них Камо — захваченный в Германии, он притворился сумасшедшим, да так искусно, что ввел в заблуждение всех экспертов. Несколько лет спустя деньги пришлось сжечь, поскольку в них не было никакого проку. Камо же выдали в конце концов русскому правительству, однако его поместили не в тюрьму, а в психиатрическую больницу, откуда он тут же благополучнейшим образом сбежал.

Но все это было потом. А пока что налет прошел блестяще, Ленин посмеивался, а ЦК был в бешенстве. Эти грузины не только не распустили боевиков, но провели свою операцию практически сразу же после съезда, вопреки его решениям, словно бросив вызов осторожному большинству. Такое нельзя было оставлять безнаказанным, организаторы «экса» должны поплатиться за самоуправство. ЦК постановил провести партийное расследование этого дела, но не прислал своих людей, а поручил его Кавказскому областному комитету. Там в то время преобладали меньшевики, которые только и ждали возможности свести счеты с Кобой, тем более что и денег от этой дерзкой операции им не

досталось, все ушло большевикам.

Коба и его джигиты еще и облегчили своим противникам эту задачу. Они получали санкции на свои налеты с одним условием: что бы ни случилось, даже тень подозрения не должна упасть на партию. В случае провала все должно выглядеть так, словно бы операцию проводила самостоятельная, не связанная с РСДРП группа. И, выполняя это решение, непосредственно перед «эксом» все его участники вышли из партии. Этот наивный маневр едва ли смог бы обмануть полицию, а вот областной комитет воспользовался — еще бы не воспользоваться, когда тебе так подставляются! Не надо было даже трудиться исключать Кобу, достаточно только сказать «аминь». Что и было сделано.

И снова, второй раз в жизни, Иосиф отлучен от революционного движения, снова он оказался в отчаянном положении — для него, профессионального революционера, исключение из партии было полным жизненным крахом и вдобавок ко всему потерей источника существования. Конечно, это не навсегда, ЦК во всем разберется, но работать в Тифлисе для него стало невозможно и жить тоже не на что. И тогда он решает перебраться в Баку, где было большим влияние большевиков. Там он мог на что-то рассчитывать — и действительно, там ему дали работать, он даже снова занимается организацией боевой дружины. Когда и как Коба урегулировал отношения с партией, точно неизвестно, но он сделал это достаточно быстро. И действительно, неужели меньшевики думали, что они так просто исключат из партии одного из виднейших социал-демократов Кавказа?

Като

Может быть, Иосиф и не уехал бы в Баку так поспешно, но в его жизни появились новые обстоятельства — необходимость кормить жену и крошечного сына. Он был достаточно привлекателен и никогда не страдал от недостатка женского внимания, тем более что в среде революционеров «половой вопрос» ни в коей мере не являлся вопросом, отношения там завязывались легко — впрочем, столь же легко и разрывались. Однако в этом случае все с самого начала было по-другому.

Противники Сталина утверждают, что у него был отвратительный характер. Это вопрос спорный, как и почти всегда в жизни: для кого-то характер отвратительный, а кому-то очень даже нравится. Но почему утверждается, что он был нехорош собой? Достаточно взглянуть на фотографии того времени, чтобы убедиться, что это не так. В последнее время было найдено медицинское дело Сталина, из которого явствует, что рост у него был около 170 сантиметров — а в молодости, наверное, еще немного выше, поскольку с годами рост человека уменьшается. Правильные черты лица, оспенные рябины на архивных фотографиях не видны — значит, не таким уж он был и рябым, вдохновенное лицо миссионера, блестящие глаза, что могло говорить о горячем нраве, а могло и о начинающемся туберкулезе. Нет, весьма и весьма привлекательный молодой человек, не говоря уже о внутреннем огне и о романтическом ореоле, который окружал этого отчаянного революционера...

Горячей осенью 1905 года, когда Иосиф перемещался с одной конспиративной квартиры на другую, товарищ по партии Александр Сванидзе привел его переночевать к себе домой. Сванидзе жил вместе с тремя сестрами, одна из которых была замужем, а мужем ее оказался не кто иной, как... Александр Монаселидзе, тот самый, в доме у которого Сосо проводил лето после исключения из семинарии и вместе с которым они строили планы дальнейшей революционной работы. Надо ли говорить, сколь радостной была встреча! Поначалу мужчины пытались сохранить визит в тайне от сестер, но, когда стало ясно, что Иосиф в этом гостеприимном доме задержится, они все равно познакомились. Александра была замужем, Машо не произвела на гостя особого впечатления, но вот Екатерина, Като...

Екатерина отнюдь не была крестьянкой, как почему-то принято считать, они с сестрой Александрой были известными в городе портнихами. Настолько известными, что в число их клиенток входили жены генералов, крупных чиновников и других влиятельных людей, и квартира их считалась вне подозрений — еще бы, в ней такие люди бывают! Сталин мало

рассказывал о своей первой жене. Но как-то раз обмолвился одной из знакомых: «Вы не представляете, какие красивые платья она умела шить...» Работа и революция оставляли мало времени для сердечных дел, однако роман развивался своим чередом, и в июне 1906 года Иосиф и Екатерина решили пожениться, несмотря на то, что в их положении это оказалось не так уж и просто.

Общепринятым порядком это было невозможно сделать: представьте себе — человек, находящийся на нелегальном положении, в розыске, приходит регистрировать брак! Можно было, конечно, зарегистрироваться по фальшивому паспорту — в то время Иосифа звали, кажется, Галиашвили, да... Но Екатерину это ни в коей мере не устраивало, несмотря на то что в таком случае она считалась бы перед всеми замужней женщиной, госпожой Галиашвили, — чем плохо-то? Нравы на Кавказе были строгими, не дай бог заподозрят в распутстве, пойдут потом языки чесать. Но Екатерина была непреклонна: они должны пожениться под своими настоящими именами! Для нее, глубоко верующей, гражданские формальности вообще были не важны — пусть их и вовсе не будет! Ей достаточно было церковного венчания, даже тайного, ни в каких книгах не записанного, но так, чтобы перед Богом объявили мужем и женой Иосифа и Екатерину. Перед мужчинами встала нелегкая задача: на такое венчание ни один священник не соглашался. Но в конце концов дело устроилось само собой: Михаил случайно на улице встретил еще одного их семинарского товарища, священника церкви Святого Давида Кита Тхинвалели. И тот согласился помочь старым друзьям с условием сохранить все в тайне от настоятеля. В ночь с 15 на 16 июля 1906 года Иосиф и Екатерина обвенчались, и сей факт был даже занесен в метрическую книгу — не будет же настоятель, в самом деле, бегать в полицию с каждой записью! Гражданский брак Като регистрировать не стала, оставив также свою девичью фамилию, несмотря на то, что ждала ребенка. Перед Богом она была чиста, а людского осуждения не боялась.

«Почти не было случая, чтобы революционный интеллигент женился на верующей, — писал впоследствии Троцкий. — Это просто не отвечало нравам, взглядам, чувствам среды. Коба представлял, несомненно, редкое исключение. По взглядам он был марксистом, по чувствам и духовным потребностям — сыном осетина Бесо из Диди-Лило». Действительно, несмотря на общение с революционерами, которым слово «целомудрие» было смешно как нечто из «поповского лексикона», Иосиф во многом сохранил простую здоровую мораль человека из народа. Он ни тогда, ни потом не был «передовым» мужем, но и Екатерина ни в коей мере не была «передовой», эмансипированной супругой. Это была настоящая кавказская женщина, верная и любящая, но никогда не покушавшаяся на приоритет мужа в семье, даже в мелочах — или особенно в мелочах? Ведь именно бесконечные споры по мелочам так часто делают совместную жизнь невыносимой! Ее семейная жизнь не обещала быть легкой — да она и не была легкой. И вовсе не дурной характер мужа был тому причиной, а его профессия.

Они мало бывали вместе, а в довершение «прелестей» брака с революционером Екатерина, едва выйдя замуж, тут же угодила под арест. В середине октября в Москве у одной из арестованных социал-демократок был при обыске обнаружен адрес семьи Сванидзе с припиской: «Спросить Сосо». О записке тут же сообщили в Тифлис, а уж здесь-то прекрасно знали, кто такой Сосо, и готовы были на многое, чтобы его схватить. 13 ноября в дом Сванидзе нагрянула полиция. Като все отрицала, паспорт ее был девственно чист, но ее все равно арестовали на том основании, что она-де жена Сосо. Спорить с полицией — себе дороже. Время было суровое, и охранка пользовалась любой возможностью схватить столь известного большевика.

Като присудили к двухмесячному заключению в полицейской части — совершенно непонятно за что. Однако не зря говорят, что муж — голова, а жена — шея. Жена пристава оказалась клиенткой Екатерины. Мужу было заявлено... многое, наверное, было сказано мужу, в том числе и то, что уж коль скоро они, мерзавцы такие, арестовали эту замечательную женщину, да еще в положении, то отбывать наказание она будет не в части, а у них дома. Пристав почел за лучшее с женой не спорить, тем более что смутьянка все равно

оставалась у него под надзором. Так что заключение Като отнюдь не было суровым. На квартире у пристава ее навещали родственники, и в их числе искомый Сосо, которого выдали за двоюродного брата — полиция успешно сей факт проворонила. Затем жена пристава добилась у мужа, которому изрядно надоела вся эта история, разрешения для заключенной уходить каждый день на два часа домой. Тот предпочел согласиться — пусть встречается со своей родней там, а не превращает его квартиру в филиал дома Сванидзе. Перспектива встречать Новый год в компании Екатерины окончательно его добила, и в конце декабря ее освободили. Так что все полицейские старания окончились ничем.

18 марта 1907 года Като родила сына Якова. И почти сразу, в середине апреля, молодой отец снова уехал за границу — теперь уже в Лондон, на очередной съезд. В середине июля, после рокового «экса», Иосиф, забрав семью, переехал в Баку и, едва устроив жену с сыном на новом месте, тут же снова умчался куда-то по партийным делам. Если бы он знал, что их ждет! В октябре 1907 года Екатерина Сванидзе заболела тифом. Иосиф отвез ее с ребенком к родным в Тифлис, а сам вернулся в Баку — работа не отпускала. Однако вскоре его вызвали в Тифлис: Като умирает. 22 ноября ее не стало.

...Он стоял у гроба и неотрывно смотрел на Като. Вместе с ней уходила любовь, уходило тепло, надежда на нормальную жизнь — ведь многие революционеры имели жен, и в их жизни находилось место не только для партии, но и для простых семейных радостей. Ну что ж, значит, не дано, не судьба... Другим — судьба, а ему — нет. Каждому своя доля, не зря же он выбрал себе такое имя: Коба — мститель, одинокий воин. Вот он и на самом деле стал одиноким воином...

На похоронах Иосиф сказал другу: «Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла и вместе с ней последние теплые чувства к людям». Он положил правую руку на грудь: «Здесь, внутри, все так опустошено, так непередаваемо пусто». Теперь у него оставалось только его дело. Оставив сына у родных, Коба снова возвращается в Баку...

Круговорот тюрем и ссылок

Со смертью Екатерины удача отвернулась от Иосифа. До сих пор он успешно уходил от преследования полиции, но в конце марта 1908 года попался. И попался-то глупо, во время полицейской облавы. В то время он имел достаточно надежный паспорт, но при обыске у него нашли какие-то малозначащие партийные документы, в которых, однако, присутствовало слово «РСДРП». Проводившие облаву полицейские заинтересовались, препроводили задержанного к следователю, и тот на первом же допросе установил его настоящее имя.

Пока шло следствие, Иосиф находился в Баиловской тюрьме. Аресты шли волна за волной, тюрьма была переполнена. Рассчитанная на 400 человек, она вмещала тогда 1500 заключенных и больше напоминала рабочую казарму, чем тюрьму: камеры не запирались, и кое-кто из заключенных даже ночевать предпочитал в коридоре. Иосифа поместили в камеру № 3, которая считалась большевистской. Компания подобралась хорошая — достаточно сказать, что в числе арестованных там сидели Серго Орджоникидзе и Андрей Вышинский, да и других интересных людей было немало. Обитатели камеры жили дружно, коммуной, проводили собрания, диспуты, получали литературу, вели переписку с волей — как разрешенную, так и скрытую от глаз тюремного начальства. Коба, к тому времени уже стяжавший славу «кавказского Ленина», был в этой стихии как рыба в воде. Ну и, верный себе, он снова стал инициатором стычек с тюремной администрацией по любому поводу. В первый день Пасхи охранявшие тюрьму солдаты позволили себе невинное пасхальное развлечение — они выстроились в две шеренги, сквозь которые погнали, избивая прикладами, всех политических. Коба шел через этот строй, не отрывая глаз от книжки, после чего его зауважали не только товарищи, но и охранники, которые тоже умели ценить мужество.

И опять все то же, что и раньше: агентурных данных на него в охранке было более чем

достаточно, а вот годных для суда доказательств — никаких. А ведь за организацию такого «экса», как налет на почту, могли и «стольпинский галстук» на шею повязать⁴. В конце концов, так и не сумев доказать ничего, кроме побега из ссылки, его приговорили опять же к ссылке. Жандармское управление, зная, с кем имеет дело, предложило хотя бы, раз уж нельзя посадить, сослать его на три года в Тобольскую губернию, но решавшее такие вопросы Особое совещание при МВД было более гуманным и всего лишь выслало на двухлетний срок в Вологодскую губернию. У жандармов не было ни малейших сомнений в том, что он убежит и оттуда, но что поделаешь с гуманистами из Министерства внутренних дел?

В конце февраля, переболев по пути свирепствовавшим среди арестантов возвратным тифом, Иосиф прибыл в назначенное ему место — глухой городишко Сольвычегодск. Почему-то его особенно любило Особое совещание — иной раз на 1700 местных жителей здесь скапливалось до 500 ссыльных. Естественно, отбывать наказание в таком обществе было не скучно. В 1909 году, правда, ссыльных было меньше, но все равно это не та глухая сибирская деревня, куда его отправили в первый раз, что гораздо приятнее.

Бежать Иосиф не спешил — с этапа он пришел ослабленным болезнью, надо было отдохнуть, да и денег раздобыть не помешало бы. Кроме того, его всерьез заинтересовала одна из женщин, Стефания Петровская. Правда, она была гражданской женой другого ссыльного, но в их среде такие вопросы решались просто. Гражданский муж вскоре уехал, а Коба ей понравился. Забегая вперед, можно рассказать, что, отбыв срок ссылки, Стефания отправилась в Баку.

В Сольвычегодске Иосиф пробыл целых 119 дней. К лету он оправился от болезни, отдохнул, вот только деньги... С воли их получить не удалось, и в конце концов нужную сумму собрали сами ссыльные, а чтобы не придралась полиция, обставили дело так, будто Иосиф выиграл 70 рублей в карты. На следующий день, после утренней проверки ссыльных, он переделся женщиной и в сопровождении товарищей добрался на лодке до Котласа, так что его помощники успели до следующего утра вернуться обратно. А Коба через три дня, 26 июня 1909 года, был уже в Питере, где жил с семьей его старый друг Сергей Аллилуев.

...Аллилуев сначала решил, что видит сон наяву: по прокаленной солнцем июньской улице навстречу ему шел Коба. «Я уж думал, не дождусь!» — вместо приветствия устало сказал тот.

Приехал Иосиф в Питер неудачно: дома у Сергея никого не оказалось, вся семья отдыхала в деревне. Пошел к нему на работу — и там его нет. Что делать? Усталый с дороги, он кружил и кружил около дома в надежде, что Аллилуев все-таки в городе — других питерских адресов у него не было, и только вечером наконец дождался друга. Сергей Яковлевич быстренько спровадил беглеца к надежному дворнику — поскольку дворники состояли на службе у полиции, то к ним с обысками не ходили. Доверяли-с...

Питер был у Иосифа не только транзитным пунктом по дороге на родной Кавказ. У него было «попутное» поручение ЦК: организовать центральную российскую партийную газету, и он тут же принялся за дело. Нашел нужных людей, провел несколько организационных собраний. Среди новых знакомых были и те, с кем его впоследствии будет связывать горячая, хотя, к сожалению, и недолгая дружба: Сурен Спандарян и его гражданская жена Вера Швейцер. В Питере он задержался ненадолго: уже в начале июля Коба отправляется на Кавказ. Вскоре следом за ним двинулся и Спандарян.

...В Баку царили уныние и упадок сил. Одни товарищи были в тюрьмах и ссылках, другие переквалифицировались в мирных жителей, а те, что остались, пребывали в подавленном настроении. Революция потерпела поражение, возвращаться же к кропотливой, повседневной работе после такого праздника жизни никому не хотелось. Полиция старалась как можно лучше оправдать свое прозвище «легалых» — они шли по следу революционеров, как гончие псы, и аресты следовали за арестами. Но тюрьма — вещь привычная, гораздо

⁴ «Стольпинским галстуком» называли казнь через повешение.

хуже была апатия, охватившая товарищей. Хорошо цекистам там, за границей, теоретизировать, заниматься политикой, разрабатывать планы, а что делать тем, кто в России? Снова изучать теорию, спорить с меньшевиками по всяким мелочам, обсуждать думскую политику? Болтовня, болтовня... и это революционная партия! Революция, почему же ты так обманула тех, кто поверил в тебя?

Приезд Иосифа оказался хорошим стимулятором. Ему было не лучше и не легче, чем товарищам, он тоже был подавлен и тоже устал, даже больше устал, чем они, но не собирался опускать руки. Оказалось, что поражение требует не меньшего мужества, чем борьба, ну а мужества ему было не занимать. Уже тогда Кобу отличала та упертость, которая станет впоследствии одной из *основных* черт Сталина и позволит ему и руководимой им стране достичь столь многого. Революция потерпела поражение? Ничего, в следующий раз будет победа. Нас отбросили на десять лет назад? Значит, мы начнем все сначала. И начал сначала: организационная работа, печать, деньги. партийная разведка и партийная контрразведка — для него, первого человека на Кавказе, в партии большевиков не было тайн.

Снова стала выходить газета «Бакинский пролетарий», в которой Иосиф опубликовал статью «Партийный кризис и наши задачи», где поднял самую важную на тот момент тему. Там говорилось, что для возрождения партии должна издаваться партийная газета. И издаваться не за границей, а в России, и, поскольку общество получило некоторые демократические свободы, газета должна быть легальной. А за этим стояло другое, между строк читалось: партия российская, а руководят ею эмигранты из-за границы. В то время РСДРП не имела даже представительства ЦК внутри страны, она жила с импорта: идей, политики, стратегии и тактики — всего. Сколько же можно?

Необходимость переноса в Россию если не всей руководящей работы, то хотя бы ее части ощущали и за границей. Цекисты не имели ни малейшего желания возвращаться в охваченную реакцией страну, но они понимали, что надо создавать хоть какую-то общероссийскую структуру, а то ведь так и партия может развалиться, чем они тогда руководить будут? И вот в январе 1910 года было решено расширить ЦК, создав часть его, которая будет работать в России. Одним из пяти членов предполагаемого Русского Бюро ЦК должен был стать Иосиф. Остальные члены «пятерки» — Ногин, Дубровинский, Малиновский и Милютин.

...А он тем временем занимался все той же текучкой. Прятали, перевозили с места на место типографию, а полиция, имевшая в организации осведомителя, шла по горячему следу. Искали деньги, с которыми теперь, после того как демократически настроенные богачи и общественные деятели занялись вождельной политикой, было совсем плохо. Воевали с меньшевиками. Боролись с провокаторами, которых было много — часто по поводу таких историй вспыхивали скандалы, как с неким Николаем Леонтьевым. Иосиф обвинил его в провокаторстве, однако тот был умен и, вместо того чтобы скрыться, как другие в его положении, потребовал гласного партийного суда. Этот ход ставил обвинителей в очень трудное положение. Сведения о том, что Леонтьев — провокатор, были получены Иосифом от своего человека в охранке. Привести доказательства — значит выдать осведомителя, не привести — признаться в том, что облыжно обвинил товарища, не прийти на суд — еще того хуже. Часть организации стала на сторону Леонтьева, и возникла еще одна склока — как будто их и так было недостаточно!

Обвинения в провокаторстве обычно предъявлял Коба — это свидетельствует о том, что он в то время возглавлял в партии службу безопасности. Странно — не все товарищи догадывались о том, что РСДРП имеет в охранном отделении своего человека, так что Иосифу приходилось изобретать совершенно невероятные обоснования того, откуда у него информация. Обоснования иной раз были откровенно поэтические. Как-то он рассказал, что его остановил на улице некий человек, сказав: «Я знаю, что вы социал-демократ», — и сунул в руку список из 36 имен людей, которых полиция предполагала арестовать. Эта романтическая история была поведена комитету, и комитет ей вроде бы даже поверил, хотя

совершенно ясно, что сведения Коба получил далеко не от «неизвестного». Однако свои источники он не раскрывал. И неудивительно. В то время в Тифлисском жандармском управлении у эсдеков был свой человек, и не какой-нибудь писарь, а помощник начальника ротмистр Зайцев — обидно было бы потерять такого агента из-за банальной утечки информации.

...Суд над Леонтьевым так и не состоялся. Не стал Коба и членом Русского Бюро ЦК. В марте 1910 года его снова арестовали. И то ли он действительно был гением конспирации, то ли ему ворожили свои люди в соответствующих структурах, но на него опять не оказалось никакого компромата, кроме побега из ссылки. Так что его просто-напросто снова отправили эту ссылку отбывать. Жандармское управление предлагало Якутск, но Особое совещание опять блеснуло добротой — уж не было ли у Кобы и там своего человечка?! — и его отправили все в ту же Вологодскую губернию.

Кстати, в тюрьме он едва не женился второй раз. Та самая Стефания Петровская, с которой он познакомился в Сольвычегодске, после окончания своего срока приехала в Баку. Иосиф жил у нее на квартире, а когда его арестовали, попросил разрешения зарегистрировать брак со Стефанией. Разрешение было получено, но жениха к тому времени уже отправили на этап. Так и не состоялся этот брак: к добру ли, к худу — кто знает. .

...И снова северная глухомань, все тот же Сольвычегодск. Всего-то полгода прошло, но как изменилась обстановка! Ссылные разобщены, каждый сам по себе, общаются мало, зато много пьют.

Впрочем, Иосиф умел жить и работать в одиночестве, и уж тем более ему не требовались собутыльники. Уроки пьяницы-отца он запомнил на всю оставшуюся жизнь — и никто, кроме баснописца Хрущева, не видел Сталина пьяным. Жилищные условия были не бог весть какими, он квартировал в избе у вдовы Матрены Кузаковой, матери пятерых детей, — домик маленький, дети спят вповалку на полу... Зато в этой тесноте он оказался настолько близко к вдове, что через некоторое время после его отъезда она родила сына, которого назвала Константином. Ребенок резко выделялся среди белоголовых северян яркой южной внешностью, и всем было известно, что он сын Иосифа. Чей же еще-то?

До окончания срока ссылки ему оставалось около шести месяцев, и бежать на этот раз он не собирался. На это Иосиф постоянно намекает в письмах, говорит, что «если нужда в рабочих на самом деле острая», то он готов бежать, но... «легальному больше размаха» и т. п. Оно, конечно, так, но если подумать — долго ли он пробудет на этом самом легальном положении? После первой же поездки в столицу или в Москву его снова начнут искать за появление в местах, которые недавнему ссылкеному посещать запрещено, или он перейдет на нелегальное положение по ходу работы. Логичнее предполагать другие причины нежелания бежать из ссылки. Время было сложное, и возраст сложный — недавно перевалило за тридцать, и нет ничего удивительного в том, что ему хотелось осмотреться, подумать, побыть наедине с собой, отойти от ежедневной организационной суеты, которая неминуемо затянула бы, если бы он снова вернулся к текущей партийной работе. Тема для размышлений была актуальная, ее еще Экклезиаст сформулировал: «Что пользы человеку от всех трудов его?» Дорогу в царство справедливости затянуло туманом, и с ходу не понять — куда идти и что делать...

Однако нужда в рабочих была, и нужда острая. На этот раз Иосифу не пришлось раздобывать деньги всеми правдами и неправдами у таких же обездоленных, как и он, товарищей: его вызывал на работу сам Ленин, и 70 рублей на дорогу прислали из-за границы. Но — не судьба. Деньги выслали в Вологду на имя одного ссылкеного студента-армянина, который оказался человеком ненадежным и попросту забрал их себе, а Иосифу сказал, что они пропали. И только попав за границу, Иосиф сумел разобраться во всей этой истории и узнал, что деньги были присланы и забраны с почты. Но не станешь же искать по всей необъятной России бывшего ссылкеного и спрашивать у него: «Где те семь червонцев, которые тебе прислал наш ЦК?» Тем более что студент даже не был большевиком... Так и сорвался в тот раз побег из ссылки. Больше он бежать не пытался — все равно срок

заканчивался. 27 июня 1911 года Иосиф совершенно законным образом уехал из Сольвычегодска в Вологду.

Окончание срока ссылки не означало, что вчерашний ссыльный становился вольным как ветер. Ему было запрещено многое, в том числе проживание в крупных центрах. Но Иосиф никуда и не спешил. Два месяца он просидел в Вологде, считай, по доброй воле — это Коба-то, для которого неделя без работы была вечностью! Почему? Денег не было? Это только частичное объяснение. Скорее, «вологодское сидение» Кобы можно объяснить обстановкой в партии, которую раздирала очередная склока. Иосиф давно уже не был тем романтическим юношей, что снизу вверх смотрел на столпов социал-демократии, теперь он относится к ним трезво и слегка иронично — к их бесконечным политическим спорам и раздорам. «О заграничной „буре в стакане воды“, конечно, слышали, — пишет он в письме к товарищу. — Блоки Ленина — Плеханова, с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: „Пусть, мол, лезут на стенку, сколько их душе угодно, а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работает, остальное приложится“. И снова все о том же, все о том же: „По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полуполигальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее как хотите — „Русской частью Цека“ или вспомогательной группой при Цека — это безразлично...“ Ему самому тоже надоела роль деятеля местного масштаба, и в редакцию „Рабочей газеты“ он пишет: „...не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но буду работать лишь в Питере или Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет — я в этом уверен — слишком малопродуктивной“. Да уж, стоило дожидаться легального статуса, чтобы тут же перейти на нелегальное положение!

Так что Коба не просто сидел в Вологде, а ждал погоды, ветра, благоприятного его планам и задумкам. Силу он в себе чувствовал большую, и надо было устроить так, чтобы ЦК предложил ему хорошую работу, сообразно этой силе.

Поскольку в состав Русского Бюро он в связи с арестом уже не вошел, Кобе предложили стать разъездным агентом ЦК. Это была полезная работа, и он, конечно же, не отказывался, но... но так получилось, что на этот раз ему особенно недолго пришлось погулять на воле. Охранка вела ссыльного революционера плотно, а он отправился в Питер и, едва там появился, как был через несколько дней арестован и препровожден обратно в Вологду. Но что удивительно: Иосиф словно бы сам облегчал филерам их работу. При желании он легко отрывался от любого наблюдения, а тут почему-то останавливается в гостинице «Россия», куда время от времени возвращается и откуда его успешно подхватывают филера, если им случится потерять след. И после ареста чудеса: его не отправляют по этапу, а просто, выдают проходное свидетельство, чтобы он сам, без конвоя, возвращался обратно в Вологду — и охранка верит, что он, совершивший в своей жизни столько побегов, на этот раз не сбежит. А что самое удивительное — он на самом деле туда возвращается! Право же, создается такое впечатление, что все это небольшие военные хитрости и что Иосиф сам хотел в это время отойти подальше от непосредственной партийной работы. Но ведь Ильичу об этом не заявишь, не так ли? А вот если охранка арестует и вернет в ссылку — тогда совсем другое дело...

Чего же ждал и от чего уходил Иосиф? Арестован он был 9 сентября, вышел на свободу 14 декабря и, пробыв десять дней в Питере, уехал в Вологду. Мог и не ехать, мог отправиться куда угодно, даже за границу. Но предпочел, пробыв в столице столько, сколько хотел и переделав все намеченные дела, вернуться на место ссылки. Теоретически эта задержка могла считаться побегом, но практически никто его не преследовал, ведь он вернулся в Вологду, чего же еще могло хотеть охранное отделение?

Все становится понятным, едва мы сопоставим даты. Обстановка в партии была, как всегда, склочная, и в то время как раз готовилась партийная конференция, которая и прошла

в Праге в январе 1912 года. Там было принято решение издавать столь долгожданную общероссийскую газету под названием «Правда», а также избран новый состав ЦК, куда вошли, помимо Ленина, два друга Иосифа: Орджоникидзе и Спандарян. И на первом же заседании в состав ЦК был введен и Коба. Вошел он и в состав Русского Бюро. И все это произошло как бы помимо него, все время подготовки конференции он мирно просидел в Вологде, не мешаясь ни в какую политику (за исключением нескольких встреч, проведенных в Питере в те самые десять дней). И в конференции не участвовал — может, и к лучшему, а то еще неизвестно, к чему бы это привело. О том, что не все так просто было в отношениях между Кобой и ЦК, косвенно говорит письмо Крупской, отправленное Орджоникидзе. «Получила письмо от Ивановича (один из партийных псевдонимов Иосифа. — *Е.П.*), развивает свою точку зрения на положение дел... Видно, что страшно оторван от всего, точно с неба свалился. Если бы не это, его письмо могло бы произвести гнетущее впечатление».

Что там такое произошло, что это за «точка зрения» и от чего она «оторвана»? Тут не надо и думать долго. Известно, что Иосиф самым главным считал работу в России, он знал и понимал эту конкретную практическую работу. В политике он тоже понимал, и еще как понимал! — но не абсолютизировал ее, как заграничные цекисты. Это вообще свойство абсолютного большинства политиков, для которых весь мир вертится вокруг их партии, какой бы крошечной она ни была, самые важные дела на свете — те, которые в данный момент в ней творятся, и лишняя запятая в программе может быть значительнее войны в другом полушарии. Сколько Иосиф издевался над скандалом с «отзовистами» и прочими тому подобными партийными бурями, вокруг которых кипели политические страсти в окрестностях Эйфелевой башни и на берегах Швейцарского озера! Цекисты были политики, он — практик. Они могли серьезно относиться к работе партии в Государственной Думе, он — не мог. «Ликвидаторы», «отзовисты»... — какая разница, выйдут большевики из Думы или не выйдут, если их в этой Думе — крохотная фракция. Останутся они — это ни на что не повлияет, выйдут — никто не заметит. Какая польза от всей этой возни тем людям, которые должны были на местах, в Баку и на Выборгской стороне, на Кавказе и на Урале, возрождать из обломков ту партию, на которую он сделал ставку в деле своей жизни — достижении справедливости для максимально большего количества униженных и оскорбленных. Всю жизнь он над всеми политическими разногласиями ставил единство партии (и в конце концов это дорого обошлось стране...).

Кто знает, если бы Иосиф, горячий, темпераментный (в то время он еще не научился во всех случаях жизни сковывать внутренний огонь стальной дисциплиной), раздраженный бесконечными разговорами и проволочками, приехал на конференцию, чем бы все обернулось. А так он благополучно пересидел в ссылке, на конференцию же поехали его друзья, которых было, как минимум, двое — Орджоникидзе и Спандарян, да и Ильич был за него, так что все вышло наилучшим образом. В середине февраля Орджоникидзе приехал в Вологду и рассказал о результатах конференции, а 29 февраля Иосиф испарился из очередного места ссылки так же легко, как и до того. Не вологодским жандармам было удержать конспиратора, учившегося уходить от слежки в Тифлисе 1905 года...

Из Вологды он направился в Москву, оттуда в Петербург, потом на Кавказ и снова в Москву и Питер. В столице ему не повезло. Он жил на квартире депутата Полетаева, которая, как и ее хозяин, имела депутатский иммунитет, так что арестовать его не могли. Но, с другой стороны, квартира депутата-большевика находилась под постоянным наблюдением, и Кобу взяли, едва он вышел за дверь, и отправили в новую ссылку. На сей раз Особое совещание вняло пожеланиям жандармского управления, а может быть, просто дело решалось на другом уровне — ведь теперь Иосиф, как работник общероссийского масштаба, подлежал ведению не местной охранки, а Департамента полиции. Неугомонного революционера выслали на три года в Нарымский край. В этой ссылке он пробыл ровно 38 дней: приехал — уехал. В середине сентября он уже находился в Петербурге.

И снова Иосиф послужил причиной того, что его старый знакомый потерял дар речи.

На сей раз это был не Аллилуев, а Кавтарадзе, его товарищ еще с кавказских времен, который в то время учился в Петербургском университете. Он, конечно, привык к неожиданным появлениям Кобы — в прошлый раз тот заявился к нему прямо из вологодской ссылки. Сидит человек у себя в комнате, занимается, вдруг стук в дверь и на пороге — Иосиф, как обычно, веселый и приветливый, как обычно, в демисезонном пальто, которое он носил едва ли не круглый год, — другого-то не было! «Я у тебя некоторое время побуду...»

Но так он еще не появлялся. Представьте себе: идет человек из университета по Невскому проспекту, никого не трогает, и вдруг к нему бросается чуть ли не с объятиями какой-то бродяга — помятая поношенная одежда, стоптанная обувь, заросшая физиономия. Дело, конечно, житейское, мало ли бродяг в Питере, да лицо больно знакомое. Неужели Коба? Почему на улице, почему в таком виде?

Все оказалось просто. Из Нарыма-то он вырвался, в Питер приехал, пошел по известным адресам, а там никого не оказалось — кто арестован, кто сменил квартиру. Так что он не смог ни жилье найти, ни обзавестись более приличной одеждой, ни даже просто привести себя в порядок после трудной дороги, а бежал он на сей раз не в классном вагоне, а на паровозе, куда пристроило его функционировавшее в Нарымском крае бюро содействия побегам. И, если бы не случайная встреча на Невском, кто знает, чем бы все кончилось.

...И снова он мотается по стране. Кавказ, где Камо предпринял попытку нового «экса» — деньги были нужны отчаянно, но «экс» провалился, не повезло... Затем Питер — там была грандиозная политическая стачка, связанная с выборами в Думу, как же в таком деле без него обойдется? А осенью он отправился за границу, в Краков, на совещание рабочих депутатов с Лениным и Зиновьевым, и через месяц еще раз туда же, на партийное совещание, на котором он снова вошел в члены ЦК и в его Русское Бюро. Теперь их было четверо цекистов в России: двое революционеров — он и Андрей Уральский (псевдоним Якова Свердлова) и два депутата: Петровский и Малиновский.

Так Иосиф стал одним из двоих главных людей партии большевиков внутри страны, и ему даже назначили содержание, несмотря на то что с деньгами у партии было совсем плохо. Но ведь у Кобы никогда не было денег, и заработать негде — еще не хватало, чтобы первый человек в России забивал себе голову проблемами, как пообедать. Так что, несмотря на попытку отказаться, ему было установлено «жалованье» в размере 60 рублей в месяц.

Однако сразу его в Россию не отпустили. Ленин попросил Иосифа написать статью по национальному вопросу, поскольку в партии он был по этой теме специалистом номер один. Так что из Кракова он отправился в Вену работать над статьей «Марксизм и национальный вопрос». По этому поводу он выразился в письме Малиновскому кратко и определенно: «Сижу в Вене и пишу всякую ерунду». Неужели увлечение марксизмом начало проходить? Однако не откажешься же от поручения Ленина, вот и пришлось ему вместо конкретной работы торчать за границей и теоретизировать. Там он, кстати, впервые увиделся с Троцким. Как вспоминал впоследствии «демон революции», пришел он в гости к своему приятелю, сыну богатого бакинского купца, депутату Госдумы Скобелеву. Хозяин и гость сидели в гостиной за самоваром и рассуждали о низвержении царизма. Точнее, это Троцкий пишет, что рассуждали, а на самом деле, надо полагать, рассуждал-то Лев Давидович, человек куда как разговорчивый, а Скобелев поддакивал да кивал. Вдруг без стука отворилась дверь, и в комнате показался невысокий смуглый человек, который без единого слова налил себе стакан чаю и столь же безмолвно удалился. Немая сцена. Воспитание-с...

Впрочем, можно напрячь фантазию и посмотреть на ситуацию с другой стороны. Иосиф сидит в соседней комнате, работает — пишет, как он выразился, «всякую ерунду». За границей ему надоело жутко, он устал от болтовни, хочется в Россию... и чаю тоже хочется, а если войти в гостиную, так ведь этот трепач прицепится, потом не отвяжешься, еще не хватало все это слушать. Сколько можно болтать за самоваром? Так и до вечера чаю не напьешься... Что ж, придется быть невежливым, чтобы не быть грубым...

А что, чем не объяснение? Любой, кто имел дело с профессиональными политиками — этот тип со временем не меняется, — знает, что ситуация, в которой приходится быть

невежливым, чтобы не быть грубым, в общении с этой публикой стандартна.

...Но Коба не создан для жизни в эмиграции. Душой он стремится в Россию. В письмах он ничего не рассказывает о своем житье-бытье, кроме того, что «пишу всякую ерунду», зато засыпает адресатов вопросами. Как дела на Путиловском? Как с «Правдой»? Как во фракции? Похоже, что с эмигрантами у него отношения не очень-то складываются. Из Кракова он пишет одному из друзей: «Скучаю без тебя чертовски. Скучаю, клянусь собакой. Не с кем погулять. Не с кем по душам поболтать». Если бы он читал Гумилева (а может, и читал — кто его знает?), то мог бы, наверное, написать: «Я злюсь, как идол металлический среди фарфоровых игрушек». Душа требовала дела, дела... а дела не было! Выборы, язвы их! Выборы, фракции, газеты...

Только в середине февраля он вырвался в Россию. «Вакханалия арестов, обысков, облав...» — пишет он. 10 февраля арестован Свердлов. Примерно в это время в газете «Луч» появилась заметка, анонимный автор которой намекал на то, что депутат Государственной Думы большевик Малиновский — провокатор. Иосиф, сам в свое время немало пострадавший от подобных слухов, samozабвенно защищает товарища. Знал бы он, кого защищает...

На этот раз он не хотел быть арестованным, но и на старуху бывает проруха: он, опытейший конспиратор, делает роковую ошибку. На Калашниковской бирже проводится благотворительный бал-маскарад, на котором, естественно, присутствует весь революционный бомонд. Кто-то пригласил туда Иосифа, и тот пошел, несмотря на то что полиция с ног сбилась, разыскивая его. Не исключено, что пригласившим как раз и был депутат Госдумы Роман Малиновский, самый высокооплачиваемый провокатор Охранного отделения. В самый разгар концерта на бал явилась полиция. Агент указал на человека, сидевшего за столом вместе с несколькими депутатами Государственной Думы — впрочем, присутствие депутатов не помешало аресту. Так Иосиф попал в руки полиции, и на этот раз — надолго. После его ареста лидером Русского Бюро стал Малиновский. А Сталин и несколько ранее арестованный Свердлов были высланы в Туруханский край.

Туруханская ссылка

Как ни описывай жизнь Кобы в последние пять лет, все равно не отделаться от впечатления, что она была совершеннейшей суетой. Те дела и заботы, которые в 1905 году выглядели разумными и целесообразными, все больше напоминают бессвязные картинки, мелькающие за окнами поезда. Выборы... Куда выбирать, зачем? Что могут большевики в Думе, и что может сама Дума, и чего она хочет, эта Дума, в которой всякой твари по паре? Газеты... О чем в них писать? О мелких политических разногласиях с меньшевиками? Обсуждать животрепещущий вопрос, оставаться ли в Думе, если она идет не туда, куда хотелось бы их партии? Какое это имеет отношение к защите справедливости и разве для того Коба пришел в РСДРП?

Ему было тридцать пять лет, и последние шестнадцать из них он отдал революционной работе. Но революция захлебнулась, и никаких перспектив впереди. «Царство свободы» отодвигалось на неопределенный срок — это в лучшем случае. А в худшем, похоже, становилось миражом. В его ли годы гоняться за миражами?

В последнее время Коба все чаще давал себе передышку. Четыре месяца в Сольвычегодске, два в Вологде — побыть наедине с собой, разобраться в том, что происходит с ним и вокруг него. Но он ничего не успевает — его все время теребят, бомбардируют письмами, снова наваливается политическая и организаторская суета. Иосиф ссутулился, помрачнел, выглядел больным и усталым. Не стало азарта, свойственного ему раньше, жизнь давила, пригибала к земле, затягивала... И вдруг все кончилось. Он ощущал себя выброшенным из жизни, все — Москва, Петербург, Европа — отодвинулось далеко-далеко, куда-то за край земли. А до самого края земли шумела тайга.

...Туруханский край огромен и дик. Начинаясь в 400 верстах от Енисейска, он тянется

до самого Ледовитого океана: бескрайняя тайга, а к северу — столь же бескрайняя тундра. На сотни и сотни километров нет ни дорог, ни людей. Лишь по берегам Енисея лепятся деревушки, которые здесь называют станками. В относительно обжитых местах в станках дворов по двадцать—тридцать, а на севере—и вовсе два-три двора.

Полторы недели добирались из Петербурга в Красноярск. На то, чтобы преодолеть остальные полторы тысячи километров до села Монастырского, «столицы» Туруханского края, ушел месяц. Прибыли они 10 августа, Иосиф представился приставу Кибирову, главному начальнику над ссыльными. Пристав был переведен сюда из Баку в наказание за какую-то провинность. Весь край — тюрьма, только очень большая. Другой дороги, кроме как по воде, здесь не было, на берегах — кордоны: бывалый таежник, конечно, их обойдет, но не горожанин. Не убежишь.

Настроение у Иосифа было — хуже некуда. Мрачный, подавленный, потерянный, он не хотел ни с кем разговаривать и никого видеть. Ссыльные ждали его с нетерпением, приготовили комнату, даже какие-то вкусности раздобыли, чтобы поторжественнее встретить человека с Большой земли. Ждали от него сообщения о положении дел в России, как было принято у ссыльных. Но Иосиф приехал, прошел в свою комнату и больше не показывался. Доклада о положении в России он не сделал, да и вообще почти ни с кем не разговаривал. Товарищи по ссылке на него обиделись — в замкнутых сообществах вообще люди обидчивы.

Дела были плохи. Для него, южанина, да еще больного туберкулезом, шансов отбыть ссылку и вернуться живым было мало, и он это прекрасно понимал. Кроме того, обычная его бедность превратилась в самую настоящую нужду. Он не имел профессии, пригодной для Севера, не мог и заработать физическим трудом. Оторванный от всех, не сумевший найти общего языка с другими ссыльными, угнетенный духом, Иосиф пишет товарищам отчаянные и потерянные письма.

Сразу по прибытии Зиновьеву в Краков: «Я, как видите, в Туруханске. Получили ли письмо с дороги? Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег. Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедленно...» Он еще не понимал, что Туруханский край — это не Вологда и даже не Нарым. Здесь все совсем иначе.

Вот он пишет Малиновскому: «Здравствуй, друг. Неловко как-то писать тебе, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и на одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии... У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву. Моя просьба состоит в том, что если у социал-демократической фракции до сих пор остается „Фонд репрессированных“, пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы рублей в 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то, может быть, вы все сообща выдумаете что-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно — некогда, нет времени, но, черт меня подери, не к кому больше обращаться. А околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, — не хочется. Дело это надо устроить сегодня же, и деньги переслать по телеграфу. Потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен...» Он словно извиняется за то, что осмелился побеспокоить такого занятого человека, как депутат Малиновский, а ведь это пишет, по сути, первый по положению в партии из большевиков России. Впрочем, это вполне в духе Кобы. Если для дела он не считался ни с чем и ни с кем, то для себя лично стеснялся просить даже о том, на что имел бесспорное право.

Что за человек был Коба, хорошо показывает рассказ большевички Т.А. Словатинской, хозяйки конспиративной квартиры. Там, в крохотной комнатке для прислуги, возле кухни, жил большевик Сольц. Однажды он сказал хозяйке, что хочет познакомить ее с одним товарищем-кавказцем. Оказалось, что товарищ живет у него уже несколько дней, не выходя из комнаты. «Он показался мне сперва слишком серьезным, замкнутым и стеснительным. Казалось, больше всего он боится чем-то затруднить и стеснить кого-то. С трудом я настояла, чтобы он спал в большой комнате и с большими удобствами. Уходя на работу, я каждый раз просила его обедать с детьми, но он запирался на целый день в комнате, питался пивом и хлебом...»

Друзья его сами были бедны. 10 ноября Иосиф пишет в Петербург Словатинской. «Татьяна Александровна. Как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша. И все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока еще доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу, не знаю... Нельзя ли будет растормошить знакомых и раздобыть рублей 20—30? А то и больше? Это было бы прямо спасение. И чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре (вчера было 33 градуса холода). А дрова не куплены в достаточном количестве, запас в исходе. Я надеюсь, что если захотите, достанете. Итак, за дело, дорогая. А то „кавказец с Калашниковской биржи“ того и гляди пропадет...»

На помощь партии он, как член ЦК, имел неоспоримое право, но поддержка товарищей вызывала почему-то потрясение. Станный человек! Ведь сам он помогал другим, не дожидаясь просьб. А на малейшее проявление внимания отвечал такими вот взрывами эмоций: «Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у вас нового белья, я просил только своего старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем, жаль, денег у Вас очень мало. Я не знаю, как отплатить Вам, дорогая. Милая — милая». Должно быть, не только физический холод окружал его со всех сторон в Туруханском крае, но и холод душевный.

Он все-таки надеялся бежать, да и ЦК не хотел смириться с тем, что двое главных российских большевиков без всякой пользы торчат в Сибири. ЦК тут же выделил на побег Иосифа и Свердлова 100 рублей и отправил их в Монастырское. Деньги пришли в конце ноября, но присланы были на имя Свердлова и без каких-либо пояснений, так что Иосиф подумал, что принято решение устроить побег только Свердлову. Позднее он писал: «Гов. Андрей получил их, но я думаю, что они принадлежат ему и только ему». Почему он так решил, какие основания у него были полагать, что партии нужен только один из двоих российских членов ЦК? Возможно, была нарушена некая партийная этика, неписанные правила тайных сношений со ссыльными. Возможно, у него были сложные отношения с партийной верхушкой. Тогда Иосиф, очень скромный и крайне эмоциональный, мог отреагировать именно так.

Да, но почему ЦК прислал деньги одному Свердлову? Возможный ответ выглядит невероятно, но... В 1915 году Ленин писал Зиновьеву и Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степки или Михи и т. п.) фамилию „Кобы“ (Иосиф Дж.....? Мы забыли). Очень важно!» Может быть, деньги прислали на имя Свердлова только потому, что не помнили настоящую фамилию Иосифа? А если нет — то почему?

В январе Иосиф все-таки получил деньги — из разных источников, в общей сложности 135 рублей, но туруханский исправник Кибиров тут же лишил его казенного пособия как имеющего «другие источники существования».

Денежная проблема была решена. Но изоляция от внешнего мира оставалась почти полной. Теперь из всех разнообразных занятий у него оставались только книги. Чтобы их раздобыть, он не считался ни с чем, совершая иной раз поступки не совсем благовидные. Незадолго до его приезда утонул в Енисее ссыльный Дубровинский, после которого осталась небольшая библиотечка. Иосиф ее просто-напросто присвоил и увез с собой на место поселения. Оказалось, что ссыльные хотели библиотеку обобществить, и по поводу возврата общественной собственности к нему поехал разбираться Филипп Захаров. Кандидатура была

не самая удачная, поскольку Филипп Иосифа не любил, тот это почувствовал и, по словам Захарова, встретил его как царский генерал рядового солдата, так что ничего хорошего из этой встречи не получилось, кроме еще большего обострения отношений с товарищами по ссылке.

А вот для изучения языков это было самое подходящее время. Иосиф просит некоего Белинского во Франции, члена «Общества интеллектуальной помощи русским ссыльным», прислать ему франко-русский карманный словарь и несколько номеров какой-нибудь английской газеты. Он выписывает книги и газеты, благо появились деньги, и работает по-прежнему много, даже больше, чем раньше. Особенно после того, как остается в полном одиночестве.

...Некоторое время по прибытии Иосиф жил в станке Мироедиха, где было небольшое общество ссыльных, затем в деревушке Костино. Неподалеку, в селе Селиваниха, отбывал ссылку Свердлов, вскоре туда же приехал и Филипп Голощекин. Но тут Кибирову пришло сообщение о том, что эти ссыльные готовят побег — информация пришла «сверху», от начальства, постарался столь горячо защищаемый Кобой депутат Малиновский. Получив предупреждение, Кибиров перевел обоих потенциальных беглецов на север, за Полярный круг, в станок Курейка.

В одной из баек, которые Сталин придумывал о своем революционном прошлом, он рассказывал, что побег все-таки имел место быть. Причем Свердлов прятался в корзине с бельем, которую встреченный на дороге жандарм хотел проткнуть штыком, и Сталину удалось спасти товарища, только дав жандарму денег. Этот случай он приводил как пример плохой конспирации. И что интересно, этой истории верили — Сталин ведь не кто-нибудь...

...В то время в Курейке было восемь домов и числились 67 человек: 38 мужского и 29 женского пола. Местное население — остяки, охотники и рыболовы, из пришлых — несколько ссыльных уголовников. До Монастырского — 200 километров, по местным понятиям, не так уж и далеко.

Сначала Иосиф и Свердлов жили в одном доме, но вскоре разругались напрочь — не сошлись характерами. Свердлов писал жене из Курейки: «Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы встречались в ссылке. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда». Несколько позднее: «...что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах... С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся...» «Со своим товарищем мы не сошлись характерами и почти не видимся, не ходим друг к другу». И затем жене: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я жил в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись». Питерский рабочий Борис Иванов, тоже бывший в ссылке в Туруханском крае, вспоминает, что Свердлов говорил ему. «По прибытии в ссылку я поселился в его хижине, но вскоре он не стал со мною разговаривать и дал понять, чтобы я освободил его от своей персоны...» В общем, совместного житья не получилось. Учитывая, что Свердлов в то время обладал, как он сам говорил, немалыми «талантами разговорными», а Иосиф разговоров не по делу очень не любил, кое-что становится понятным. В общем, очень скоро они стали жить отдельно, а затем Свердлов добился перевода обратно в Селиваниху. Иосиф же остался в Курейке — его не переводили, а скорее всего, он и не добивался перевода. С сообществом ссыльных все равно ведь отношения не сложились — так зачем ему нужна лишняя нервотрепка? Вот он и предпочел общество крестьян-остяков.

Тем более что с крестьянами он, сын сапожника и внук крестьянина, характером вполне сошелся, жил с ними нормально, участвовал в их праздниках, учил их революционным песням, перенимая русские народные. А дети вообще делали с ним, что хотели, детей он, сам бездомный и бессемейный, просто обожал. Именно в этой ссылке он впервые по-настоящему узнал русский народ — и полюбил его на всю жизнь.

Была здесь у него и женщина, точнее, совсем молоденькая крестьяночка, Лида,

четырнадцати-пятнадцати лет, у которой вроде бы даже было от Иосифа двое детей. История странная: Иосиф по части женщин был далеко не аскетом, но чтобы малолеток совращать... Впрочем, когда в 50-е годы КГБ раскопал эту историю, выяснились любопытные подробности. По утверждениям самой Лиды, первый ребенок родился у нее где-то в 1913—1914 году, а Иосиф приехал в Курейку в 1914-м. Так что это многое объясняет, тем более что незадолго до приезда Иосифа со Свердловым там жили ссыльные уголовники. Впрочем, женщин на станке был недостаток, так что Лида вскоре вполне благополучно вышла замуж, муж усыновил ее второго ребенка (первый малыш умер), который потом стал военным. Ни на какое высокое родство он никогда не претендовал.

Жизнь в Курейке была дешевая, что пришлось очень кстати. В 1915 году в очередном письме за границу Иосиф уже привычно упоминает: «Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незavidно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати».

А с друзьями он по-прежнему шепетилен. Аллилуевым, самым близким из близких, пишет: «Посылку получил, благодарю. Прошу только об одном — не тратиться больше на меня: вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге».

Поневоле Иосиф стал жить той же жизнью, что и местные. Он научился ловить рыбу, летом заготавливал ее впрок, зимой у него в проруби всегда стояла снасть. Ходил на охоту, несмотря на то что ссыльным запрещалось иметь оружие, а как жить? Соседи оставляли ему ружье в условленном месте в лесу, Иосиф шел в тайгу с пустыми руками, на виду у стражника, а там забирал оружие. Стрелял песца, бил птицу. Так он кормился. Пособия на все не хватало, а без книг и газет он жить не мог.

Как-то раз Иосиф едва не замерз в пургу, но потом этот случай обернулся благом, да еще каким! Он пошел проверять снасти на дальнюю прорубь. На обратном пути разыгралась пурга, вешек, которыми обозначали путь по замерзшей реке, стало не видно. Что такое пурга на Севере? Снег крутит так, что на расстоянии вытянутой руки уже ничего не видно. Ветер валит с ног, да еще рыба тяжелая перекинута через плечо, а бросить нельзя, нечего будет есть. Он идет, идет, а жилья все нет. Неужели прошел деревню? Тогда — все, смерть. И тут, когда силы и надежда уже почти оставили, он почувствовал запах дыма, услышал собачий лай — деревня!

Войдя в избу, он без сил рухнул на лавку.

— Осип, это ты? — испуганно спросил хозяин.

— Конечно, я. Не лешак же!

После этой рыбалки Иосиф проспал восемнадцать часов. Но потом проявились неожиданные результаты. Холод и напряжение всех сил оказались целительными — прекратился туберкулезный процесс в легких. Из Сибири он вернулся здоровым.

К сожалению, гораздо меньше повезло его другу, самому близкому человеку в туруханской ссылке, Сурену Спандаряну. Вот уж кто никогда не жаловался на «тяжелый характер» Кобы! Как-то раз Сурен и Вера Швейцер поехали к Иосифу в гости по замерзшему Енисею — двести верст в Сибири не расстояние!

«Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами, — вспоминала позднее Швейцер. — Мы мчались на собаках по Енисею без остановки. Мчались под нескончаемый вой волков.

Вот и Курейка... У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу — деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти — сети, оселки, крючки. Все это изготовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный

книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посреди комнаты небольшая печка — «буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло, заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

— В моей проруби маленькая рыба не ловится, — шутил Сталин, любуясь красавцем-осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу».

Время от времени и сам Иосиф приезжал в Монастырское, в гости или за почтой, и всегда навещал друзей. Однако Спандарян был болен — тем же туберкулезом, что и Иосиф, но с иными последствиями. В суровом сибирском климате его болезнь прогрессировала, к марту 1916 года стало совсем плохо. Он попросил о переводе в другое место, лучшее по климату. В мае состоялось медицинское обследование, врачи нашли у Спандаряна запущенную форму туберкулеза. В августе он был освобожден от вечного поселения с разрешением проживать везде, кроме столиц и крупных городов. Но освобождение пришло слишком поздно — 11 сентября Сурен Спандарян умер в Красноярске.

Иосиф ничего не знал о судьбе друга. Летом 1916 года он не появлялся в Монастырском. А когда приехал, Сурена там уже не было. Он писал кому только мог, разыскивая друзей. Письмо с извещением о смерти Сурена пришло в Монастырское, когда Иосиф уже уехал из Туруханского края.

...А на Большой земле шла война. В октябре 1916 года вышло распоряжение правительства о призыве административно-ссылных на военную службу, что было вообще-то большой глупостью, ибо революционеры только и мечтали о возможности работать в действующей армии. Иосиф также был включен в список призывников и в середине декабря отправился в Красноярск. На войну его, правда, не взяли, что нетрудно было предсказать, поскольку левая рука у него действовала все хуже и хуже. Но отправлять обратно тоже был не резон — доберется как раз к окончанию срока ссылки, до которого оставалось четыре месяца. Ему разрешили дожить остаток срока в Ачинске, куда он приехал в двадцатых числах февраля 1917 года.

...Жизнь в Туруханском крае текла так же, как и сто, и двести лет назад, в ней ничто не менялось. А за пределами огромной заснеженной тайги крутились колеса истории, поворачивая мир. Шла мировая война, небывалая по масштабу кровопролития, на полях сражений люди гибли миллионами. Трещали троны, шатались империи. В России зрел колоссальный антимоноархический заговор. 2 марта Николай II отрекся от престола. В тот же день вышло распоряжение об освобождении ссылных депутатов Государственной Думы, с ними отправился из Сибири и Иосиф. 12 марта они уже были в Петрограде. Начиналась какая-то другая, совсем новая жизнь, жизнь уже совершенно за гранью реальности. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» — будут петь позднее. Быль закончилась, и начиналась сказка — та, в которой сын сапожника становится царем и владыкой полумира.

Интермедия. На гребне волны

...Они ехали сквозь взбаламученную Россию, как опоздавшие гости спешат на праздник, который начался без них. Вместе с прочими пассажирами выхватывали из рук мальчишек-газетчиков наспех отпечатанные листки, жадно впиваясь глазами в мелкие черные строчки, читали вслух, тут же обсуждали, и тут же вспыхивали стихийные митинги, на которых ораторы на все лады перепевали вариации на одну и ту же тему: «Свобода! Революция!» Иосифа тоже захватило это всеобщее возбуждение, но он не произносил речей, четырехлетнее одиночество отучило от разговоров, и он лишь смотрел и смотрел по

сторонам радостно блестящими глазами, чтобы не упустить ни одного мгновения, все увидеть и все запомнить. Это был его день, его праздник!

На станцияхлюдно, весело, все сословия смешались в одну толпу, только жандармы куда-то делись... За свои без малого сорок лет жизни он много повидал и теперь понимал всех, кого видел перед собой. Смешны были гимназисты и прочая интеллигентская молодежь, повторявшая без толку и понимания громкие слова газетных передовиц. Фабричные — нервные, взвинченные, с впалой грудью и землистыми лицами — почти поголовно были навеселе по случаю праздника, и в толпе то и дело вспыхивали пьяные драки. А в сторонке молча стояли мужики, и на их сосредоточенных лицах читалось: «Свобода-то свобода, а налоги? А земля?» Эти свой интерес знают, и если кто думает, что они будут голосовать за красивые слова... В глазах женщин он читал безмолвное: «А война?» Иосиф понимал их всех и на ходу формулировал требования: крестьянам — землю, рабочим — достойную зарплату и охрану труда и всем — мир и демократическую республику. На душе было и радостно, и тревожно: что-то будет дальше? Он достаточно пожил на земле, чтобы научиться понимать: ничто и никогда не происходит так, как задумано.

Он мало участвовал в разговорах, больше склонялся над кипами газет: опаздывали они с возвращением из ссылки, ох как опаздывали! По крайней мере, надо читать, надо думать, чтобы быть готовыми, чтобы не потерять ни одного дня. И сами собой складывались слова: «Для того, чтобы разбить старую власть, достаточно было временного союза восставших рабочих и солдат. Но для того, чтобы сохранить добытые права и развернуть дальше революцию, — для этого одного лишь временного союза рабочих и солдат отнюдь не достаточно. Для этого необходимо союз этот сделать сознательным и прочным, длительным и устойчивым. Органами этого союза и являются Советы рабочих и солдатских депутатов...»

⁵ Так ли писать? И тут же опыт подсказывал вопрос: а под чьим влиянием будут эти Советы? Удастся ли договориться с меньшевиками? Ой ли... А тут еще эсеры — сила, а за ними мужики. Чью сторону примут они? Что в столице? Как там товарищи? В газетах ничего о партии большевиков не писали...

В газетах о большевиках не писали и не могли писать. К этой революции социал-демократы не имели ни малейшего отношения. Она рождалась и вынашивалась совсем в других слоях общества — это была революция аристократии и буржуазии, рвавшейся к власти. А кто абсолютно не был готов к тому, что произошло, так это партия большевиков. ЦК, по-прежнему находившийся за границей, был отрезан от России войной, российский партийный актив разогнан по ссылкам либо ждет погоды. Молотов, уже много-много лет спустя, жаловался: «Вот я „Правду“ выпускал, мне двадцать два года было, какая у меня подготовка? Ну что я понимал? Приходилось работать. А эти большевики старые — где они были? Никто не хотел особенно рисковать. Кржижановский служил, Красин — тоже, оба хорошие инженеры-электрики, Цюрупа был управляющим помещьем, Киров был журналистом в маленькой провинциальной газете...» А тех, кто рисковал, загнали туда, куда Макар телят не гонял, уж это-то Иосиф знал на своей шкуре...

Заграничное руководство тоже ничего подобного тому, что произошло, не ожидало. Ленин в Цюрихе говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции». И слова эти сказаны были в январе 1917 года.

В «час X» в Петрограде руководили, а фактически представляли партию трое молодых членов нелегального Русского Бюро ЦК — Залуцкий, Молотов и Шляпников. Для них происшедшее тоже оказалось полной неожиданностью. Молотов впоследствии рассказывал:

«Когда разыгрались события 26 февраля, мы с Залуцким... пошли на нашу явку на Выборгской стороне узнать, как все-таки обстоит дело. А третьего нашего компаньона, Шляпникова, нет. Сказали, что он, вероятно, у Горького. Отправились к Горькому. Это

⁵ Сталин И. О Советах рабочих и солдатских депутатов. «Правда», 14 марта 1917 г.

поздно, ночью уж, наверное, 27 числа. Стрельба на улицах, стреляют со всех сторон. Стоим с Залуцким в прихожей у Горького. Он вышел — вот тут я его впервые и увидел.

Мы: Что у вас слышно? Не был ли у вас Шляпников?

Он: Сейчас уже заседает Петроградский Совет рабочих депутатов, — говорит, окая.

— А где заседает?

— В Таврическом дворце. Шляпников может быть сейчас там. Приходил ко мне и ушел.

Ну, мы пришли в Таврический, вызвали Керенского, он был председателем Совета — представились ему: «Мы от ЦК большевиков, хотим участвовать в заседании». Он провел нас в президиум...

27 февраля Керенский ввел меня в Петроградский Совет, когда он только создавался. Там большевиков было мало-мало».

«Тройка» начала действовать в меру своего умения и понимания ситуации. В Совет они внесли предложения: не оказывать никакой поддержки Временному правительству, запретить выпуск газет, не поддерживающих революцию. Трудно было придумать что-либо нелепее и несвоевременнее этих предложений — надо же ляпнуть такое именно тогда, когда вся страна находится в совершеннейшей эйфории по поводу «демократического» правительства и обретенной наконец-то свободы слова. Оба предложения, естественно, не прошли, лишь заставили относиться к большевикам как к людям несерьезным, подпортив репутацию их партии. Но репутация партии в глазах «буржуев» и «оппортунистов» не очень-то волновала «тройку». Молоды они были, молоды и не опытные, основные теоретики проживали за границей, и подсказать было некому. Но из Сибири уже ехали первые ссыльные, политики умеренные и разумные — депутат Госдумы Муранов, Каменев, Сталин...

...Прямо с вокзала он отправился к Аллилуевым. Тут его ждали, понимая, что при первой же весточке о революции он сорвется с места. А в столице куда деваться? Конечно, к ним, куда же еще! И вот он на пороге: все в том же костюме, в котором четыре года назад отправился в ссылку, уже распадающемся от ветхости, с ручной корзинкой, где помещался весь его багаж. Иосиф был все такой же — и не такой. Дети запомнили его подавленным, молчаливым, а теперь он стал веселым. Смеялся, шутил, показывал в лицах захлебывающихся от высоких речей станционных ораторов и жадно расспрашивал обо всем, краем глаза разглядывая друзей. Сергей и Ольга мало изменились за четыре года. Но надо же, как выросли дети: Аня и Надя — совсем барышни...

Немного отдохнув с дороги, Иосиф направился в редакцию «Правды» под настороженные взгляды членов «тройки», которые уже вошли во вкус политики и теперь опасались, что новоприбывшие задвинут их куда-нибудь в угол. Собравшиеся решили устроить вернувшимся формальный прием в руководство — приняли в члены Бюро Муранова, отказали Каменеву, Иосифа допустили с совещательным голосом, сославшись на «некоторые свойства личности». Он внутренне усмехнулся: бояться, что он их задавит своим авторитетом. Ну и ладно, он и с совещательным голосом стоит этих желторотых с их решающими, пусть-ка попробуют с ним поспорить... Ему не Бюро нужно, ему нужна в первую очередь «Правда», тогда он и без них обойдется... Иосиф, как Илья Муромец после второй чаши меду хмельного, чувствовал в себе силу. Теперь он на своем месте, это дело ему в самый полный рост! Ничего, что революция буржуазная, главное — что революция!

Уже 14 марта вышла его первая статья «О Советах рабочих и солдатских депутатов». 16-го — еще одна, «О войне». «Голый лозунг „Долой войну!“ совершенно непригоден как практический путь, ибо он, не выходя за пределы пропаганды идей мира вообще, ничего не дает и не может дать в смысле практического воздействия на воюющие силы в целях прекращения войны... Выход — путь давления на Временное правительство с требованием изъяснения им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры. Рабочие, солдаты и крестьяне должны устраивать митинги и демонстрации, они должны потребовать от Временного правительства, чтобы оно открыто и во всеуслышание выступило с попыткой

склонить все воюющие державы немедленно приступить к мирным переговорам на началах признания права наций на самоопределение».

И так далее — почти в каждом номере. До сих пор он был мало востребован как политик, но много думал и много учился, и оказался в полной мере готов выступить и в этом новом амплуа, возглавив партию, пока не приедут из-за границы цекисты — когда они еще приедут? Не так это просто, в Европе идет война...

Теперь в полной мере оказался востребован и его литературный талант. Что стихи — детская забава! Все свое умение работать со словом, выработанное, когда он учился складывать слова в стихотворные строчки, Иосиф вкладывал теперь в газетные статьи, почти физически ощущая, как можно словом ворочать массы — как горный поток сдвигает с места громадные валуны. В свое время он оценивал стиль Ленина: «Каждая фраза не говорит, а стреляет». Перефразируя, можно сказать про сталинский стиль, что у него стреляет каждая мысль, а каждое слово пригнано к месту, как крупинки пороха, незаметно и предельно функционально. Оценки точны и взвешенны, ситуацию он чувствует, как чувствует лошадь хороший наездник, а ведь она была куда как сложна и менялась каждый день! Зато язык прост и доступен любому полуграмотному фабричному или солдату. «У Сталина исключительный язык пропагандиста, классический язык, точный, короткий, ясный. И в голову прямо вколачивал», — говорил Молотов.

Возьмем для примера крохотную газетную реплику «Или — или» (не потому, что она особо важна по теме, а просто потому, что она мала по объему). Только надо учесть, что написана она не для того, чтобы ее просматривали глазами, а чтобы ее читал вслух какой-нибудь рабочий у станка или солдат в окопе, медленно, почти по складам, а остальные слушали. Для этого она чрезвычайно удобна.

«В известном интервью от 23 марта министр иностранных дел г. Милюков развил свою „программу“ о целях настоящей войны. Читатели знают из вчерашнего номера „Правды“, что цели эти империалистические: захват Константинополя, захват Армении, раздел Австрии и Турции, захват северной Персии.

Оказывается, русские солдаты льют кровь на полях сражения не для «защиты отечества», не «за свободу», как уверяет нас продажная буржуазная печать, а для захвата чужих земель в угоду кучке империалистов.

Так, по крайней мере, говорит г. Милюков.

От имени кого же говорит все это так откровенно и во всеуслышание г. Милюков?

Конечно, не от имени русского народа. Ибо русский народ, русские рабочие, крестьяне и солдаты — против захватов чужих земель, против насилия над народами. Об этом красноречиво говорит известное «воззвание» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, выразителя воли русского народа.

Чье же мнение выражает в таком случае г. Милюков?

Может быть, мнение Временного правительства, как целого?

Но вот что сообщает об этом вчерашнее... «Вечернее Время»:

«По поводу появившегося в петроградских газетах 23 марта интервью с министром иностранных дел Милюковым министр юстиции Керенский уполномочил информационное бюро печати при министерстве юстиции заявить, что содержащееся в нем изложение задач внешней политики России в настоящей войне составляет личное мнение Милюкова, а отнюдь не представляет собой взгляды Временного правительства».

Итак, если верить Керенскому, г. Милюков не выражает мнения Временного правительства по кардинальному вопросу о целях войны.

Короче: министр иностранных дел г. Милюков, заявляя перед всем светом о захватнических целях нынешней войны, пошел не только против воли русского народа, но и против Временного правительства, членом которого он состоит.

Еще при царизме г. Милюков высказывался за ответственность министров перед народом. Мы согласны с ним, что министры подотчетны и ответственны перед народом. И мы спрашиваем: продолжает ли г. Милюков признавать принцип ответственности

министров? И, если он продолжает его признавать, почему не уходит в отставку?

Или, может быть, сообщение Керенского не... точно?

Одно из двух:

Или сообщение Керенского неверно, и тогда революционный народ должен призвать к порядку Временное правительство, заставив его признать свою волю.

Или Керенский прав, и тогда г. Милюкову нет места во Временном правительстве — он должен уйти в отставку.

Среднего нет».

...Естественно, такой сотрудник сразу стал в «Правде» главным. Уже через два дня Молотова мягко вывели из состава редакции. Не шумя и не отстаивая своих прав, Сталин просто взял газету в руки и повел ее, как лоцман, зная впереди цель, но не забывая о фарватере и подводных камнях, полностью сосредоточившись на событиях дня, бурное течение которых не оставляло места для дальних прогнозов. Каковы бы ни были цели большевиков в революции, но текущая политика диктовала свои тактические ходы. Глупо переть против Временного правительства, пока оно еще популярно, надо дать ему время дискредитировать себя... ну и, конечно, помочь этой дискредитации, не без того, в том числе и такими репликами, как приведенная выше. Свою позицию по отношению к правительству, полностью противоположную позиции Русского Бюро, Сталин сформулировал на Всероссийском совещании большевиков в конце марта: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку поддержка, поскольку же оно контрреволюционное — поддержка Временного правительства неприемлема».

Позднее Троцкий назовет эту политику «соглашательством» (правда, сам он в то время большевиком не был, но об этом Лев Давидович предпочитал не вспоминать). Забывая одно — если бы не это «соглашательство», если бы большевики продолжали смешить всех своими ультрареволюционными лозунгами поперек здравого смысла, не было бы у их партии ни популярности, ни власти, и нечего было бы ему делить со Сталиным в 1927 году.

Сталин не стал также печатать в «Правде» ленинские «Письма издалека», руководящие указания для российских большевиков, мотивируя это тем, что Ленин находится за границей, ситуации не знает, а после приезда в Россию его взгляды могут измениться. И вот Ленин приехал вместе со всей заграничной социал-демократической верхушкой, но его взгляды, как оказалось, не изменились. Едва сойдя с поезда, он сразу же провозгласил лозунг «Вся власть Советам!». Это было несколько лучше молотовского «Долой Временное правительство!», поскольку к немедленному свержению правительства Ленин не призывал. Но это был не здравый смысл, а простой бухгалтерский расчет: ведь Советы в то время были эсеро-меньшевистскими, и требовать для них власти значило дарить ее своим соперникам. Нет, задача была поставлена другая: сначала добиться большинства в Советах, и уж потом требовать для них власти.

Всего-то — добиться большинства! При том что партия большевиков была небольшой, слабой и по численности, и по влиянию, не шедшей ни в какое сравнение с другими левыми партиями. Плеханов, один из отцов русской социал-демократии, зло смеялся над «Апрельскими тезисами», и не он один... Но самое удивительное случилось потом — этого большинства тем не менее удалось добиться. И власть удалось взять и, что еще более удивительно, удержать ее. В изложении советских историков дальнейшее развитие событий выглядит естественным, но ведь на самом деле оно было невозможным. Этого не могло случиться — и все-таки это случилось. Почему меньшевики и эсеры не смогли этого сделать, более того, получив власть — упустили ее, а большевики смогли?

В том, какими методами обеспечивались рост и влияние партии большевиков, видна рука опытного тактика и организатора, который добивался поставленной цели методично и неуклонно. Кто бы это был? Ленин? Но Ленин далеко не так хорошо чувствовал ситуацию, это видно хотя бы по событиям сентября, а опыта практической работы у него вообще не было никакого. Иной раз он рождал искрометные идеи, но даже самая лучшая идея в неумелых руках тормозится на стадии воплощения. Нет, среди заграничных цекистов искать

бесполезно. И если исключить наличие какого-нибудь «неизвестного гения» в партийной верхушке, рано умершего и потому прочно забытого, то среди стратегов революции был всего один человек, способный сделать невозможное. По крайней мере, делание невозможного в последующие тридцать пять лет стало его профессией.

Не тем ли самым почерком разрабатывались планы индустриализации, коллективизации, гонки вооружений — те, которые позволили Советскому Союзу сделать еще одну невозможную вещь: в невероятно короткие сроки восстановить разрушенную экономику и победить в чудовищной мировой войне объединенную армию всей Европы?

...Но к моменту приезда Ленина в Россию партия большевиков проигрывала гонку — она насчитывала всего лишь 24 тысячи членов по всей стране и не пользовалась практически никаким влиянием. А он выдвигает свои тезисы так, словно у него не 24 тысячи человек, а по меньшей мере в сто раз больше...

Сначала Сталин выступил против «Апрельских тезисов», но уже к середине месяца перешел на ленинские позиции. Едва ли этот авантюрный план пришелся ему по душе, скорее, он просто подчинился партийной дисциплине. Если чего партии в этот сложный момент мучительно не хватало — так это именно разборки в верхах по какому-нибудь теоретическому поводу. А обсуждение «Апрельских тезисов» в то время было сугубо теоретической дискуссией, ибо соглашаться с Лениным или не соглашаться на практическую работу никоим образом повлиять не могло. Что бы ни было записано в декларации, в любом случае сейчас надо повышать численность и влияние партии, надо пробиваться в Советы, до большинства в которых большевикам было как до Луны. Ну, а долетим до Луны, тогда уж будем и власть брать... Вопрос о взятии власти был в то время чистой водой утопией.

В июне на I съезде Советов заявление Ленина о том, что партия большевиков готова взять власть, зал встретил хохотом. Кто мог предсказать, что безумная судьба и эту фантазию сделает былью?

Натренировавшиеся в эмиграции и ссылках большевики оказались неплохими политиками. А вот в правительстве политики засели совершенно никудышные. Не прошло и двух месяцев с февральских событий, как Временное правительство вошло в свой первый кризис, причем предельно глупо. В то время критерием «пригодности» для народа любых политических сил было отношение к войне, которая всем опостылела. Армия, не дожидаясь выхода России из войны, разваливалась явочным порядком, с каждым днем дезертиров становилось все больше и больше. И тут 18 апреля министр иностранных дел Временного правительства Милюков заявляет союзникам о «всемирном стремлении довести мировую войну до решительной победы» и намерении Временного правительства соблюдать данные им обязательства. Если бы он дал себе труд подумать... но какое тут думать, когда рефлекс срабатывает — многовековая привычка российских верхов вытягивать всю страну во фронт перед Европой. Но на этот раз страна почему-то вытягиваться во фронт не пожелала.

Газеты растиражировали высказывание Милюкова, после чего, естественно, последовал взрыв. Уже 20 — 21 апреля (3 — 4 мая) 1917 года состоялась большая антивоенная демонстрация, в которой участвовали не менее 100 тысяч человек. 2 мая 1917 года Милюков и Гучков были выведены из состава правительства и образовано новое, коалиционное правительство, в которое прорвались и представители левых сил — эсеры и меньшевики.

Что же касается большевиков, то в правительство они не попали, однако численность их партии постепенно росла. К концу апреля она насчитывала уже около 100 тысяч человек. А на съезде Советов, там, где делегаты смеялись над Лениным, в состав ЦИКа были избраны 58 большевиков — около 18 процентов Исполкома, при том что среди делегатов съезда большевиков и сочувствующих им было всего около 10 процентов. В числе избранных оказался и Сталин. Вспоминая результативность его работы в Совете, меньшевик Суханов назвал его «серым пятном», и, должно быть, заслуженно — он в это время занимался совсем другими вещами. ВЦИК был почти исключительно митинговым органом, а ораторов в партии хватало и без Сталина, и еще каких!

Если бы большевики рассчитывали только на разного уровня парламенты, то они так и

остались бы на задворках политического процесса. Однако они совершенно точно знали, в какой среде и какие лозунги найдут понимание, и, оставив Советы любителям парламентской болтовни, все дееспособные силы бросили на работу на заводах и в армии. Еще в 1909 году Сталин называл фабрично-заводские комитеты и профсоюзы «основными бастионами партии», именно в этой среде проходила его революционная работа, и он точно знал, чего эти люди хотят и как с ними разговаривать. Рабочие хотели совсем простых вещей: приличной заработной платы и ее индексации, охраны труда, социальных гарантий, но чтобы разговаривать с ними, надо было знать, как они живут и как функционируют заводы. Этому в университетах не учат, а когда человек начинает свою партийную карьеру с руководителя заводского кружка, то все происходит само собой.

Фабрично-заводские комитеты держались несколько в стороне от кипящего котла политических страстей, однако власть имели большую. После Февраля, пользуясь всеобщей смутой, они резко увеличили свое влияние на предприятиях, вплоть до того, что объявляли себя параллельной властью на заводах, где контролировали производство, заработную плату, наем и увольнение. Большевики сумели найти общий язык с комитетами, и при том, что в Советах влияние их партии было по-прежнему небольшое, за рабочими заставами оно усиливалось день ото дня. 30 мая — 3 июня 1917 года прошла Петроградская конференция фабзавкомов, на которой, в отличие от состоявшегося сразу же вслед за ней съезда Советов, три четверти делегатов были настроены пробольшевицки. Этот раунд они выиграли.

Росло влияние партии также и в армии, тем более что большевики, не связанные участием в правительстве, выступали за немедленный выход России из войны, о чем постоянно писали в своей фронтовой газете «Окопная правда». 18 июня 1917 года у могилы жертв революции большевики провели колоссальную демонстрацию под лозунгом «Долой войну!» — на нее собрались около 400 тысяч человек. И как раз в этот день на фронте началось наступление, которое, учитывая состояние страны и армии, не могло не провалиться — и, естественно, провалилось. Обиженное правительство, вместо того чтобы посыпать собственные головы пеплом, обвинило в разложении армии большевиков. Нет, большевики, конечно, ее тоже старательно разваливали, но куда им было до поистине роковых усилий властей!

Примерно к концу июня власть изменила свое отношение к партии большевиков. До сих пор к Ленину относились примерно так же, как в 90-е годы к Жириновскому, но влияние этих смешных крикунов почему-то росло, и правительство решило, что их деятельность пора прекратить. Это была еще одна ошибка Временного правительства, ибо для роста популярности любой партии ничего лучше репрессий просто не придумать. Еще по дороге в Петроград в знаменитом запломбированном вагоне Ленин повторял: «Мы едем прямо в тюрьму». И потом, уже в Питере, каждый вечер скептически говорил: «Сегодня нас не посадили — значит, посадят завтра». До определенного времени это было не более чем кокетством, но в начале июля его пророчество чуть было не сбылось.

В конце июня весть о провале наступления докатилась до Петрограда. 3 июля три министра-кадета подали в отставку. А надо сказать, что, в отличие от депутатов и политиков, пробольшевицки настроенные рабочие и солдаты к обещанию Ленина взять власть относились серьезно. И вот, когда министры подали в отставку, в пулеметном полку решили: правительство рухнет, пора! Они разослали делегатов в другие части и на заводы и уже целой толпой представителей явились во дворец Кшесинской, где заседал большевицкий штаб, с требованием немедленной революции. Ружье, столь торжественное вывешенное Ильичем на стенку, подвело его, выстрелив от случайного сотрясения в середине второго акта.

ЦК, Петроградский комитет и военная организация большевиков, посоветовавшись, решили, что поддерживать выступление партия не будет. В то время это было равносильно самоубийству. Временное правительство не могло навести в стране порядок, но чтобы разгромить большевицкую партию, сил у него хватало. Однако и не поддержать революционных рабочих и солдат тоже было невозможно — это было бы расценено как

предательство. С огромным трудом удалось переключить внимание толпы и сделать из выступления мирную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!» Теперь уже Совет попал в трудное положение — выступавшие вроде бы оказались его сторонниками. Однако другое решение ЦК, о прекращении уличных выступлений, выполнить не удалось — народу понравилось выступать.

Тут, как по заказу, подоспел и новый скандал. Петроградские газеты получили информацию о том, что Ленин вроде бы получает деньги от немцев. Тут же припомнили и запломбированный вагон. Доверие народа к печатному слову известно, разбираться бы никто не стал, если бы эти материалы удалось широко напечатать, дело вполне могло кончиться погромом и кровавой бойней. Выход нашел все тот же Сталин: трудно сказать, какие аргументы он приводил, но он сумел уговорить председателя ЦИК меньшевика Чхеидзе, своего старого знакомого, обзвонить редакции газет и попросить не публиковать компромат на Ленина. Авторитет Чхеидзе был велик, газетчики пошли ему навстречу, и компрометирующие материалы напечатала лишь одна крохотная газетка «Живое слово».

Но в целом ситуация была гремячая, и трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не Сталин со своей всегдашней ролью всеобщего миротворца. Вот когда ему в полной мере пригодилось семинарское образование — он находил слова для всех, удерживая солдат от стрельбы, правительство и ЦИК от стремления железной рукой навести порядок. В какой-то момент казалось, что ему это не удастся, — когда власти потребовали от гарнизона Петропавловской крепости разоружиться, те оскорбленно отказались, а у ворот уже стоял со своим отрядом военный представитель ЦИК эсер Кузьменко. Если бы гарнизон крепости вступил в бой с военным отрядом Совета, о партии большевиков можно было бы забыть надолго. Но Сталин сумел всех уговорить...

Несмотря на то что большого кровопролития не было, все же ответственность за беспорядки возложили на большевиков, так что правительство получило желанный повод. 5 июля ЦИК дал министрам-социалистам полномочия «для борьбы с анархией». 6 июля был проведен обыск в особняке Кшесинской, устроен погром в типографии «Труд», где печатались большевистские и профсоюзные материалы, арестованы многие большевистские руководители. 7 июля отдан приказ об аресте Ленина. Сталин укрыл Ильича в квартире Аллилуевых и в тот же день, собственноручно сбрив знаменитую ленинскую бородку, отправил его в кепке и длинном аллилуевском пальто подальше от греха, в Разлив. Сам он так зарекомендовал себя во время беспорядков, что на его свободу никто не покушался.

Приобретя ореол гонимой, партия большевиков резко прибавила популярности. В августе их было уже 240 тысяч. В том же месяце прошел VI, подпольный съезд РСДРП(б), где с отчетным докладом и докладом о политическом положении в стране, которые по рангу должен был читать лидер партии, выступил Сталин, бывший теперь первым человеком в партии. И самым хитрым человеком тоже.

Все-таки они были неисправимы, эти эсдеки-теоретики! В самое горячее время они не нашли ничего лучшего, кроме как устроить теоретическую дискуссию: возможна ли в России социалистическая революция, если, по Марксу, она должна была начаться в промышленно развитой Европе? Что из этого следует — что надо распустить партию и ехать в Берлин поднимать немцев? Иосиф вспомнил все иезуитские штучки, которым научился в семинарии, и здесь же, на съезде, открыл новое направление марксизма. «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь, — говорил он. — Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего». Это было гениально придумано — уж в чем-чем, а в умении подвести обоснование подо что угодно Сталину не было равных. Да, большевики взяли власть еще и потому — во многом потому, — что в информационной войне они шли подобно танковому клину: у них были теория, метод, пресса и человек, который со всем этим умел виртуозно обращаться.

Кроме того, съезд утвердил экономическую программу большевиков, столь же авантюрную, как и их теория, и вполне с ней согласующуюся: конфискация помещичьей земли, национализация всей земли в стране, национализация банков и крупной

промышленности, рабочий контроль над производством и распределением. Программа была сверхпопулистская и сверхдемагогическая, но народу нравилась, а поскольку и в августе никто всерьез не относился к тому, что большевики могут на самом деле взять власть, то они ничем не рисковали. Зато число сторонников стало расти еще быстрее. А хорошо не участвовать в правительстве!

...И еще одним небольшим событием был отмечен этот съезд, событием, которому никто тогда не придавал особого значения. На нем к партии большевиков присоединилась небольшая группа так называемых «межрайонцев», занимавшая по взглядам промежуточное положение между большевиками и меньшевиками. Некоторые члены этой группы впоследствии стали видными большевиками — такие, как Володарский или Урицкий. Но интересно не это, а имя лидера «межрайонцев» — им в ту пору был видный меньшевик Лев Бронштейн. Впоследствии он будет играть в советской истории видную — даже слишком видную! — роль и станет известен всему миру под своим партийным псевдонимом — Троцкий.

...Жил Иосиф в то время у Аллилуевых. Весной он некоторое время кочевал по конспиративным квартирам — у друзей было тесно. Но узнав, что они собираются переезжать на другую квартиру, полушутливо-полусерьезно попросил выделить там для него комнату. Комната была оставлена, и Иосиф обосновался в ней. Он по-прежнему был предельно деликатен, даже обедать у друзей стеснялся — Федя, младший сын Аллилуевых, раз подсмотрел, как Иосиф, купив хлеба, колбасы и копченой рыбы, ел все это прямо на улице, перед лавкой. Зато если он приходил домой в приемлемое время, когда дети еще не спали, и приносил что-нибудь, то звал их к себе в комнату, перекусить и поболтать. Целый день приходилось взвешивать каждое слово — надо же было хоть когда-нибудь, хоть с кем-нибудь дать себе волю...

Ольга Евгеньевна, хозяйка дома, чинила ему одежду, пока это было возможно. Но как-то раз, оглядев критически, во что одет ее жилец, изрекла: «Иосиф, вам нельзя больше так ходить». «Да, я знаю, — согласился он машинально. — Да времени нет купить новый...» Через несколько дней, отчаявшись затащить его в магазин, купила костюм сама.

Летом дети были в деревне. Но как-то раз в августе Иосиф проснулся рано утром от шума в коридоре. Выглянул из комнаты и увидел Надю с веником в руках — вернувшись из деревни, она принялась за уборку.

— Кто это хозяйничает? А, наконец-то настоящая хозяйка появилась...

— А разве это плохо? — колкоче ответила та.

— Нет, что вы, что вы... — он почему-то смутился, назвав на «вы» девочку, которую знал с малолетства.

Затворив дверь, Иосиф стоял, закрыв глаза, — таким образом он как бы еще какое-то время «видел» Надю. «Ей же всего шестнадцать!» — оборвал он себя, но в этот день задумывался все чаще и чаще...

...Между тем вступала в свои права безумная осень 1917 года. Страна стремительно катилась к полному развалу. Оказалось, что управлять государством несколько труднее, чем критиковать царское правительство. Всего через полгода после прихода к власти либералов страна уже трещала по швам. Разваливалась экономика: объем промышленного производства сократился почти на 40%, под угрозой остановки оказался железнодорожный транспорт. Стремительно росла инфляция. Армия таяла на глазах, в городах не было хлеба, в деревнях — промышленных товаров. Народ все больше входил во вкус русского бунта. 3 августа главнокомандующий генерал Корнилов потребовал введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. А в Зимнем дворце полтора десятка людей, именующих себя министрами, пытались, закрыв на все глаза, делать вид, что они чем-то управляют.

Первым решительный шаг к наведению порядка сделал генерал Корнилов. Договорившись с Керенским о поддержке, в конце августа он двинул на Петроград 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова. Но — поздно. Это могло бы сработать в июле, но в июле он не получил бы поддержки правительства. А теперь против

наступавших были брошены красногвардейцы, рабочие отряды, революционные воинские части, в том числе кронштадтские моряки. В наступавшие на Петроград войска послали умелых агитаторов. Керенский тут же отрекся от генерала. В общем, корниловская эскапада полностью провалилась.

Страна стремительно левела. Метания эсеров и меньшевиков, их участие в непопулярном правительстве привели к тому, что Советы начали большевизироваться. 31 августа Петроградский Совет и 5 сентября Московский перешли на сторону большевиков, которые по этому случаю снова выдвинули снятый в августе лозунг «Вся власть Советам!». Тем более что они вошли в союз с левыми эсерами и меньшевиками, реализуя, опять же, идеи умеренного Сталина.

Последней попыткой навести хоть какое-то подобие порядка стало созванное 12 сентября 1917 года Всероссийское демократическое совещание, в котором приняли участие представители социалистических партий, Советов, профсоюзов, земств, торгово-промышленных кругов и воинских частей. Совещанием был избран Предпарламент (Временный совет республики), который рабочие тут же окрестили «предбанником». Но толку от этого органа было не больше, чем от всех прочих и от правительства, которое давно уже никем и ничем не руководило, обреченно сидя в поезде, летящем к обрыву. Страна стремительно катилась к полному хаосу, и даже левые радикалы (а эсеры и меньшевики — тоже левые радикалы!) стали паниковать. Единственной силой, которая все еще держалась на гребне волны, были большевики, и не потому, что они были как-то особенно сильны или знали, как спасти страну, а просто в силу своей «отмороженности». Они не думали о будущем. Жизнь каким-то образом совпала с их теорией, и они всерьез собирались взять власть. Как они планировали ее удержать? А кто сказал «удержать»? В октябре 1917 года об «удержать» речи не было.

Итак, осенью 1917 года большевики были на коне. А главой партии, судя по съезду, в то время был Сталин. Ленин находился в Финляндии, Каменев в тюрьме, Троцкий, может стать, и хотел бы быть лидером, однако партстаж — 1 месяц — не позволял. Разве что Свердлов... Но едва ли кто-нибудь другой, и он в том числе, мог обладать в той же мере качеством, которое было наиважнейшим, — в то смутное и запутанное время, когда ситуация менялась каждый миг, когда каждый говорил свое и красивыми словами. К осени 1917 года на первое место вышли пропагандисты, те, кто мог объяснить народу, что происходит, и объяснить так, чтобы этот народ сумел увидеть и понять свои кровные интересы. И тут едва ли кто мог поспорить со Сталиным.

«...сформировалось, наконец, „новое“ (совсем новое!) правительство. Шесть министров-капиталистов, как ядро „кабинета“, и десять министров-„социалистов“ в услужение им, в качестве проводников их воли.

Декларация правительства еще не опубликована, но основы ее известны: «борьба с анархией» (читай: с Советами!), «борьба с разрухой» (читай: с забастовками!), «поднятие боеспособности армии» (читай: продолжение войны и «дисциплина!»). Такова в общем программа правительства Керенского — Коновалова.

Это значит: крестьянам земли не видать, рабочим контроля не получить, России мира не завоевать».

Официальная история хитрит, приписывая руководство событиями осени 1917 года Ленину. Ленин в то время находился в Гельсингфорсе, откуда слал в Петроград требования немедленного восстания, а оставшиеся в России товарищи эти требования успешнейшим образом саботировали. Зиновьев и Каменев яростно спорили с Лениным, Троцкий тут же выдвигал собственные планы, основным же саботажником был Сталин, который предложил передать директивы вождя... на рассмотрение в партийные организации. Этот абсолютно правильный с точки зрения партийной дисциплины и откровенно абсурдный план положил конец дискуссии. В рабочем движении существует остроумный вид стачки, называемый итальянской забастовкой, — когда рабочие, не прекращая работу, начинают выполнять все правила и инструкции, в результате чего работа становится невозможной. Можно сказать,

что Сталин применил к Ленину «итальянку».

В октябре паралич всей и всяческой власти стал очевиден. Надо было наводить в стране порядок. Однако едва ли кто-либо знал, как это сделать. В России не было силы, способной привести ее в чувство, разве что оккупация, благо шла война. Но даже и в этом случае где найти противника, который был бы способен оккупировать и усмирить такую страну? Германия в лучшем случае оттяпала бы себе Украину, предоставив остальную территорию собственной судьбе. Между тем надвигалась зима, пережить которую без централизованных усилий по снабжению у городского населения было немного шансов. Страна полным ходом летела в пропасть, и не было никого, кто стремился бы взять в этот момент власть, ибо власть означает ответственность, а брать на себя ответственность за происходящее никому не хотелось. Решиться на это могли либо действительно жертвенные спасители Отечества, каковых что-то не находилось, либо... либо абсолютно безответственная сила, живущая по принципу «дают — бери, а там посмотрим». И такая сила в России существовала.

К середине октября Ленин вернулся в Питер все с тем же требованием вооруженного восстания. Теперь большинство ЦК поддержало его. Во-первых, столько говорили о взятии власти, что теперь надо было, пользуясь современной терминологией, «отвечать за базар» или же проститься с авторитетом. Во-вторых, время удобное — через десять дней начинается съезд Советов, и будет очень неплохо к тому времени взять власть, поднести ее на блюдечке съезду и... тут же получить ее обратно, ибо кому еще-то ее передавать? Этот ход придал бы перевороту видимость легитимности. И наконец, иного выхода просто не было: кто-то должен был усмирить Россию, и в числе первых кандидатов в умиряемые стояли большевики. А что делать, когда ты не хочешь, чтобы тебя умиряли? Естественно, захватить кнут в собственные руки.

Да и в конце концов, чем они рисковали? Не получится — можно ведь вернуться в Женеву и начать все сначала... Да, скажете вы, но чтоб рискнуть на такую авантюру, надо было не иметь никакого чувства ответственности за последствия. Но большевики и не были обременены этим чувством ни тогда, когда кидались во главе рабочих толп под казацкие нагайки, ни когда грабили почту, ни теперь... ни потом! Поэтому-то у них все и получилось, что они были безответственны и потому бесстрашны.

Накануне восстания произошел еще один инцидент, который ни на что, правда, не повлиял, но сам по себе весьма показателен. 16 октября была принята резолюция о подготовке вооруженного восстания. 19 членов ЦК проголосовали за, четверо воздержались и двое выступили против — Зиновьев и Каменев. Должно быть, планы ЦК привели этих двоих «умеренных» в панический ужас, потому что они пошли на совершенно беспрецедентный шаг. Вчистую проиграв голосование, Зиновьев с Каменевым опубликовали в газете «Новая жизнь» Открытое письмо к ЦК, а фактически — печатный донос, из текста которого было совершенно ясно, что готовят большевики.

Разъяренный Ленин назвал их поступок «безмерной подлостью» и потребовал исключить обоих из партии. И тут внезапно для всех на защиту «штрейкбрехеров» стал Сталин. Он опубликовал в «Правде» небольшое заявление от редакции. «Мы, в свою очередь, выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками». Более того, Сталин дал возможность Зиновьеву опубликовать свой материал, направленный против Ленина, в газете «Рабочий путь», как тогда называлась в очередной раз, после множества запретов, переименованная «Правда».

Тогда в первый раз, но далеко не в последний, он открыто продемонстрировал, что единство партии — даже, точнее, не единство партии, а солидарность старых товарищей — ставит превыше любой политики. А когда возмущенный ЦК обрушился на него за это, заявил, что выходит из редакции «Правды»: мол, если я такой, какой есть, вам не гожусь, то никто и не заставляет меня терпеть. Ну как могли отпустить Сталина из «Правды», тем более в такой момент? (Об этом инциденте позднее рассказал Троцкий, которому казалось, что он этим стр-р-рашно компрометирует Сталина.) Этому своему принципу — солидарность

товарищей по борьбе — он был верен и потом, до тех пор, пока это было хоть как-то возможно.

...А события шли своим чередом. 16 октября был сформирован Военно-революционный центр, задачей которого стала техническая подготовка восстания. Ленин в него не вошел. Членами Центра стали Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий — все сильные организаторы-практики, и ни одного теоретика.

Временное правительство также пыталось принимать какие-то меры. В Петроград были вызваны войска с фронта, по улицам разъезжали патрули. Существовал даже план: за день до открытия II съезда Советов атаковать и занять Смольный, руководящий центр большевиков. Но планы большевиков спас случай. На заседании Петросовета Троцкий, ораторствуя, проговорился о конкретном сроке восстания, в результате чего начало выступления перенесли на день вперед. Так что все у них получилось.

Всю ночь с 24 на 25 октября к Смольному подтягивались революционные солдаты, матросы, красногвардейцы. 25 октября (7 ноября) были заняты вокзалы, почта, телеграф, министерства, государственный банк. В тот же день опубликовано обращение большевиков «К гражданам России», в котором говорилось, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки Советов. Так что к тому моменту, когда был взят Зимний дворец, власть уже фактически находилась в руках большевиков. Пролетарская революция, о необходимости которой так много говорили большевики, совершилась! Меньшевики, бундовцы и правые эсеры сами отказались претендовать на участие в такой власти, заклеив события как «военный переворот», чем большевики были чрезвычайно довольны — они оказались единственной претендующей на власть силой, и съезд тут же узаконил их право на управление страной.

Так прошли для нашего героя дни великой российской смуты, ставшие кульминацией его творчества как политика и организатора. Сделанного им до октября 1917 года уже с лихвой бы хватило для того, чтобы быть записанным в книгу истории — по крайней мере, Марат и Робеспьер в подобной ситуации обессмертили свои имена. Но для Иосифа Джугашвили это был конец лишь первого тома его невероятной жизни. Второй будет куда фантастичнее...

Часть II. Все выше и выше

Эпоха упорядочивания

Есть в Штатах такая ковбойская забава — усидеть верхом на диком быке. Побеждает в ней не тот, кто сможет подчинить животное, а тот, кто продержится на нем максимально долгий срок. Потому что изначально определено, что удержаться на спине взбешенного животного невозможно. И ни у кого никаких сомнений на этот счет нет. Точно так же ни у кого не было никаких сомнений, что большевики недолго удержатся на холке взбесившейся страны. Падение их власти — лишь вопрос времени.

Сами большевики не очень-то задавались вопросом, когда это произойдет. Они получили луну с неба, им в руки упала власть — сама упала, ее, строго говоря, даже брать не надо было, лишь не побояться схватить, — теперь надо удержать ее как можно дольше. Как именно? Ну... как-нибудь. Некоторые теоретические представления о государственном управлении у большевиков имелись, прочие задачи они намеревались решать по мере их возникновения.

А компания пришла к власти совершенно невероятная, действительно «отмороженная». Что она собой представляла, очень хорошо показывает история с заключением мира. Естественно, как и было обещано, одним из первых декретов новой власти стал Декрет о мире, принятый Съездом Советов сразу же по взятии Зимнего. Главнокомандующему генералу Духонину были отправлены соответствующие директивы. Он в ответ послал

Совнарком с его инициативами подальше, заявив, что эту власть не признает, выполнять ее приказы не намерен и договариваться с немцами не будет. Реакция главкома была вполне естественной и предсказуемой, ибо как может серьезный генерал воспринимать в качестве правительства какой-то сброд только потому, что он, этот сброд, уселся в министерские кресла? Впрочем, проблема была несколько серьезнее, чем простое неповиновение: а ну как главнокомандующему придется в голову двинуть войска на Петроград, чтобы навести здесь порядок?

Однако Ленин тут же нашел выход из положения. Совнарком сместил Духонина с поста главнокомандующего, назначив на его место первого, кто подвернулся под руку, — а под руку в тот момент подвернулся прапорщик Крыленко. А затем через головы всех и всяческих командиров Ленин обратился прямо к солдатам с призывом «взять дело мира в собственные руки», то есть явочным порядком прекратить войну — декрет-то принят! Те остатки армии, которые по каким-то причинам еще не дезертировали, восприняли политику нового правительства «на ура» и отправились брататься с немцами, которым война точно так же надоела. Попытавшийся противостоять стихийному замирению Духонин был убит собственными солдатами. Правда, армия после этого фактически перестала существовать, но раз она не существует, значит, и на Петроград не пойдет, не так ли?

Итак, проблема армии была решена кардинально. Теперь надо спешно заключать обещанный мир. И тут мирные инициативы большевиков получили второй удар — на сей раз в спину, из недр собственной партии. Дело в том, что сплоченная с виду партия внутри была неоднородна, и различные ее группы по любому поводу мгновенно вступали между собой в дискуссии. И вопрос о мире не стал исключением.

Состояла партия большевиков в основном из совершенно «отмороженных» «мировых революционеров»-теоретиков с небольшими включениями людей относительно разумных. Концентрация разумных людей в правительстве была, естественно, выше, чем в партии, но подавляющего большинства они не составляли.

И вот, когда пришла пора договариваться с немцами, «левые коммунисты» из партийных верхов — была там в то время такая фракция — внезапно родили идею «революционной войны». Идея была совершенно бредовая, но чрезвычайно завлекательная для неокрепших умов. А главное, она не требовала мыслительных усилий — в случае ее торжества ни думать, ни делать что-либо такое, чего не делали раньше, совершенно не требовалось. Заключалась эта идея в том, чтобы вместо замирения начать «революционную войну» с немцами, с целью продвижения «мировой революции» туда, где ей быть надлежит, то есть на Запад. А поскольку при имеющемся состоянии армии выиграть какую бы то ни было войну Россия никак не могла, то расклад событий предполагался следующим: начнется немецкая оккупация, дальше, согласно теоретическим разработкам левых, последует мужицкая партизанская война, в ходе которой страны-захватчики понесут такой урон, что их население возмутится и совершит наконец мировую резолюцию. Критиковать эту теорию не имело ни малейшего смысла, такие теоретические построения критике просто не поддаются, тем более что главный аргумент в подобных спорах был: «О Марксе, он не верит в мировую революцию!» Беда была не в существовании этой теории, а в том, что она была чрезвычайно популярна, в том числе и в ЦК, а вопросы в ЦК решались голосованием. Трудно сказать, чем бы все эти теоретические баталии закончились, если бы первый нарком иностранных дел Советской России Троцкий не выдвинул «срединную» идею: войну прекратить, но мира не заключать. По сравнению с «революционной войной» это было почти здравомыслие. Троцкого отправили на переговоры — это позволяло выиграть время и подумать, что делать дальше.

...И вот с такими кадрами надо было как-то ухитриться управлять государством — как в 1917 году, так и в 20-е, и в 30-е годы, ибо советская государственная верхушка в значительной своей части состояла все из тех же деятелей 1917 года, умевших сделать балаган из любой работы.

В Совнаркоме балаган начался сразу же после избрания. Сначала часть партийной

верхушки во главе все с теми же Зиновьевым и Каменевым потребовала включения в состав правительства представителей от меньшевиков и эсеров. Когда их вместе с их предложениями послали подальше, припомнив все нюансы взаимоотношений с оными партиями, то они, обиженные, вышли из состава ЦК, а восемь их сторонников гордо удалились из Совнаркома. Вместо ушедших в Совнарком вошли четверо левых эсеров — тоже не легче... Правда, опыт руководства все имели примерно одинаковый, то есть никакого, так что замена была вполне адекватной, но если в верхах начнется такая свистопляска, то никто никакого опыта и не приобретет...

Очень быстро стало ясно, что управлять государством рожденные революцией властные структуры не могут, что надо искать людей хотя бы с более-менее конструктивным мышлением и опираться на них, по возможности, выводя из зоны действия партийной демократии. Уже 29 ноября ЦК создал бюро для решения самых важных, не терпящих отлагательства вопросов, — партия стала над властью. Реально страной правили, независимо от постов, те, кто вошел в это бюро, так называемую «четверку». Это были Ленин, Свердлов, Троцкий, Сталин.

Так Иосиф вступил во вторую половину своей жизни, и эта новая жизнь была совсем другой и требовала от него иных качеств, чем раньше. До сих пор он был Кобой — мстителем, борцом, а теперь, можно сказать, на новом уровне реализовалась его ранняя, детская мечта стать волостным начальником. И вот он стал одним из начальников всей России и теперь может строить то царство справедливости, о котором мечтал. Правда, пока что было не до справедливости — сперва надо хотя бы отбиться от врагов, накормить и защитить от бандитов население, как-то обеспечить выживание столиц, поскольку до провинции все равно не дотянуться. А там видно будет...

Будучи одним из первых людей в государстве, в новом правительстве Сталин получил смешной пост наркома по делам национальностей. Существование одного министерства никакой насущной государственной необходимостью не вызывалось, это было в чистом виде дитя теории и личных амбиций. У Ленина имелся пункт по поводу «великорусского шовинизма», а в партии присутствовало множество национально озабоченных, особенно поляков и латышей (самые озабоченные были именно они, а не евреи, как можно бы подумать). Ну и решили наркомат создать. А поскольку Сталин был признанным специалистом по национальному вопросу, то кому же и становиться наркомом, как не ему?

Впрочем, получив назначение, Сталин палец о палец не ударил, чтобы как-то поставить работу, и новая структура так и осталась бы чисто бумажным построением, если бы в начале ноября ему не дали помощника, некоего Пестковского. Товарищ успел уже за столь мизерный срок поработать в ВРК, Наркоминделе и Наркомфине и, по-видимому, был столь «ценным» кадром, что все ведомства от него избавлялись. И вот теперь, после всех странствий по ведомствам, он попал к Сталину, которому для его наркомата годился кто угодно.

Пестковский нашел наркома где-то в смольнинских лабиринтах.

— Товарищ Сталин, — спросил он. — Вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну, так я вам сделаю комиссариат. Сталин согласился выдал Пестковскому мандат и снова исчез в дебрях Смольного. Его новоиспеченный заместитель, взяв себе, в свою очередь, в помощники старого приятеля, отыскал где-то столик, поставил его в комнате, где уже было два таких стола, написал на большом листе бумаги название наркомата и пошел звать шефа.

— Товарищ Сталин, идите посмотреть ваш комиссариат.

Сталин пришел, взглянул на «учреждение», издал какой-то неопределенный звук и вернулся в кабинет Ленина.

Поскольку никакой особой работы никто от Пестковского не требовал, то структура оказалась на удивление устойчивой. Вскоре наркомат стал разрастаться, появились комиссии по отдельным национальностям, которые жили своей загадочной жизнью, Пестковский их как-то координировал, время от времени нарком уделял своей структуре некоторое внимание в промежутках между другими делами, и в таком виде она и жила, аккумулируя в себе некоторое количество болтунов — что было, безусловно, благом.

Зато другие дела навалились сразу, и не из игрушечной области межнациональных отношений, а настоящие, серьезные и жизненно важные. Чем только он ни занимался в качестве члена «четверки» в жестокую зиму 1917 года! О его положении в стране говорит тот факт, что когда Ленин в декабре 1917 года решил уйти в краткосрочный отпуск, то вместо себя оставил Сталина, а не Свердлова, хотя Свердлова он больше любил и больше ему доверял.

Как Иосиф чувствовал себя во власти? Вот один нюанс: вспоминают, что по вопросу о мире Сталин четкого мнения не высказывал, а поскольку по этому вопросу невозможно было не иметь четкого мнения, то из этого можно заключить, что сначала он несколько растерялся. Не от нового статуса и не от обилия дел, а как бывает растерян нормальный человек, попавший в сумасшедший дом и вынужденный постигать его логику. В самом деле, как можно себя чувствовать во властной структуре, большинство которой исповедует теорию «революционной войны»!

Впрочем, он на удивление быстро оправился и нашел для себя в новой жизни весьма специфичную экологическую нишу. Деятельность Сталина в первые годы советской власти можно определить как наведение порядка — везде, где бы он ни появлялся, он занимался именно этим. Не загадывая далеко, не теоретизируя по поводу мировой революции, как другие, он так же упорно, как делал это всю жизнь, оценивал текущий момент, ставил задачи, решал их, потом снова оценивал текущий момент и т. д.

Теперь Иосиф отнюдь не был весел, как весной. Прочие руководители долго еще пребывали в состоянии какой-то хронической эйфории от той захватывающей фантастической истории, в которую они попали. Иосиф свою эйфорию пережил в феврале, а сейчас он был мрачным и замкнутым. Пожалуй, он первым понял, насколько тяжелым грузом ложится на плечи власть — должно быть, потому, что в его характере не было ни малейшей склонности к авантюрам, зато, как оказалось, весьма развито чувство ответственности. И как в 1907 году он с редким мужеством принял поражение революции, так теперь с не меньшим мужеством принял ее победу — может быть, это был единственный человек с таким отношением к этой победе во всей правящей верхушке партии большевиков.

...Поначалу он в военные дела не вмешивался — это было ведомство Троцкого, а спорить со Львом Давидовичем избегал даже Ленин. Но в конце весны 1918 года это пришлось сделать поневоле. Весной в центре России положение с продовольствием стало критическим. Крестьяне не продавали хлеба, поскольку правительству нечем было его оплачивать, а то, что удалось собрать, не получалось вывезти по причине невероятной неразберихи в железнодорожном хозяйстве. Юные уполномоченные с наганами делу не помогали, а лишь пугали людей. И в мае в Царицын, важный железнодорожный узел на Волге, послали Сталина — как всегда, наводить порядок. 29 мая 1918 года он был назначен общим руководителем продовольственного дела на юге России с неограниченными правами. 6 июня он прибыл в Царицын. Первая телеграмма в Москву была датирована 7 июня.

«...В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены Советами, идут вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнарком в свою очередь требуют от этих Советов отказа от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают...

Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим „Хлебную неделю“ и пустим сразу около миллиона пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников...» И все это было проделано за один день!

Вскоре в деле доставки хлеба был наведен относительный порядок, и Сталин собрался с той же целью отправиться на Северный Кавказ, но тут вплотную подступила другая опасность: к Царицыну продвигались восставшие казаки атамана Краснова и Добровольческая армия Деникина. И вот тут, разбираясь с обороной города, Сталину пришлось вторгнуться в дела ведомства наркомвоена Троцкого — и тем нажать себе врага на всю оставшуюся жизнь, ибо амбициозный нарком ревностно охранял свои владения и свой авторитет, а прямолинейный Сталин ни с тем, ни с другим не церемонился.

Воинских частей в Царицыне почти не было, а в тех, что были, не наблюдалось даже подобия порядка. По счастью, в начале июля из Донбасса прорвалась с боями 5-я армия во главе со старым знакомым Сталина — Ворошиловым. Порядка там было ненамного больше, но по крайней мере теперь рядом находился надежный человек. Дальше они работали уже вдвоем.

В начале июля Сталин пишет Ленину: «Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты... то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе и этот край окончательно потеряем... Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получится скандал для Советской власти...» На следующий день он телеграфирует: «Штаб Северо-Кавказского военного округа оказался совершенно непригодным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши „специалисты“ психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как „штабные“ работники, умеющие лишь „чертить чертежи“ и давать планы реформирования, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости».

Троцкий любил и защищал военспецов, и был прав: без них и их знаний Красной Армии было не обойтись. Сталин их не любил, придирался, снимал с постов и обвинял в саботаже, и был прав: народ этот оказался в высшей степени ненадежный, к белым они переходили чуть ли не через одного. (Забегая вперед, можно сказать, что проблема военспецов на всем протяжении Гражданской войны так и не была окончательно решена.) На этой-то почве они с Троцким и схлестнулись. Каждое распоряжение Сталина вызывало взрыв возмущения наркомвоена, в их постоянных конфликтах приходилось разбираться Ленину, которому это очень скоро надоело. Их спор он решил по-своему: когда была создана система контроля за военачальниками, включавшая комиссаров разных уровней и Военные Советы, Сталин стал председателем Военного Совета Северо-Кавказского военного округа, получив, таким образом, военные полномочия. А 20 июля он стал во главе всего военного и гражданского управления краем. Как нетрудно догадаться, отношений с Троцким это не улучшило, но теперь они были по крайней мере в одной весовой категории.

В начале августа Сталин сообщал Ленину: «Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти благодаря инертности бывшего военрука, отчасти заговором привлеченных военруком лиц в разные отделы военного округа». (И действительно, в штабе существовал заговор, одним из руководителей которого был протеже Троцкого, начальник штаба округа полковник Носович.) Сталин пока не знал о заговоре, это выяснилось потом, однако саботаж в штабе был настолько очевиден, что он приказал арестовать все артиллерийское и часть штабного управления. (Отсюда пошла, кстати, легенда о царицынской барже — о том, что в Царицыне всех бывших офицеров погрузили на баржу и утопили в Волге. На самом деле их действительно отправили на старую баржу, где ЧК в то время решил устроить тюрьму, только и всего.) Сам штаб расформировали, организовав оперативный отдел при Военном Совете. Возмущенный Троцкий тут же прислал телеграмму, требуя, чтобы штаб оставили работать на прежних условиях, Сталин же написал на телеграмме: «Не принимать во внимание» — и продолжал гнуть свою линию, благо

нарком был в Москве, а он в Царицыне. Единственно, чего смог добиться наркомвоен, так это освобождения с баржи своего протеже Носовича, которого пришлось отпустить, поскольку доказательств его участия в заговоре на тот момент не было. Освобожденный Носович не замедлил перебежать к белым.

Троцкий в своих записках всегда уверяет, что и сделал он куда больше Сталина, и авторитет у него был больший. Однако в ноябре 1918 года, когда был создан Совет рабочей и крестьянской обороны, Сталин был назначен заместителем председателя Совета, а Троцкий, несмотря на свой пост наркомвоен, — всего лишь рядовым членом.

Так Иосиф и делил свое время между штабным вагоном на каком-либо из фронтов и московским кабинетом одного из двух наркоматов — в марте 1919 года к его должностям прибавилась еще и должность наркома государственного контроля. Это был не игрушечный наркомат национальностей, госконтроль был любимой идеей Сталина, который все время пытался противопоставить что-либо всепоглощающей неразберихе новой советской жизни, и занимался он этим делом с интересом. Работал он без отдыха. Первый отпуск после возвращения из ссылки Сталин получил в августе 1920 года.

Надежда

... Не только Иосиф все чаще думал о Наде Аллилуевой с того августовского утра 1917 года, но и Надежда не забыла, как открылась дверь и она словно впервые увидела Иосифа, такого старого друга их семьи, что она, казалось, знала его всю жизнь. Может быть, новый костюм сыграл свою роль? Невысокий, ладный, веселый — даже усы торчат в стороны как-то по-особому задорно. Поражала воображение и его жизнь, полная опасностей и лишений, жизнь одного из капитанов революции. И Надя сделала тот же выбор, что и шекспировская Дездемона.

В марте 1918 года они вступили, как тогда говорилось, в гражданский брак, так что Иосиф взял с собой Надежду в Царицын уже как свою жену. Зарегистрировали они брак 24 марта 1919 года, когда ей исполнилось 18 лет.

Нельзя сказать, что родители Нади были в восторге от ее выбора — друг-то, конечно, друг, но если принять во внимание житейскую прозу... И дело не только в возрасте: сколько они знали Иосифа, у него никогда не было ни дома, ни денег, а Надя привыкла жить с удобствами и в достатке. Это мы знаем, кем станет в будущем ее муж, а они, как нетрудно догадаться, знать этого не могли и прогнозировали будущее дочери совсем по-другому. Мать прямо называла дочь дурой и как привыкла с самого начала считать ее семейную жизнь несчастливой, так и продолжала считать, хотя это было и не так. Впрочем, сама она выходила замуж еще круче — Ольга Евгеньевна, когда ей было 14 лет, просто-напросто удрала как-то ночью к любимому человеку, и ее родители тоже были недовольны... но об этом она предпочитала не вспоминать.

Проблемы начались сразу. Характер у Надежды оказался нелегкий и своенравный, а Иосиф был на двадцать лет старше и на двадцать лет умнее жены, да и сам мягкотелостью не отличался, так что нашла коса на камень. Первая серьезная размолвка произошла из-за сущей мелочи: Надя по старой привычке упорно называла его на «вы», а он не желал, чтобы дома его так называли.

Иосиф вообще был противником «выканья». Еще в Баиловской тюрьме он настаивал, чтобы политзаключенные говорили друг другу «ты». «На „вы“, — говорил он, — обращаются к нам царские слуги». И пока это было возможно, пока он не стал главой государства и не подчинился соответствующей этике, он пытался создавать вокруг себя обстановку товарищества. А тут дома такие церемонии...

Надежда упорствовала, и тогда Иосиф — не ругаясь, не устраивая сцен — просто перестал отзываться. Месяц они не разговаривали друг с другом, пока жена не сдалась.

Если их семейная жизнь и была непростой, то она была непростой для обоих. Почему-то «все знают», что в семье Иосиф был грубым, и по этому поводу каких только не

придуманно умопостроений из области семейной психологии. Впрочем, трудно представить его себе в роли семейного деспота, не такой это был человек, он всегда и со всеми старался быть мягким и внимательным, стальными клещами иной раз сдерживая горячую и страстную свою натуру.

При рассмотрении вопроса о «грубости» ниточка ведет к секретарю Ленина Лидии Фотиевой, которая употребила в свое время это слово, рассказывая о семейной жизни Надежды писателю Александру Беку. (После переезда в Москву Надежда работала в секретариате Ленина вместе с Фотиевой, и та была невольной поверенной семейных проблем своей младшей подруги.) Бек не понял. «Что значит „груб“? Как именно? „Убирайся вон? Пошла к черту?“ — попытался выяснить простодушный писатель. «Нет, — ответила та. — Это не грубость. Между прочим, Сталин всегда говорил тихо. Но в чем заключалась грубость, так и не объяснила. А может, это была грубость камня по отношению к косе?»

А поспорить им было о чем, на многое они имели совершенно разные взгляды. Надо сказать, что в то время «передовые» женщины были буквально помешаны на эмансипации, на равенстве с мужчинами. Если им в этом мешала семья, кухня, дети — долой все: семью, кухню, детей. Дошло до того, что в Москве существовал специальный детский дом для детей ответственных работников, куда матери сдавали малышей, чтобы те не отвлекали их от работы. Из этого детского дома Сталин, кстати, извлек своего приемного сына, отцу которого, легендарному большевику Артему, в свое время обещал в случае его смерти позаботиться о ребенке. Мальчик вырос в его семье, пока мать поднимала здравоохранение где-то на просторах Страны Советов.

Чем была недовольна Надежда, на что она жаловалась старшей подруге? Оказывается, Сталин хотел, чтобы она вела дом, принимала гостей, воспитывала сына. А поскольку у жены не хватало на все времени, то он предложил ей уйти с работы. Надя кинулась искать защиты от «деспота-мужа» у Фотиевой, та пошла к Ленину. Ильич сказал:

— Если завтра не выйдет на работу, сообщите мне, я с ним поговорю.

Все-таки Надежда отстаивала свое право стучать на машинке в секретариате. Когда Фотиева доложила Ленину о ее победе, тот произнес только одно слово: «Азиат».

Боюсь, что нынешние женщины, наевшиеся эмансипации по горло и выше, по-иному расценят сталинский «деспотизм». А учитывая, что у Надежды в то время был грудной ребенок — сын Василий родился в 1921 году, — ее мужа очень даже можно понять, не так ли?

На этом неприятности молодой женщины не закончились. В том же 1921 году Надежду исключили из РКП(б) «как балласт, не интересующийся партийной работой», — все-таки на все у нее времени не хватало! За нее вступился Ленин, но тщетно. Сталин в этот конфликт не вмешивался. Это одна из его характерных черт — он никогда не путал служебные и личные дела, никогда ни за кого не просил в обход существующих порядков, проявляя в этом вопросе исключительную щепетильность. Этого упорно не хотят понимать истолкователи «сталинизма», выросшие в эпоху «телефонного права». Как это так: мог приказать, по одному его слову было бы сделано что угодно — и не приказал. А вот так! Он лишь иногда пользовался своим культом с горькой усмешкой над человеческой природой — и только... Как в известной истории с поступлением его дочери Светланы в университет.

В партии Надежду восстановили лишь в 1924 году. Кстати, к тому времени даже члены большевистского правительства несколько изменили взгляды на прислугу, и в семье появилась кухарка, а потом и няня для Василия и родившейся в 1926 году Светланы.

...А вообще-то это была обычная семья, где муж и жена любили друг друга, но и время от времени ссорились. Когда Светлане было несколько месяцев, Иосиф, уехав в отпуск на юг, заболел — и Надежда тут же, бросив грудного ребенка на няню, помчалась к нему. А совсем скоро, осенью, после очередной ссоры, забрала детей и уехала к отцу в Ленинград — что-то муж ей не так сказал. Через некоторое время Иосиф позвонил из Москвы, сообщил, что едет мириться. «Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству!» — зло ответила Надежда и вернулась сама. Через некоторое время она повторила тот же маневр с

уходом, но на сей раз муж не пошел первым на примирение, и она... вернулась! Иосиф же повел себя совсем не так, как большинство мужей в подобной ситуации: он не сказал ни слова упрека, вел себя так, словно ничего не произошло. Право, не такой уж она была мученицей, бывает в семейной жизни куда хуже.

Межнациональные браки вообще дело сложное. Тем более брак между передовой русской девушкой-интеллигенткой и восточным человеком — у них и сейчас-то патриархальные взгляды на женщину, а уж тогда — тем более. Сталин ни в коей мере не был «передовым» там, где мог позволить себе быть «отсталым». Он был во много раз и умнее, и мудрее своей жены, он знал жизнь и людей. Конечно, Екатерина подходила ему больше, но Екатерина умерла. Конечно, лучше бы он и во второй раз полюбил грузинку, но с грузинками в Петербурге было сложно, и он полюбил русскую. Конечно, уж коль скоро русскую, то лучше бы с традиционным воспитанием, но ему досталась «передовая» женщина. Что тут поделаешь?

«Женившись... на Надежде Аллилуевой, — пишет внучка Сталина Галина, — дед столкнулся с характером крепким и своенравным. Новая жена имела свои пристрастия (казавшиеся ему женской ерундой) и упорно отстаивала их в открытом бою, пренебрегая тем, на чем держится семейное благополучие и ради чего многие женщины идут на сложнейшие обходные маневры, а именно умением манипулировать „владыкой“ без ущерба для его самолюбия...» Есть и такая точка зрения на их семейную жизнь.

Но все-таки семья была счастливой, супруги любили друг друга, несмотря на все ссоры. Иосифу удалось в конце концов сделать так, чтобы главным для Надежды стал он. Но это было уже потом. А пока к многочисленным партийным и государственным проблемам прибавились еще и семейные.

Ленин и Сталин

В начале 20-х годов хроническое переутомление, многолетняя работа сверх всяких сил сказались — Иосиф опять едва не умер. Приступ аппендицита, к которому он отнесся легкомысленно, окончился перитонитом. Это и сегодня тяжелое заболевание, а при тогдашнем развитии здравоохранения и подорванном здоровье больного опасность для жизни была очень серьезная. Дошло до того, что врачи боялись давать общий наркоз из-за слабости пациента, но в конце концов пришлось дать. После операции на него было страшно смотреть — лежит человек совершенно белый, восковой, жизнь едва теплится. Только через пять дней стало ясно, что опасность миновала. Ленин в эти дни звонил в больницу по два раза в день — в то время у них со Сталиным были еще хорошие отношения, трещина в них возникла потом.

...И снова смерть пролетела мимо, лишь крылом задев Иосифа. Все-таки удивительно — как этот человек, далеко не богатырь от природы, не наделенный крепким здоровьем, выносил такие колоссальные нагрузки, какие выпали на его долю. Не иначе, как многолетняя привычка закалила его — он всю жизнь работал сверх всяких сил, не давая себе поблажки. Работа стала его образом жизни, самой жизнью. Ленин, куда более крепкий и куда более себя щадивший, выдержал всего пять лет такого напряжения сил, а Сталин — пять лет при Ленине да тридцать потом, при том что реальность Страны Советов не давала лидеру государства передышки.

Едва оправившись, Иосиф снова принялся за работу. Вскоре Ильич нашел для него новое дело, которым давно уже следовало заняться, но никто толком не знал, как его поднять. На сей раз надо было привести в порядок партию. В этом был смысл новой должности, которую Ленин изобрел специально «под Сталина», — должности генерального секретаря.

Партия к тому времени контролировала и руководила в стране всем — иначе в той ситуации было просто невозможно. Страна должна быть управляема, и не было в ней иного приводного ремня, кроме партии, остальные механизмы управления еще только предстояло

создать. Вопрос был в другом — насколько управляема сама партия. За время революции и Гражданской войны она выросла в несколько раз, причем вступал туда кто попало — от ясноглазых мальчиков, не знавших ничего, кроме слова «Долой!», до откровенных шкурников-карьеристов. Пока шла война, от членов партии требовалось немного — умеешь различать красных и белых, и порядок. Но в условиях мирного строительства этого было уже недостаточно. С окончанием Гражданской войны ожили все старые партийные споры, а любые спорщики прежде всего апеллировали к массам. Что же касается теоретической подкованности и политической грамотности, то в лучшем случае она ограничивалась набором лозунгов да именами Ленина и Троцкого, а в худшем — лишь осознанием того, что надо «бить буржуев». Эту бесформенную субстанцию надо было как-то просеять, упорядочить и организовать. И вот это-то поручение и взвалили на Сталина.

Работа эта была для него не новой, новым был только объект, и он привычно начал наводить порядок. Для начала наладил связь с организациями на местах, причем довольно любопытным образом. В службе информации государства царил невообразимый хаос, и секретари обкомов и губкомов стали писать в ЦК закрытые доклады, в которых освещали все стороны жизни своего региона, — это придумал Сталин. Кроме того, чтобы перепроверять данные, он создал еще и службу неофициальных информаторов, получая таким образом представление и о положении в стране, и о том, что собой представляют местные партийные власти. Затем наладили проверку исполнения постановлений. Теперь можно было наконец-то вздохнуть и заняться учетом кадров.

А вот учет кадров заставил схватиться за голову. Чтобы хоть как-то контролировать жизнь и работу страны, надо было иметь хотя бы относительно образованные кадры. Образованных людей в партии хватало на ЦК да на губернское начальство. Уже среди уездных секретарей высшее образование имели всего 5%, а среднее — 8%, остальные — некоторое количество классов и коридоров, имелись и вовсе неграмотные. Надо было срочно организовывать партийную учебу. Затеял Сталин и чистку, потому что к правящей партии за годы войны прибилося множество самого разнообразного народа, вплоть до откровенных уголовников.

Впоследствии Ленин, как известно, написал: «Гов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». Непонятно только, чего он ожидал, поставив такого человека на такой пост. Ведь он знал Кобу почти двадцать лет и был в курсе того, что кое-как тот работать не умеет. Его поставили навести в партии порядок — он его навел и естественным образом оказался во главе этой упорядоченной структуры. Если Ленин этого не хотел, надо было поставить на это место Зиновьева или, скажем, Бухарина. Тогда бы «необъятной власти» не было — ну, и порядка не было бы тоже...

Едва-едва он успел провести эту работу, как партию, а следом за ней и страну начало лихорадить на самом высшем уровне — на уровне Политбюро. Точнее, Политбюро лихорадило с самого начала, персональный состав этого органа не давал никакой возможности для нормальной работы. Как, спрашивается, могли ужиться в одном коллективе Ленин, Троцкий, Сталин, Зиновьев и Каменев? Пока Ленин был жив и работал, он своей волей и авторитетом заставлял этот орган пристойно функционировать. Но уже начиная с 1921 года Ленин чувствовал себя плохо, а в мае 1922 года у него случился первый серьезный приступ той болезни, которая вскоре свела его в могилу. Ленин болел до сентября, потом вернулся к работе, но очень ненадолго. 25 ноября 1922 года наступило ухудшение, врачи настаивали на строгом постельном режиме, однако больной все время его нарушал, и поэтому Ленина отправили в Горки. В декабре стало ясно, что это серьезная прогрессирующая болезнь мозга и к работе вождь уже не вернется. И что теперь?

...Давно прошло то время, когда Иосиф боготворил Ильича. Теперь он смотрел на «вождя пролетариата» без розовых очков и прекрасно видел все его недостатки, но осознавал их холодным голосом разума. А в его сердце, в сердце юного социал-демократа Кобы, все было по-прежнему, и он продолжал любить Ленина — таким, какой он есть. Болезнь Ильича, серьезность которой он быстро оценил, глубоко его потрясла. А еще больше потряс его один

их разговор в мае 1922 года.

В тот день Ленин послал за Сталиным для важного разговора. Иосиф догадывался, о чем пойдет речь. Несколько раз до того, чувствуя приближение болезни, Ленин просил, в случае если с ним случится паралич, дать ему яду. Иосиф обещал, считая за лучшее не спорить, благо это ни к чему его не обязывало, но теперь пришла пора отвечать за свои слова — Ильич, как он и предчувствовал, напомнил ему обещание. «Теперь момент, о котором я вам говорил, наступил, у меня паралич и мне нужна ваша помощь». Иосиф выкручивался, как мог, уверял, что болезнь не так уж безнадежна, что врачи дают вполне благоприятный прогноз, и сумел убедить больного. А напоследок заверил, что если надежды действительно не будет, то он выполнит свое обещание. Во время этого свидания Ленин сказал ему: «Вы самый жестокий человек в партии, вы можете это сделать».

В этот день Иосиф не желал ни с кем разговаривать. Самый жестокий? Не Троцкий, который расстреливал людей тысячами. Не сам Ильич, отдававший аналогичные приказы и все время упрекавший Сталина в мягкотелости и либерализме. Нет, он сам время от времени говорил о своем «каменном сердце», но он всегда надеялся, что те, кто его знает, в это не верят. Иосиф успокаивал себя, вспоминая, как Ленин сам порой признавался, что плохо понимает людей. Но все равно было обидно, и тем более обидно, что так сказал человек, которого он по-прежнему очень любил.

Он давно уже задумывался о двойной морали своих товарищей по партии. На теоретическом уровне они действительно были за свободу, равенство и братство всех со всеми. Но на бытовом уровне все было совсем иначе: старые эсдеки, «ленинская гвардия», все больше образовывали замкнутое сообщество, внутри которого были приняты совсем другие критерии и другой стиль отношений. Как разгневался Ильич, когда он отказался помочь больному Мартову деньгами из партийной казны. Возможно, он был тогда излишне резок. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего класса! Ищите себе для этого другого секретаря». Можно было сказать иначе, но он и сам рассердился. Но Мартов, пусть и враг, для Ильича свой. Троцкий — тоже свой, хоть они и ругаются постоянно. А он, Иосиф? И чем дальше, тем больше ему становилось ясно, что он этим людям чужой и они ему — чужие.

На какое-то время больному стало легче, но потом наступило ухудшение, и он вернулся к мысли о яде — и снова Иосиф Ильича обманул. Ленин так и не простил ему этого обмана. Как-то раз, разговаривая о Сталине, он сказал Крупской: «У него нет элементарной честности, самой простой человеческой честности». Теперь между ними не было и следа былой близости, и все, что делал Иосиф, Ильич воспринимал с раздражением.

В довершение всего именно на Сталина взвалили обязанность следить за личным режимом вождя. Это было непросто — Ленин упорно не желал считаться с запрещением работать. Как только он нарушал этот запрет, ему тут же становилось хуже, но он все равно с упрямством ребенка пренебрегал предписаниями врачей. 16 декабря с ним случился частичный паралич. Тогда пришлось апеллировать к последнему средству — партийной дисциплине. 18 декабря Пленум ЦК принял решение: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки». Иосиф предпочел бы, чтобы это поручение дали кому-нибудь другому — но кому? Это была и сама по себе малоприятная обязанность, и, что еще хуже, роль «тюремщика», учитывая ленинское упрямство и раздражительность, неизбежно вела к еще большему ухудшению отношений. Но все вышло еще хуже, чем можно было ожидать...

Сестра Ленина Мария Ильинична, которая все время была при нем, вспоминала: «Врачи настаивали, чтобы В.И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В.И. не рассказала чего-либо Н.К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться... И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н.К. с В.И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н.К. этот

разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.»).

На самом деле все было немножко не так, и нарушение режима было гораздо серьезнее. Несмотря на запрещение врачей, Крупская разрешила Ленину продиктовать письмо Троцкому. Поэтому-то Сталин так и расвирепел — ведь если Ленин написал письмо, значит, его постоянно информировали о происходящем в стране. Что она делает, она ведь знает, что для него это смерти подобно! Едва узнав об этом, он снял телефонную трубку. Надо было остыть, но иногда и Сталин терял выдержку. Он позвонил Крупской и поговорил с ней очень сурово.

На следующий день она написала жалобу, адресовав ее Каменеву: «Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все тридцать лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова... Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву. — *Е.П.*), как более близким товарищам В.И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз... Я тоже живая, и нервы у меня напряжены до крайности». Так Сталин приобрел себе в ближайшем окружении Ленина врага.

Когда доходило до оценок людей, Ленин обычно советовался с женой, а в январе 1923 года ему и не с кем было больше посоветоваться. И стоит ли удивляться, что вскоре появилось то самое письмо Ленина, где говорилось: «...Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». В том-то и хитрость этого письма, что Сталин если и бывал грубым, то только по отношению к ближайшим товарищам, к своим, но он был всегда предельно выдержан и деликатен с посторонними и подчиненными. Но Ильич горел желанием отомстить за «предательство» — и отомстил!

Но и это еще не все. В марте Ленин узнал от жены подробности декабрьского инцидента. Крупская и Сталин к тому времени давно помирились, да и дело само по себе не стоило выеденного яйца.

Но во время болезни все дурные качества ленинского характера, которые он, будучи здоровым, умел подавить, вышли наружу — раздражительность, злопамятность, жестокость, — а он был жесток, этого не отрицают даже соратники. Узнав о ссоре, Ленин выходит из себя и пишет Сталину письмо. Хорошее отношение к Иосифу давно переросло в откровенную враждебность, и теперь он, стараясь ударить побольнее, начинает письмо с холодно-презрительного «уважаемый»: «Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения». Копии письма он отправил Зиновьеву и Каменеву. Это был второй жестокий удар от одного из самых близких Иосифу людей.

Володичева, секретарь Ленина, передала письмо из рук в руки. Сталин прочел его сразу же. Лучше бы он сделал это без свидетелей, но Иосиф не ждал такого жестокого и несправедливого удара. Теперь он понял отношение Ленина — еще как понял! Но на него смотрел посторонний человек, и лицо Иосифа было, как обычно, непроницаемым. Он помолчал некоторое время, чтобы прийти в себя, и сказал — очень медленно, слово за словом: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». Помолчал еще и продолжил: «Я не медик, я — политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. (И не вмешивался! — *Е.П.*) А

Крупская — член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость».

Он действительно извинился. 7 марта Сталин пишет: «Т. Ленин! Недель пять назад я имел беседу с т. Надеждой Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: „Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказываетесь, нарушаете этот режим, нельзя играть жизнью Ильича“ и пр. Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое против Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считаю своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть».

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят».

Эта история стала широко известна в партийной верхушке. Копии ленинского письма были отправлены Зиновьеву и Каменеву, которые, конечно же, молчать не стали. Уже значительно позже он горько жаловался Кагановичу: «А что я тут могу сделать? Мне Политбюро поручило следить за тем, чтоб его не загружать, чтоб выполнять указания врачей, не давать ему бумаги, не давать ему газет, а что я мог — нарушить решение Политбюро? Я же не мог! А на меня нападают».

...Но прошло всего десять дней, и он снова понадобился в Горках. Крупская уже не просила, а настаивала, чтобы он отравил Ленина. Ильич требовал яду, Надежда Константиновна пробовала дать его сама, но не смогла. Она не смогла, а он сможет? Он написал Зиновьеву и Каменеву, изложив суть разговора, и потребовал вынести вопрос на Политбюро. Затем взял лист чистой бумаги и сел писать членам Политбюро:

«В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном „просьбу Вл. Ильича Сталину“ о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич „переживает невероятные страдания“, что „дальше жить так невыносимо“, и упорно настаивала „не отказывать Ильичу в его просьбе“. Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал „согласия Сталина“), я не счел возможным ответить отказом, заявив: „Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование“. В. Ильич действительно успокоился...»

И тут Иосиф вспомнил пленум и вдруг понял, что он может получить еще одно партийное поручение. Он ведь «самый жестокий человек в партии» и, безусловно, самый исполнительный. Нет! Это они пусть делают сами, пусть это делает кто хочет, но не он! И он продолжил:

«Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК». Может быть, он и стальной, однако и у стали есть свой предел прочности.

И вот они собрались. Иосиф, изо всех сил стараясь, чтобы невероятное внутреннее напряжение не вышло наружу, изложил товарищам суть дела. Он не сознавал, что на лице у него жуткой маской застыла его обычная полуулыбка, он едва ли вообще отдавал себе отчет, как он выглядит в этот момент. Он понимал, что если Политбюро уважит просьбу Ленина, это будет правильно, но знал, что они не посмеют. Это можно было бы сделать, если бы существовало однозначное заключение врачей о том, что улучшений в положении больного не наступит, но какой врач осмелится дать такое заключение? Нет, все правильно понимали

ситуацию и без всяких врачей, но кто-то должен был взять на себя ответственность. Если бы он взял на себя ответственность за этот шаг, то, пожалуй, с ним бы согласились, но он устранился, и они не посмели.

...Но Ленин ему так и не простил.

В последней попытке восстановить отношения он обратился к Марии Ильиничне. Она вспоминает: «Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В.И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид. „Я сегодня всю ночь не спал, — сказал он мне. — За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь“. Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В.И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин». «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись».

Так закончились эти отношения, начавшиеся за двадцать лет до того с письма, посланного в Сибирь. Все эти двадцать лет Ленин оставался верен себе, и Сталин оставался верен себе, и последние месяцы ничего для него не изменили. Он с большим трудом менял раз сложившееся отношение к людям — по крайней мере, хорошее отношение, и не считал необходимым платить Ильичу той же монетой. «Больной человек, что с него взять!» — оправдывал он Ильича.

При жизни Ленина Иосиф все время настойчиво выдвигал его на первое место, а после смерти он создал культ Ленина. Это, как и все другое, что он делал, Иосиф сделал хорошо. Культ Ленина жив до сих пор, намного пережив культ Сталина, созданный руками любящими, но менее умелыми. Правда, он не избавил Ленина от страшной участи живого мертвеца, выставленного напоказ на Красной площади, но, с другой стороны, был ли в этом смысл? Ленин был таким яростным атеистом и так ненавидел церковь, что едва ли это что-либо изменило бы в его посмертной судьбе...

От Второго к Первому

После смерти Ленина Сталин естественным образом стал главой государства. Ему не надо было бороться за власть, не надо было даже прикладывать какие-то усилия — это вышло само собой.

В начале 20-х годов страной управляло Политбюро. Это был очень специфичный орган. Состоял он из пяти человек, поименно: Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев и Каменев. (Были и «запасные» члены, замещавшие отсутствующих, — Молотов, Калинин, Бухарин.) Трудно было подобрать компанию, более неподходящую для совместной работы.

Троцкий был человеком, имевшим «я» первой буквой алфавита. Он всегда был против всех. При этом на страну ему было глубочайшим образом наплевать, он заботился только о мировой революции, да и в ней интересовался лишь своей собственной ролью.

Очень показательна в смысле характеристики Троцкого как государственного деятеля история, случившаяся летом 1919 года. Деникинская армия наступала, положение было отчаянным. И вот в самый тяжелый момент Троцкий бросил фронт, заявив, что голодные и раздетые бойцы сражаться не могут, и представил Совету обороны план подготовки наступления на... Индию. Мол, поражение все равно неизбежно, поэтому надо думать о будущем и начать все сначала на новом плацдарме. Он предложил сформировать корпус из 30—40 тысяч всадников, перевести Маркса на туземные языки и двигать мировую революцию в Азию. И все это на полном серьезе.

Однако Ленин испытывал непонятную слабость к Троцкому, хотя врагов у Льва Давидовича, при его милейшем характере, было предостаточно, и не так уж трудно было

убрать его с поста наркомвоена, а потом и из Политбюро. В оправдание своей позиции он все время говорил о возможном расколе в партии — либо Ильич лукавил, либо действительно плохо разбирался в людях.

Зиновьев с Каменевым были людьми более мирными, но безынициативными и панически боявшимися любой ответственности. Ленин — работоспособен, но очень скоро сошел со сцены. Бухарин — из того же теста, что и Зиновьев с Каменевым, и притом невероятно говорлив, до такой степени, что язвительный Троцкий дал ему кличку Коля Балаболкин. Молотов — человек надежный, но не более чем исполнитель. Ну и кто остается?

Сталин был, в общем-то, в радикально-революционной партии человеком чужим. Он был по духу не разрушителем-большевиком, как вся эта компания, а созидателем, с большим удовольствием занимался государственным управлением и не имел ни малейшего желания отрываться от него даже во имя «мировой революции». И он не собирался уступать свое положение фактического главы государства. В общем-то, он любил быть первым, однако никогда не рвался к власти ради власти, и, если бы в большевистских верхах был еще хотя бы один дееспособный человек... Но не было в большевистских верхах никого способного стать во главе государства, так что и выбора не было. Не Троцкого же, в самом деле, — то есть можно, конечно, и Троцкого, вот только страну жалко...

...Пока был жив Ленин, присутствие признанного лидера кое-как консолидировало эту компанию, и то ценой бесконечных свар. Но как только он заболел и отошел от дел, власть сразу забуксовала. Троцкий, приходя на заседания Политбюро, демонстративно читал английский или французский роман — вот, мол, какой я образованный! — или едко критиковал то, что говорили другие. Зиновьев с Каменевым раскола не вносили, но и толку от них немного. Сталин — мрачен и завален работой. Но, пока за столом незримо присутствовала тень Ильича, можно было делать вид, что все идет как идет. Момент принятия решения наступил только после смерти Ленина.

Троцкий по-прежнему считал себя гениальнейшим из людей, самой судьбой предназначенным управлять страной, но у партии на этот счет было иное мнение. Впрочем, первое сокрушительное поражение он потерпел еще при жизни Ленина, осенью 1923 года. Это был знаменательный год — когда самые смелые мечты «мировых революционеров», казалось, начали сбываться. Германию сотрясал жесточайший кризис, в котором Коминтерн увидел революционную ситуацию и радостно приступил к организации германской революции. Троцкий принимал в ее подготовке самое активное участие. 4 октября 1923 года Политбюро утвердило дату начала революции. И в том же октябре, в напряженнейшее время, когда все ожидали «революционной войны», в ЦК поступили письма Троцкого и 46 его сторонников с очередной порцией критики политики властей. В такой момент это выступление было расценено как предательство. Впрочем, этот бой «демон революции» проиграл вчистую: в поддержку ЦК выступили 98,7% членов партии. В дальнейшем наскоки Льва Давидовича продолжались, но были не более успешны. Остальные деятели партийной верхушки власти, а точнее, сопряженной с ней ответственности боялись как огня, и естественным образом главой государства стал единственный человек, ее не боявшийся. Стал не формально, а фактически. В Советской России в то время была правильная демократическая система власти, которая, как и положено, не работала, ибо работает правильная демократическая система только в том случае, если ею управляет кто-нибудь извне. В то время страной управляла партия во главе с Политбюро. Но на самом деле все было еще сложнее, ибо в Политбюро, согласно уставу, не было какого-то одного лидера и решения должны были приниматься коллегиально. Сумасшедший дом! И вот постепенно фактическим главой государства стал самый дееспособный и авторитетный из членов Политбюро, а таковым был Сталин. Соответственно, самым важным партийным постом стал считаться пост генерального секретаря, вокруг которого и разгорелась борьба. Не потому, что он был самым важным по уставу, а потому, что работа Сталина на этом посту сделала его таковым. Когда первым секретарем партии был Молотов, никому из верхушки даже в

голову не приходило оспаривать у него должность в секретариате.

В мае 1924 года съезд партии выдал Сталину мандат доверия, причем в очень сложной обстановке. Внезапно Сталин получил удар — со стороны к тому времени покойного Ленина. За пять дней до открытия XIII съезда Крупская передала в ЦК так называемое «Письмо к съезду». Доказательств подлинности этого документа не было, само письмо представляло собой машинописный экземпляр, даже не подписанный Ильичем, но с Крупской спорить не стали и «Письмо» на съезде огласили. Так вот: предложение Ленина заменить генсека съезд не стал даже обсуждать.

Итак, Иосиф держал в руках руль управления партией, а партия контролировала все в стране. Значит, он стал главой государства. И несмотря на то, что он всячески избегал демонстрировать свое положение первого лица, он никого не мог обмануть и, будучи умным человеком, не мог обманываться сам.

Казалось бы, совсем небольшое продвижение наверх — от второго к первому, но разница оказалась колоссальной. Огромная тяжесть ответственности за страну опустилась ему на плечи. Ленин не ощущал ее так тяжело. Он был азартен, он был во многом игрок, до самого конца власть для него была авантюрой, и он не ощущал такой ответственности, а Сталин — тот иначе не мог. Ленину важна была идея, Сталину — страна. И относился он к этой ноше именно как к ноше, как к тяжелому грузу. Позднее, в 30-е годы, он в письме к матери написал всего одну фразу, но такую, что стоит любых деклараций. «Долю свою я выдержу». И то верно: Бог не по силам креста не дает, а значит, можно выдержать и это...

...Итак, шесть лет он вплотную занимается управлением государством. И за эти шесть лет он заметил много такого, о чем лучше бы не думать, когда ты — первое лицо в стране. Но он не мог не видеть, что большинство его старых товарищей элементарно непригодны для мирной жизни и созидательного труда. Сначала он наивно думал, что тот переход от разрушения к созиданию, который ему дался так легко и естественно, будет столь же нетруден и для других. Но со временем он все больше и больше убеждался, что это не так.

С Троцким все ясно, и можно заранее предсказать, как он будет действовать. Да, авторитет у него все еще высок, но не надо его бояться, Ильич был в этом не прав, Троцкий не внесет раскола, надо лишь не мешать ему, и он преуспешнейшим образом высечет сам себя. Может быть, Ленин и не понимал в людях, но Иосиф в них понимал! Но как поведут себя остальные?

Реакции остальных не пришлось долго ждать. Уже в августе 1924 года Сталин сам подал в отставку. О причине он сказал честно: невозможность совместной работы с Зиновьевым и Каменевым. Нет, речь шла не о каких-то разных путях развития страны, ибо ничего конструктивного они не предлагали, власти боялись, как огня, зато постоянно критиковали Сталина. Летом им не понравились некоторые назначения, они послали генсеку письмо с упреками. В ответ тот написал: «С жиру беситесь, друзья мои... а я здесь лямку тяну». В этих словах была самая грубая правда, поскольку Сталин был в Москве, а авторы письма отдыхали в Кисловодске.

Вскоре они родили еще одну идею. Как-то раз на прогулке в горах они, совместно с Лашевичем и Евдокимовым, пришли к выводу, что надо создать новый партийный секретариат, в котором присутствовали бы все три направления: Троцкий, Сталин и кто-нибудь из «умеренных» — Каменев, Зиновьев или Бухарин. Идея не понравилась ни Сталину, ни Троцкому, хотя и по разным причинам. Тогда-то Сталин и заявил, что, если он им не нравится, он готов уйти с места генсека без шума — справляйтесь сами! Но этого оппозиционерам не хотелось — нет, справляться должен Сталин, а они будут его критиковать.

Чем дальше, тем было понятнее, что с этой публикой каши не сварить. Сталин потихоньку подбирал себе команду, присматривался — кто из его окружения способен к конструктивной работе. Кое-кого он нашел, но в целом кадровая проблема так и не была решена. Недаром через несколько лет у него вырвался крик души: «Кадры решают все!»

Но все равно это было тяжело и больно — видеть, как люди, знакомые ему еще по

дореволюционной работе, те, с кем переписывались в четырнадцатом году, брали власть в семнадцатом и воевали в Гражданскую, оказываются по другую сторону баррикады. И ведь баррикада-то искусственная! Теоретические измышления оппозиции оказывались самыми разнообразными, единственное, на чем они сходились, — так это на том, что надо убрать Сталина. Он бы и ушел, может быть, но ведь дай им власть, и это будет еще одно Временное правительство, которое утопит работу в бесконечных дискуссиях, завалит все, что можно, и... отправится в Женеву, обсуждать причины поражения, чего им, похоже, подсознательно и хотелось. Этого он позволить не мог. Да если бы и захотел, у тех, кто внизу, глаза и головы были на месте, и партия не принимала никаких его просьб об отставке. Ритуальными они были или искренними, это неизвестно, но известно, что ни одна не была принята.

Между тем разрозненная оппозиция постепенно объединялась. Сначала Зиновьев и Каменев враждовали с Троцким, но в 1925 году заклятые враги внезапно выступили вместе. Однако у них опять ничего не вышло. Съезд терпеливо выслушал двухчасовую речь Каменева, но, как только в конце этой речи он произнес: «Товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!», зал ответил хохотом и выкриками: «Вот оно в чем дело!» Сталину не нужно было даже бороться с ними — это прекрасно делали сами партийные массы, которым надоели митинги. Революция победила, чего же еще хотеть?

Да и далеко было ораторам оппозиции до Сталина. Они оттачивали свое искусство в теоретических диспутах: обоснование, доказательство, вывод. Массы не интересовались теорией, да и слишком сложны были для них все эти построения. Другое дело Сталин, который говорил очень просто и, кроме того, получал от этих боев явное удовольствие и умел доставить это удовольствие другим.

О Радеке, язвительном ораторе, он говорил: «Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это — люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это — люди необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит Радек. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиняться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, что и когда сболтнет язык...»

О Каменеве: «Каменев взял на себя труд доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России... Каменев взял на себя этот сомнительный труд для того, чтобы прочистить, таким образом, путь Троцкому... Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого, прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у Троцкого не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь...» Таким образом, в конце этого пассажа о каменевских теориях уже никто не вспоминал.

О Зиновьеве: «Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле, и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле... Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать уши к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых „мелочей“. Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту „мелочь“, что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели... Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши!»

Дискуссии продолжались до 1927 года, пока наконец это развлечение не надоело самим партийцам. Люди ведь не слепые, они ясно видели, что вся эта оппозиционная публика просто мешает правительству работать, другой функции у нее нет. И тогда им дали бой. На

дискуссиях после очередного выступления оппозиции ее представителям просто не давали выступать. Даже Троцкого рабочая аудитория прогоняла с трибуны нескончаемым ревом. В Москве и Ленинграде из 87 тысяч присутствовавших на собраниях за оппозицию проголосовали 496 человек. Поражение было полным, оппозицию просто смели со сцены.

Но оппозиция не сдалась. Старые революционеры, потеряв трибуну, естественным образом перешли к нелегальным методам борьбы. После 1927 года в СССР де-факто возникла вторая партия, которая прошла весь путь первой — от пропаганды через подпольные организации к попытке захвата власти. Дело было знакомое, привычное.

В принципе, их можно было арестовывать уже в 1927 году. Но Сталин превыше всего ставил единство старых товарищей. Он не переставал надеяться, что те одумаются. Оппозиционеров исключали из партии и снова восстанавливали, сажали, высылали и тут же амнистировали. Сталин все-таки до конца надеялся на их лояльность, пока ребята из НКВД не сообразили, что упорство оппозиции можно неплохо использовать для собственной карьеры... но это было уже значительно позже.

Итак, с угрозой оппозиции, казалось, было покончено. Но на повестке дня уже стояла продовольственная проблема, а за ней коллективизация. Разваленная промышленность требовала восстановления. Наконец, и люди не могли бесконечно жить по карточкам. Все это надо было решать. Жизнь не давала передышки, и постепенно Иосиф учился управлять государством — на ощупь, делая ошибку за ошибкой, исправляя их и делая новые. Конечная цель — государство всеобщей справедливости — давно уже потерялась за насущными проблемами восстановления разрушенной войнами страны, которой надо было обеспечить хлеб, мир и процветание. И все чаще вспоминались слова Достоевского: «Все предусмотрели господа социалисты, а натуру человеческую недоучли»...

Дом

...В эти годы в жизни Иосифа произошла еще одна, очень важная перемена. Впервые, с тех пор как он 14-летним подростком уехал из Гори, у него появился дом. Он ценил это приобретение, как только может ценить его сорокалетний человек, двадцать лет скитавшийся по чужим углам. Поэтому-то он и боролся так отчаянно со своей молодой женой — ей, только что вылетевшей из теплого родительского гнезда, хотелось работы, общественной активности, она не понимала и не могла понять, что это значит — двадцать лет по чужим углам. Иосиф мог выполнить общественные обязанности и за себя, и за нее — в обмен на то, чтобы приходило не в казенную квартиру, а домой. Надежда побунтовала, побунтовала и смирилась, не ей было противиться этой стальной воле. Тем более что дела жизни у нее не было, и даже профессии не было, так, одно стремление к эмансипации.

Нельзя сказать, чтобы обязанности хозяйки были так уж неподъемно тяжелы. Сам Сталин в личной жизни всегда был скромнее до аскетизма — даже став главой государства, он по-прежнему не имел лишней рубашки или лишней пары обуви. В Гражданскую он раз и навсегда решил для себя проблему одежды, выбрав военную форму и сапоги, и только в летнюю жару на отдыхе позволял себе полотняный костюм. Но от жены он не требовал аскетизма, только косметики и духов терпеть не мог, говорил: «Зачем это? Для меня ты и так хороша!» Сказывался нравственный аскетизм — даже не грузинский, а, скорее, простонародный: красятся лишь определенные женщины и с определенной целью.

Некоторое время Надежда сама вела их небольшое хозяйство, затем в доме стала появляться прислуга: сначала кухарка, потом няня для детей, учительница, домоправительница. Семья постепенно росла. В тот же год, когда родился Василий, Алеша Сванидзе привез в Москву Якова, старшего сына Иосифа, затем в доме появился маленький Артем, ровесник Васи, в 1926 году родилась Светлана. «Я очень жалею, что связала себя опять новыми семейными узами, — писала по этому поводу Надежда Марии Сванидзе. — В наше время это не очень легко, т. к. вообще страшно много новых предрассудков, и если ты не работаешь, то уже, конечно, „баба“...»

«Бабой» Надежда быть не хотела. Она все-таки пошла работать, сначала в редакцию какого-то журнала, потом начала учиться в Промышленной академии, выбрав профессию химика по искусственному волокну. Несмотря на занятость, она находила время на занятия музыкой и французским языком. Дети видели ее редко, даже пятилетняя Светлана разговаривала с матерью не каждый день, и обращалась она с ними сурово — куда больше нотаций, чем ласки. С Василием она была мягче, со Светланой, которую обожал и баловал отец, строже.

Надежда тоже была очень скромна в том, что касалось одежды и поведения. Она сама шила себе одежду — только в последние годы брат Павел прислал ей из Берлина несколько хороших платьев. В академию ездила на трамвае, и никто из соучеников даже не знал, что она — жена Сталина.

Характер у Надежды Сергеевны оказался достаточно суровый. «Мама была скрытной и самолюбивой, — вспоминала Светлана. — Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее, как пружина, должны были, в конце концов, неминуемо кончиться взрывом, пружина должна была распрямиться со страшной силой».

Вспомним, как дети, прибежавшие поиграть к маленькому Сосо, боялись его отца Виссариона. Дети, появившиеся в доме Сталина, нисколько не боялись всемогущего главы государства, для них он был просто родственник и папа Светланы и Василия. Кира Политковская-Аллилуева вспоминала: «Когда меня спрашивают, боялась ли я Сталина, то я всегда отвечаю — нет! Его я не боялась. Я боялась Надежды Сергеевны. Она замораживала, казалась строгой, скрытной. Лицо неприветливое, настороженное».

Иосиф с ее характером справлялся, хотя порой ему приходилось трудно. Но они очень любили друг друга... и очень друг друга ревновали. Ну, Иосиф, восточный человек, — это понятно... Но и Надежда ревновала его безумно, по всякой мелочи и к кому угодно. «Цыганская кровь», — сказал про нее как-то Молотов. Но, насколько известно, Иосиф ни разу не дал повода упрекнуть себя в неверности. Выдумки досужих сочинителей и мемуары Хрущева не в счет, хрущевская фантазия — фейерверк, на каплю правды ведро выдумки.

...В 20-е годы быт семьи был прост. Иосиф любил свой дом и старался, когда была возможность, почаще бывать дома, а поскольку напряженнейшая работа не оставляла ему свободного времени, то он приходил вместе с товарищами, и они устраивали неофициальное заседание Политбюро за тем же столом, за которым обычно обедали. На этом же столе стояла кастрюля со щами и тарелки — кто хотел есть, наливал себе и, «не отходя от производства», обедал. В прихожей стояла кадка с солеными огурцами — хозяин дома вообще любил простую пищу: щи, вареную картошку, огурцы... Дети радовались, когда дома были гости, — можно вкусно поесть. Повариха Матрена ругала Иосифа, что не вовремя ест, поздно ложится спать. Иной раз маленькая Светланка, за что-нибудь рассердившись на отца, говорила, что будет на него жаловаться. «Кому же ты будешь жаловаться?» — спрашивал тот. «Повару!» Повар с тех самых пор был грозной фигурой — кто еще, кроме Матрены, повышал голос на Сталина?

Вскоре у них появилась и дача — бывший дом бакинского нефтепромышленника Зубалова, он так и назывался — Зубалово, по имени бывшего владельца. В те дни, когда он выбирался на дачу, Иосиф занимался домом, как любимой игрушкой. Лес вокруг дома расчистили, сад засадили фруктовыми деревьями, ягодными кустами, развели домашнюю птицу, и не каких-нибудь там банальных кур, а фазанов, цесарок, индюшек, устроили пасеку, в крохотном пруду завели уток. Хозяин дома по мере сил принимал во всем этом самое деятельное участие. Надежда не очень интересовалась хозяйством, разве что развела сирень и жасмин возле дома.

Как бы ни относилась мать Надежды к зятю, однако старшие Аллилуевы тоже жили в Зубалово. Светлана вспоминает, что дедушка называл отца на «ты», бабушка — на «вы», а он обращался к ним очень почтительно. Приезжали и другие родственники — Анна Сергеевна с мужем, братья с женами, с детьми.

В Зубалово, как и в кремлевской квартире, не переводились гости — вне работы Иосиф был общительным и веселым человеком. Наконец-то он мог позволить себе приглашать гостей! Особенно он любил петь песни — русские, украинские. Пели вместе, любили петь и квартетом, на четыре голоса — Сталин, Михайлов, Ворошилов и Молотов. У Сталина был второй тенор. Он был очень музыкален, имел отличный слух и хороший, чистый голос — не зря же еще в училище считался одним из первых по церковному пению...

Одним из неизменных членов этой компании был Молотов. Как-то Феликс Чуев его спросил:

« — Какой Сталин был в общении?

— Простой, очень, очень хороший, компанейский человек. Был хороший товарищ. Его я знаю хорошо.

— Шампанское любил?

— Да, он шампанское любил. Это его любимое вино. Он с шампанского начинал... Он мало пил вино, предпочитал коньяк понемногу. С чаем...

...Сталин много не пил, а других втягивал здорово. Видимо, считал нужным проверить людей, чтоб немножко свободней говорили. А сам он любил выпить, но умеренно. Редко напивался, но бывало, бывало... Выпивши, был веселый, обязательно заводил патефон. Ставил всякие штуки. Много пластинок было. Во-первых, русские народные песни очень любил, потом некоторые комические вещи ставил, грузинские песни... очень хорошие пластинки»...

Дети от их брака с Надеждой были еще маленькие, зато Яков доставлял немало хлопот. Иосиф его совершенно не знал, и сын ему не очень-то нравился. Надежда, как могла, пыталась воспитывать пасынка, но неудивительно, что мачеха, которая была всего на семь лет старше, не имела особого авторитета в глазах подростка. С отцом отношения тоже складывались непросто. Иосифа сердило у сына, как писала Надежда свекрови, «отсутствие всякого интереса и всякой цели». Этого он ни в ком не терпел.

Светлане сводный брат нравился — может быть, в противовес родному, которого она не любила. «...Он был глубоко мирный человек, — пишет она. — Мягкий, немного медлительный, очень спокойный, но внутренне твердый и убежденный. Он был похож на отца миндалевидным, кавказским разрезом глаз, и больше ничем... Больше он походил на свою мать... Очевидно, и характер достался ему от нее — он не был ни честолюбив, ни властолюбив, ни резок, ни одержим. Не было в нем противоречивых качеств, взаимоисключающих стремлений, не было в нем и каких-либо блестящих способностей. Он был скромн, прост, очень трудолюбив и трудоспособен и очаровательно спокоен».

Яков очень рано женился — на однокласснице. Вскоре у них родилась девочка, которая умерла в раннем детстве. Иосиф не помогал сыну — раз ты женился, значит, считаешь себя мужчиной, а мужчина должен кормить семью. (Кстати, к Василию впоследствии он относился точно так же, а деньгами помогал лишь Светлане, в те периоды, когда та жила одна, без мужа.) Первый брак Якова был неудачным, он пытался даже застрелиться, но только ранил себя. Иосиф отнесся к его попытке презрительно: мол, даже застрелиться и то не сумел. Надежде он написал: «Передай Яше от меня, что он поступил как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет». Яков уехал в Ленинград, стал жить в семье Аллилуевых, затем, разойдясь с женой, поступил в Московский институт инженеров транспорта. После неудачного первого брака он долго не женился. Уже в середине 30-х годов в Урюпинске, у родственников Аллилуевых, он познакомился с Ольгой Голышевой, которая в январе 1936 года родила от него сына Евгения. Однако это была просто интрижка, он очень скоро забыл свою мимолетную любовь, и уже за месяц до рождения ребенка женился на другой женщине — Юлии Мельцер. Отец и от этого брака не пришел в восторг. Юля, на год старше Якова, была родом из Одессы, в молодости танцевала в кафешантане, была уже не то дважды, не то трижды, не то даже четыре раза замужем. Впрочем, как и в первый раз, Яков с отцом не советовался. В 1938 году у них родилась дочь Галина.

Яков в конце концов помирился с отцом, однако душевной близости между ними так и не возникло. Однако ни о какой ненависти или антагонизме речи не было, Яков до самой смерти глубоко уважал отца — другое дело, что люди они были уж очень разные...

...И все же, наверное, это было самое счастливое время в жизни Иосифа — несмотря на все семейные проблемы, на огромное количество работы, на напряжение борьбы. Конечно, в стране была хроническая чрезвычайная ситуация, да и дома не всегда было мирно и не все радовало, но это было хорошее время, потому что потом наступило плохое...

...Что там вышло с тем праздником, так толком и неизвестно. После демонстрации в честь 15-й годовщины Октябрьской революции все члены Политбюро с женами пошли ужинать к Ворошилову, у которого была большая квартира в Кремле. Надежда, против обыкновения, надела вечернее платье, одно из тех, что прислал брат из Германии, — черное, затканное розами, приколола к волосам чайную розу. Она явно была в хорошем настроении. Что-то потом произошло, но что? Рассказывают самые разные вещи. Вроде бы подвыпивший Сталин крикнул Надежде: «Эй ты, пей!», на что та ответила: «Я тебе не „эй“, встала и ушла. Или же он кинул в нее коркой апельсина, а может быть, сказал какую-то колкость. Вроде бы он бросил хлебный шарик в жену Егорова, и это можно было расценить как заигрывание. Инцидент был настолько мелким, что все рассказывают разное — никому ничего толком не запомнилось.

В общем, на что бы ни обиделась Надежда, но она встала и вышла из-за стола. Следом вышла ее подруга, жена Молотова Полина Жемчужина. Они долго ходили вместе, и Надежда жаловалась Полине на Иосифа. Та потом рассказала об этом разговоре мужу, и спустя много лет Молотов вспоминал: «Они гуляли по Кремлю, это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось. Про эту парикмахершу... Почему он вечером так заигрывал... А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее подействовало. Она очень ревновала его. Цыганская кровь...» Наверное, она ждала, что муж будет искать ее, утешать — и не дождалась, а это очень обидно...

Иосиф же не придавал особого значения случившейся размолвке — просто, вернувшись домой, лег спать. Обычно он работал до поздней ночи и поэтому вставал поздно. Рано утром Каролина Васильевна Тиль, экономка, которая будила Надежду по утрам, страшно перепуганная, прибежала в детскую звать няню. Надежда лежала возле кровати, в вечернем платье, вся в крови, в руке — крохотный дамский пистолетик «вальтер», который подарил ей брат Павел. Женщины положили ее на кровать и стали думать, что делать дальше. Разбудить Иосифа у них не хватило духу. Позвонили самым близким друзьям — Полине Жемчужиной, крестному Надежды Авелю Енукидзе. Потом пришли Молотов, Ворошилов. Наконец проснулся Иосиф, вышел в столовую, удивленно взглянул на собравшихся. «Иосиф, Нади больше нет с нами», — сказал ему кто-то из них...

Никакой записки, никакого объяснения Надежда не оставила. Почему она так поступила? У нее и всегда был неуравновешенный характер, а в то время она переживала еще и какой-то душевный кризис. «Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время», — говорил Молотов. Есть свидетельства о том, что она была больна, что страдала депрессиями и головными болями, а в 1930 году даже ездила в Германию консультироваться у невропатологов. Врачи предписали ей полный покой и запретили работать, но как же можно без работы! Учеба изматывала, чтобы подбодрить себя, она принимала кофеин, о чем Иосифу не рассказывала, иначе с учебой было бы сразу покончено.

Как раз в то время у Надежды был приступ депрессии. К ней приехала в гости гимназическая подруга, и они разговаривали в комнате Светланы, а няня, конечно же, все слышала. Надежда все время повторяла, что все надоело, опостылело, ничто не радует. Подруга удивлялась: «Ну а дети?» «И дети тоже», — отвечала та.

Наконец, по линии матери у нее была плохая наследственность. Светлана в своей книге упоминает, что у сестер ее бабушки была склонность к шизофрении. Впоследствии заболела психически сестра Надежды Анна, еще в молодости сошел с ума их брат Федор. Так что не все так просто — муж обидел, жена застрелилась...

...С Иосифом творилось такое, что его боялись оставлять одного. Он говорил, что не хочет больше жить. Главное, он не мог понять — почему? За что? «Разве я не любил и не уважал ее? — спрашивал он семейных. — Неужели так важно, что я не мог пойти с ней лишней раз в театр, в кино? Неужели это важно?»

Семейная легенда Аллилуевых гласит, что на гражданской панихиде Иосиф оттолкнул от себя гроб и проговорил: «Она ушла, как враг!» Выходя из зала и заметив Авеля Енукидзе, он сказал: «Ты ее крестил, ты ее и хорони», — и на похороны не пошел. Но это легенда. Молотов, на правах близкого человека, все эти дни был рядом со Сталиным, и он рассказывал иное. «Помню хорошо. Сталин подошел к гробу в момент прощания перед похоронами — слезы на глазах. И сказал очень так грустно: „Не уберег“. Я это слышал и это запомнил: „Не уберег“. И на похоронах он был, как положено...

Сильная натура переборола горе, но от этого удара Иосиф так и не оправился. Часто по ночам, когда никто его не видел, приезжал на могилу, долго сидел в беседке, курил, о чем-то думал... Уже через достаточно большой срок, в мае 1935 года, когда семья как-то раз собралась вместе, Иосиф в разговоре сказал: «Как это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться?.. Очень она плохо сделала, она искалечила меня». Сашико вставила реплику — как она могла оставить детей? «Что дети, они забыли ее через несколько дней, а она меня искалечила на всю жизнь!»...

...После смерти жены Иосиф сменил квартиру в Кремле — жить на старой было выше его сил. Но и в новой он прожил недолго, а начал строить дачу в Кунцево, куда и переехал в 1934 году. Теперь он приезжал в кремлевскую квартиру только обедать, и то потому, что там оставались дети, а жил на «ближней» даче. Это был одноэтажный дом из семи комнат. Вокруг дачи рос густой еловый лес, но тихо там не было — неподалеку пролегало шоссе, с другой стороны — Киевская товарная станция, с третьей — деревня с гармошками, песнями и сочным вечерним матерком.

Несмотря на то что в доме было семь комнат, Иосиф все равно, по старой привычке, жил в одной. В ней стоял стол, заваленный бумагами, книгами, газетами. Тут же он спал на диване. На краешке этого же большого стола ел, если не было гостей. Стены украшали репродукции из «Огонька». Едва ли не то что у глав других государств, но даже у секретарей их секретарей были такие неказистые резиденции.

Позднее к даче пристроили второй этаж, но туда никогда никто не заходил. Гостей он принимал в зале, где стоял большой стол, кресла и диваны: диваны вообще были слабостью Сталина — восточный человек! Сад был ухожен, всюду расставлены беседки, где он в хорошую погоду работал и даже принимал гостей. Но роскоши на даче никакой не водилось, кроме зала, однако зал был не жилым, а скорее присутственным помещением, поскольку обеды у Сталина по-прежнему были неофициальными заседаниями Политбюро.

Эта непритязательная резиденция и стала его домом на ближайшие двадцать лет. В кремлевской квартире оставались дети...

...Дети не забыли мать, как говорил Иосиф. Светлана была слишком мала, она не осознала утраты, почувствовав только, что дом развалился. Собственно, воспитывала ее няня, мать девочка видела редко, а няня осталась при ней. А вот с Василием творилось неладное. Он очень любил мать и тяжело воспринял потерю, тем более что отец обожал и ласкал дочь, а с сыновьями обращался сурово. Смерть Надежды надломил его, мальчик озлобился, вымещая свою утрату на всем мире и, ожесточенный несчастьем, стал совершенно неуправляемым. Единственный человек, который имел для него значение, был отец, но у Иосифа не было времени заниматься воспитанием детей. Светлану воспитывала няня, а Василия — охрана.

«Тов. Ефимов! — пишет Сталин в сентябре 1933 года коменданту дачи в Зубалово. — Няня и Светлана вернулись в Москву. Светлану надо немедленно определить в школу, иначе она одичает вконец. Прошу вас и Паукера устроить ее в школу. Посоветуйтесь оба с няней, Каролиной Васильевной, и определите, в какую школу устроить... Следите хорошенько, чтобы Вася не безобразничал. Не давайте волю Васе и будьте с ним строги. Если Вася не

будет слушаться няни или будет ее обижать, возьмите его в шоры... Держите Васю подальше от Анны Сергеевны (Аллилуевой. — *Е.П.*), она развращает его вредными и опасными уступками».

Охранник Паукер нашел для Василия новую школу, лучше старой, а для Светланы — учительницу. Комендант Ефимов давал подробные отчеты Власику о его успеваемости и поведении (после смерти Надежды на плечи начальника охраны легли все бытовые заботы), тот информирует Сталина. Почему-то в письмах ничего не говорится об Артеме, то ли он в то время жил с матерью, то ли был совершенно беспроблемным ребенком.

В 1935 году Мария Сванидзе записывала в дневнике: «За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. Иосиф дал ему 2 мес. на исправление и пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание троих вместо него способных парней... Конечно, Васю надо привести в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека, и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности. Обоих он считает холодными, ни к кому не привязанными, преступно скоро забывшими мать. Очень неровными в отношении их окружающих...»

Василий действительно тихим и послушным был только при отце. Без него он вел себя как настоящий «советский принц», а окружающие всячески ему потакали: родственники жалели сироту, в школе он был неприкосновенен. Один только раз молодой учитель решился написать Сталину и получил в ответ письмо.

«Преподавателю т. Мартышину.

Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо. Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения. Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок («тип скифа!»), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких (руководителей), нередко нахал, со слабой, или вернее — неорганизованной волей.

Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку.

Мой совет: требовать поостроже от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

Привет! И. Сталин».

Возмущенный поведением сына, Иосиф демонстративно отдалился от Василия — для мальчика это было худшим наказанием. Вскоре тот же педагог пишет: «Прошу извинить за навязчивость, но я не могу скрыть от Вас одного наблюдения, а именно: Василий болезненно переживает ту неприятность, которую он Вам причинил, Вам, которого он искренне любит и к которому его влечет. Однажды в разговоре со мной о его самочувствии Василий заявил мне, что готов сделать все, чтобы восстановить Ваше доверие, чтобы быть ближе к Вам».

Со Светланой все было несколько иначе. Если с Яковом и Василием Иосиф был строг, как мужчина с мужчинами, то к девочке он относился очень нежно. «Отец меня вечно носил на руках, — вспоминала Светлана, — любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами — „воробушка“, „мушка“. Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил... Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников — он не переносил детского плача и крика. Мама же была неумолима и

сердилась на него за „баловство“.

Сохранилась переписка Иосифа с дочерью. У них была игра: он был «секретаришка», а она — «Сетанка-хозяйка», писала ему «приказы». «Приказываю взять меня в кино!» Раз приказано — надо выполнять...

Они писали друг другу трогательные нежные письма. «Сетанке-хозяйке. Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твоё здоровье? Не хвораешь ли? Напиши, как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Не хорошо, ты обижаешь папку».

Потом, уже когда он переехал в Кунцево, то все равно продолжал обедать в кремлевской квартире — из-за Светланы. Он приходил, звал ее: «Хозяйка!» Девочка мчалась в столовую, садилась справа от отца и сидела, пока не начинали слипаться глаза, поскольку эти трапезы только назывались обедами, а на самом деле по времени скорее тянули на ужины. Сидели за столом долго, были гости, за обедом, по традиции, решалось множество дел, так что и Светлана была некоторым образом причастна к управлению государством. Когда глаза уже совсем закрывались, она шла спать. Перед тем как уехать на дачу, отец всегда заходил поцеловать дочку.

В сущности, дома у детей не было. Сталин после смерти Надежды так и не женился, сам он тоже, конечно, воспитателем не был. Девочку воспитывали няня, домоправительница, учительница, Василия — охранники, шоферы кремлевского гаража, где он пропадал в свободное время. Но тут уж ничего не поделаешь, отец не имел возможности не то что посвятить себя детям, а даже уделять им самое минимальное внимание. «Он был плохим, невнимательным сыном, мужем и отцом», — напишет позднее Светлана. А как могло быть иначе? Слишком огромная ноша лежала на его плечах...

Вечный большевизм

Чтобы понять, какая ноша лежала на плечах Иосифа, что означало в то время быть правителем Страны Советов, надо хотя бы приблизительно обрисовать ее положение и те проблемы, которые стояли перед правительством СССР. Положение было совершенно невозможным. Проблемы представляли собой запутанный клубок, в котором, если потянуть за одну нить, остальные только больше запутывались. Пожалуй, в то время не было ни одной области государственной жизни, про которую можно было бы сказать: здесь у нас все в порядке.

О состоянии промышленности после окончания Гражданской войны мы уже писали: в 1923 году она давала около 10 процентов от довоенного уровня. Нэп ни в коей мере этой проблемы не решал — свобода торговли и мелкое кустарное производство создавали лишь видимость улучшения по сравнению с абсолютной нищетой Гражданской войны. Нэп играл роль клапана, выпускающего излишек недовольства населения, не более того. А промышленность по-прежнему лежала в развалинах и поднималась медленно и трудно.

В 90-е годы много писали о том, как злодеи-большевики вывозили за границу ценности и национальное достояние, вплоть до золота и произведений искусства. Это действительно так. Но, за исключением определенного процента, который шел на воровство (определенный процент на воровство шел даже в блокадном Ленинграде — это природа человеческая, от которой не уйдешь), — так вот, за исключением определенного процента на воровство вырученные средства шли на приобретение за границей промышленных товаров. Даже «лампочки Ильича» и те ввозились в то время из Германии. А импорт — вещь очень опасная, поскольку не только истощает государство, но и крайне чутко реагирует на международные отношения. Надо было поднимать свою промышленность, но на это не было средств и, что не менее важно, не было людей. А людей не было, потому что 80% населения страны работали в предельно отсталом, почти на уровне Московского княжества, сельском хозяйстве. И что делать с этим сельским хозяйством, не знал никто.

Сельское хозяйство, кроме того, что было отсталым, еще и находилось в глубочайшем

кризисе. Кризис этот возник не по вине большевиков, он достался им в наследство от царской России, да и в самой России он созрел лет пятьдесят, не меньше, если не сто пятьдесят, и никто не решался к нему подступиться. Столыпин попытался было, да не вышло, не успел. Крестьянское хозяйство было мелким и низкопроизводительным, пресловутый «мужичок-кормилец» кормил в основном себя, почти не поставляя зерна на рынок. Надо было любой ценой, и срочно, создавать крупные высокопроизводительные хозяйства, а излишек людей направить в промышленность, только в этом случае можно было говорить о возможности выживания страны. Первоначально, по наивности и неопытности, правительство предполагало, что все получится само собой, путем естественного развития кооперации, однако естественное течение событий разворачивало лодку совсем в другую сторону, в сторону формирования мощного спекулятивного лобби держателей хлеба. Тут нужно было какое-то совершенно новое решение — но какое?

Международное положение тоже не радовало. Еще Александр III говорил: «У России друзей нет». Еще меньше друзей было у Советского Союза. Дружественной страной в 20-е годы можно было считать разве что Германию. Крайне враждебно была настроена Польша, в 1927 году произошло резкое похолодание отношений с Англией и с Китаем, примерно в то же время Япония провозгласила новый внешнеполитический курс, в котором почти открыто были заявлены претензии на Дальний Восток. В 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, ну, а его планы в отношении России были хорошо известны. Земли у нас много, вот в чем беда!

Отношение большинства других стран, не посягавших на русские земли, находилось в диапазоне между явной враждебностью и осторожной отстраненностью. Все попытки заключить какие бы то ни было соглашения о совместной обороне неизменно проваливались. Между тем не было никаких сомнений в том, что следует ожидать новой войны, вопрос был только в том, когда ее ждать и откуда. То ли в 1927 году нападут сопредельные государства-лимитрофы, науськанные Англией, то ли через год-два — Япония, захватив в свою орбиту полумарионеточный Китай, то ли Польша объединится с Германией и ударит с запада. Между тем армия и оборонная промышленность находились в зачаточном состоянии. Для того чтобы поднять армию, нужна была гонка вооружений, для этого требовалась срочная индустриализация, для индустриализации нужны были средства и в первую очередь люди, а для этого нужно было решить проблему сельского хозяйства, а как решить проблему сельского хозяйства, не знал никто.

Все это сформулировано постфактум и совершенно не означает, что советское правительство видело сразу все эти проблемы и знало пути их решения. Каждая глобальная проблема состояла из многих мелких, они возникали постепенно и решались по мере возникновения, иногда относительно безболезненно, как разгром оппозиции, иногда очень болезненно, как, скажем, коллективизация, которая явилась спасением советской экономики, но обошлась очень дорого. Да и само правительство было неопытным и во многом действовало путем проб и ошибок, неуверенных попыток и внезапных озарений.

Самой малой из насущных проблем была проблема оппозиции — скорее даже не проблема, а помеха. Вчерашние товарищи по партии критиковали каждый шаг правительства, критиковали слева и справа и усердно несли эту свою критику в партийные массы, пока это даже самим массам не надоело. После 1927 года, когда у оппозиции отобрали возможность делать это открыто, в стране начала создаваться «вторая партия», нелегальная, очень самостоятельная и абсолютно оппозиционная, со своими типографиями, пропагандистами и отработанными методами борьбы. Та же коллективизация обошлась бы гораздо легче, если бы «вторая партия» не вела контрпропаганду на селе и не поднимала крестьян на сопротивление, а уж это-то она делать умела, точнее, только это она и умела делать. А то у нас почему-то принято думать, что оппозиция только «свое суждение имела» и высказывала его в партийных дискуссиях, а ее за это перестреляли. Если бы так — кто бы их трогал!

Да, это была самая мелкая из насущных проблем, но с ней тоже надо было что-то

делать. Ибо кадры действительно решали все. Партия же большевиков, особенно та ее часть, которая сформировалась до 1921 года, представляла серьезную опасность для власти. Тут есть один небольшой нюанс: те, кто вступал в партию после окончания Гражданской войны, вступали в *правящую* партию, а до окончания, а особенно до октября 1917 года, — в *радикально-оппозиционную*. Это были совершенно разные партии, и требовались им совершенно разные типы людей: в одном случае — созидатели, в другом — борцы-разрушители. «Весь мир насилья мы разрушим... а затем мы наш, мы новый мир построим»... На практике воплотить эти строчки в жизнь одними и теми же руками не получалось. И осознание этого факта стоило Иосифу очень дорого — ведь это были его старые товарищи, те, с кем он еще двадцать лет назад стоял по одну сторону баррикады против общего противника. Ладно Троцкий, они никогда не были близки. Но тот же Каменев, который еще в 1903 году укрывал его в Тифлисе на конспиративной квартире, или Зиновьев, «российский Энгельс», ближайший соратник Ленина, да и другие тоже — всех их связывало общее прошлое. Победившая революция должна пожрать своих детей, таков непреложный закон бытия, и Сталин прекрасно знал его, но решиться на это так и не смог, беспомощно махнув рукой: пусть, мол, все идет, как идет, авось Господь управит...

Итак, в 1927 году сформировалась «вторая партия», вождем которой был Троцкий. Она тут же перешла к той работе, которой занималась на заре своего существования партия большевиков, а именно: критиковала любые действия власти и несла эту свою критику в массы, теперь уже не партийные, а все, до которых могла дотянуться; Поводов для критики, естественно, было множество, массы прислушивались, начали появляться рабочие кружки. И Сталин, и его товарищи слишком хорошо знали, чем подобная деятельность кончается. Поэтому в 1929 году троцкистов разгромили, а их духовного вождя выслали сначала в Алма-Ату, затем за границу, кружки запретили. Лев Давидович, естественно, не успокоился, но руководить оттуда было значительно труднее, так что «партия Троцкого» в России стала во много раз слабее.

Сложнее было с прочими лидерами оппозиции, которые вроде бы ничего криминального не делали, просто не работали сами и мешали работать правительству. Зиновьев и Каменев занимались критикой потому, что ничего другого не умели. Бухарин, кроме того что тоже ни к какому делу не пригоден, был типичным паникером, менявшим свои взгляды чуть ли не каждый год. Так, в середине 20-х годов он выкинул крестьянам лозунг «Обогащайтесь!», с началом коллективизации ратовал за уничтожение кулака как класса и одновременно писал письма Сталину, в которых кричал, что так, как действует правительство, действовать нельзя. При этом как надлежит действовать, он, естественно, не говорил ни слова, потому что сам не знал. Все бы ничего, с этими деятелями уже не раз справлялись, но они, имея немалый авторитет, подрывали единство партии бесконечными и бессмысленными дискуссиями. А партия в то время была приводным ремнем управления государством, другие приводные ремни еще только формировались. Единоначалие важно не только в армии, но и в любой чрезвычайной ситуации, а ситуация была хронически чрезвычайной, иного положения, кроме чрезвычайного, в стране просто не было.

Итак, наверху шла борьба за власть, заложником которой была Россия. Самое главное различие между Сталиным и оппозиционерами состояло в том, что оппозиционеры в случае, если бы они пришли к власти в стране, а потом ее потеряли, не теряли ничего. Даже наоборот — они отправлялись за границу и вновь въезжали в знакомую колею привычной радикально-оппозиционной деятельности, то есть возвращали себе свой привычный смысл жизни. Сталин и его команда для себя такого варианта не допускали: с потерей страны они теряли все, вплоть до самой жизни, поэтому и власть у них можно было вырвать только с жизнью.

...Но Сталин все-таки надеялся, что старые товарищи образумятся. Оппозиционеров исключали из партии, потом снова принимали, высылали и тут же амнистировали после первых же покаянных заявлений — и они снова принимались за старое. Если бы Иосиф знал, к чему это в конце концов приведет, то, может быть, наплевал бы на законность и дал

санкцию просто-напросто перерезать старых товарищей, как в свое время поступил Гитлер. Но... он был гений — но не пророк!

XVII съезд был последним боем оппозиции, последней легальной попыткой сместить Сталина, попыткой, с треском провалившейся. Что бы в такой ситуации сделали большевики лет двадцать — тридцать назад? А что они реально сделали в 1905 году? Потерпев поражение, перешли к террору. И, как по заказу, через десять месяцев после съезда произошел крупнейший террористический акт начиная с 1921 года — очень своевременно и при довольно странных обстоятельствах какой-то псих на почве ревности застрелил главу ленинградской парторганизации Кирова. Может быть, это и вправду был псих и действительно убийство произошло на почве ревности, но уж очень как-то вовремя оно случилось. И очень уж не случайный человек был Сергей Миронович Киров.

... Для того чтобы изменить курс страны, надо было убить Сталина. И это, кстати, было не так уж трудно. Вплоть до начала 30-х годов он ходил по Москве практически без охраны, да и потом охрана главы государства была поставлена кое-как — трудно устеречь человека, если он сам не боится.

Но вот незадача — в этом случае новый глава государства оказывался лицом к лицу все с тем же клубком проблем, а дальше все было предсказуемо — новое Временное правительство, полный развал и оккупация кем-либо из милых соседей. Нет, нельзя было убивать Сталина — по крайней мере, пока он не приведет в относительный порядок страну, зато потом так хорошо и просто будет его убрать и выступить спасителями Отечества от тирании. Но не в 1934 году! Как же ознаменовать переход к террору, чтобы все поняли, что происходит, как ударить побольнее? Нет, может быть, Николаев был просто свихнувшимся ревнивцем, но и время, и место, и человек были как-то уж очень не случайны.

Киров был дважды особым человеком для оппозиции. Во-первых, он руководил Ленинградской организацией, бывшим ее оплотом, сменив на этом посту Зиновьева. А во-вторых, после смерти Надежды это был самый близкий Сталину человек.

Иосиф после самоубийства жены замкнулся, предпочитая быть один. В это тяжелое время редко кто приезжал к нему домой — то есть на «ближнюю» дачу. По-прежнему гостил там один лишь Киров. Во время съезда он даже жил у Сталина, причем хозяин уступил ему свою кровать, а сам спал на диване. Мария Сванидзе пишет: «Он ухаживал за Иосифом, как за малым ребенком».

В ее дневнике сохранилось описание такого эпизода: «В тот раз после обеда у Иосифа было очень благодушное настроение. Он подошел к междугородной вертушке и вызвал Кирова, стал шутить по поводу отмены хлебных карточек и повышения цен на хлеб. Советовал Кирову немедленно вылететь в Москву, чтобы защитить интересы Ленинградской области от более высокого повышения цен, нежели в других областях. Очевидно, Киров отбояривался, потом Иосиф дал трубку Кагановичу, и тот уговаривал Кирова приехать на один день. Иосиф любит Кирова, и, очевидно, ему хотелось после приезда из Сочи повидаться с ним, попариться в русской бане и побалагурить между делами, а повышение цен на хлеб было предлогом».

Действительно, они вместе парились в бане — больше Иосиф туда никого не приглашал. Отношения у них были такими, что даже служака Власик, рассказывая о них, изменяет своему обычному официальному тону. «Больше всех Сталин любил и уважал Кирова. Любил его какой-то трогательной, нежной любовью. Приезды т. Кирова на юг были для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у т. Сталина, и И.В. буквально не расставался с ним». На книге, подаренной Кирову, Иосиф, обычно сдержанный, написал: «Другу моему и брату любимому от автора».

...И вот в декабре 1934 года в Москву из Ленинграда пришла страшная для Иосифа весть: убит Киров. Он тут же срывается с места и, взяв с собой Ягоду, едет расследовать дело. Убийца — некто Николаев, полусумасшедший муж одной из секретарш Кирова, приревновавший секретаря обкома к своей жене, не отпирался от содеянного. Тем не менее

ни у кого не возникало сомнений, что это не убийство из ревности, а террористический акт — такая в то время в стране была обстановка и такой уровень напряженности отношений с оппозицией. Не зря Бухарин, устроивший по этому поводу истерику, кричал своим соратникам: «Теперь он сделает с нами что захочет — и будет прав!»

Первые же проверки показали, что ленинградские чекисты очень странно вели себя в этом деле. Так, за несколько дней до убийства Николаев был задержан у Смольного с револьвером, но его сразу же отпустили. В момент самого убийства телохранитель Кирова — очень своевременно — где-то задержался. Все стало окончательно ясно, когда Сталин захотел допросить этого телохранителя — по дороге на допрос грузовик, в котором тот ехал вместе с охранниками, врезался в стену. Никто не пострадал, кроме телохранителя, который погиб на месте. Действительно, все было ясно.

Может быть, если бы убит был кто-нибудь другой, последствия оказались бы не такими серьезными. Но Кирова любили все, не говоря уж об Иосифе, которого он вытащил из тяжелейшего душевного состояния после смерти Надежды и для которого был, пожалуй, самым близким человеком. Та же Мария Сванидзе в своем дневнике описывает прощание: «На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует в лоб мертвого Сергея Мироновича. Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания всхлипывания мужчин. Также тепло, заплакав, прощается Серго — его близкий соратник, потом поднимается весь бледный — меловой Молотов...» Наверное, Иосиф мог бы еще раз повторить то, что сказал у гроба своей первой жены: «Это существо согрело мое каменное сердце».

Удар был нанесен жестокий и в цель, и он вызвал эффект — правда, не тот, которого ожидали. После него начались репрессии против оппозиции — пока еще небольшие и наугад. Естественно, не обошлось в этом деле и без перегибов.

В Кремле ждали продолжения террора. Сталин никогда не был трусом, он был, скорее, фаталистом. В начале века в Грузии он дрался с казаками в рядах демонстрантов, а в 1941 году во время бомбежек наблюдал с крыши за происходящим в воздухе, «успокаивая» Власика: «Наша бомба мимо нас не пролетит». А чтобы заставить его ходить по Москве с охранником, понадобилось решение Политбюро. Но, с другой стороны, он прекрасно знал, с кем имеет дело, и был свидетелем того террора, который развернули боевики левых партий против властей в начале века, да и сам участвовал в организации терактов и знал, как это делается. Первым был Киров — кто следующий?

Есть свидетельство адмирала Исакова, который однажды, будучи на приеме у Сталина, услышал нечто, потрясшее его. «В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин происходил в одной из нижних комнат: довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкафами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые — не часовые, а дежурные офицеры НКВД. Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: „Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...“

А дела разворачивались одно за одним. В 1935 году НКВД распутал дело «Клубок» — заговор в Кремле, среди obsługi, библиотекарей и пр., которое сейчас считается сфальсифицированным, но совершенно обосновательно. Не в первый раз заговорщики пытались подобраться к обслуживающему персоналу Кремля. Затем последовал процесс Зиновьева и Каменева. После этого обнаружился заговор военных — казалось, всему этому не будет конца. С каждым новым делом те, кто был наверху, все больше ожесточались, и с каждым разом все больше был диапазон преступлений, в который они могли поверить, в конце концов они уже верили во все, что угодно. И тогда наступило время НКВД. После ареста Ягоды, который, будучи сам из стана оппозиции, более-менее сдерживал процесс, чекисты поняли, что тут дело пахнет наградами, карьерой и прочими благами, и стали

действовать по принципу: «чем больше их сдадим, тем лучше». И Сталин был не прав, когда санкционировал пытки. Да, били и пытали во всех контрразведках Европы, но он должен был понимать особенность НКВД, многие из работников которого служили там еще со времен Гражданской войны, а другие были их верными учениками — по своей жестокости эта публика не имела себе равных.

Когда Феликс Чуев спрашивал у Молотова, у Кагановича, которые вместе со всеми санкционировали смертные приговоры: «Как же вы могли? Ведь там были ваши товарищи?» — оба отвечали:

«А что нам оставалось? Нам показывали следственное дело, с протоколами допросов, с собственноручными показаниями! Что мы должны были делать?»

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что избавление от «верных ленинцев» пошло стране только на пользу. Массовые репрессии — это уже совсем другая история, не имеющая отношения к Сталину и во многом раскрученная руками того самого партийного актива, который в ходе репрессий поедал сам себя и транслировал те же процессы в другие слои общества. Когда наверху поняли, что происходит, было уже поздно. Спецслужбы — это «государство в государстве», так просто их не возьмешь. Надо было найти «варяга», способного остановить этот безумный маховик. Тогда из Закавказья извлекли старого чекиста Берию, опытного и решительного, который, придя на место Ежова, сумел — далеко не сразу — остановить машину репрессий. Последними жертвами «террора» стали сами ежовские следователи, но их, по правде сказать, совершенно не жалко...

...Это почти невероятно, но у них все получилось. Получилось с индустриализацией — к середине 30-х годов была создана и заработала новая промышленность. Получилось с сельским хозяйством — после коллективизации валовой сбор зерна увеличился в полтора раза. Получилось с армией, хотя и хуже, чем с коллективизацией, и даже благосостояние населения с середины 30-х годов начало постепенно повышаться. Однако это была временная передышка, потому что мир стремительно катился к новой войне. Кто бы и что бы ни говорил, Сталин не питал по этому поводу никаких иллюзий.

Если завтра война...

Да, в Кремле нисколько не сомневались, что война будет. Поэтому еще с конца 20-х годов все: народное хозяйство, политика, идеология — было подчинено одной цели. Надо было успеть как можно больше нарастить мощь Красной Армии, и в первую очередь военный потенциал страны. Сталин мог упустить из виду какие-то политические моменты, мог расслабиться и не обращать внимания на оппозицию, к сожалению, во многом «упустил» армию, понадеявшись на генералов, но военную промышленность он опекал, как нянька младенца. При этом было у него одно качество: если уж он интересовался чем-то, то полужизни для себя в этой области не допускал. Авиаконструктор Яковлев, вспоминая, как Сталин вызвал его к себе в Кремль, пишет о своем потрясении: ему казалось, что он разговаривает с коллегой.

« — ...Как вы думаете, — спросил он, — почему на истребителях „Спитфайр“ ставят мелкокалиберные пулеметы, а не пушки?»

— Да потому, что у них авиапушек нет, — ответил я.

— Я тоже так думаю, — сказал Сталин. — Но ведь мало иметь пушки, — продолжал он. — Надо и двигатель приспособить под установку пушки. Верно?

— Верно.

— У них двигателя такого нет?

— Нет.

— А вы знакомы с работой конструктора Климова — авиационным двигателем, на который можно установить двадцатимиллиметровую авиационную пушку Шпитального?

— Знаком.

— Как вы расцениваете эту работу?

— Работа интересная и очень полезная.

— Правильный ли это путь? А может быть, путь англичан более правильный? Не взялись бы вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

— Я истребителями еще никогда не занимался, но это было бы для меня большой честью».

То есть глава государства настолько понимает в авиации, что может самостоятельно оценить разнообразные проекты, разобраться в разнородных дезориентирующих мнениях специалистов и дать авиаинжентеру подобное задание. Это не так мало, тем более что научная среда во все времена представляла собой клубок противоборствующих направлений, и каждый из консультантов тянул в свою сторону.

Такую же осведомленность Сталин проявлял и в танкостроении, и в прочих оборонных вопросах. А когда во время Финской войны ему доставили новую модель пулемета, глава государства вспомнил собственный боевой опыт, попросил принести ему винтовку и устроил в своем кабинете испытания, близкие к полевым, только что боевыми не стрелял по стенам кремлевского кабинета. Нашел, кстати, несколько недостатков, подходя (вернее, подползая) к пулемету с позиции не конструктора, а рядового пехотинца.

Собственно говоря, произошло экономическое чудо, которого никто не ждал и в которое никто не верил, — за какие-то несчастные пятнадцать лет Россия из отсталой крестьянской страны превратилась в сверхдержаву, способную дать бой объединенной армии всей Европы. Представление об СССР как о «колоссе на глиняных ногах» имело под собой все основания, но оказалось ложным, поскольку правительство — и в первую очередь глава государства — сумело заставить всю страну работать на войну.

Столь же дотошно Сталин вникал и в дела дипломатические. Он вел политику государства с восточной выдержкой и хитростью, также не строя никаких иллюзий, столь любимых многими другими российскими правителями, питавшими слабость к цивилизованной Европе. Международное окружение Советской России никогда не было дружеским — в 30-е годы разве что с Чехословакией были приличные отношения, и рассчитывать на чью-либо поддержку в грядущей войне не приходилось. А к концу 30-х годов стало ясно, с кем придется воевать. После прихода к власти Гитлера политика Германии стала резко антисоветской. А учитывая еще и тысячелетнюю направленность германской агрессии на восток...

В 1936 году Германия и Япония — две страны, имевшие на российской территории особые интересы, подписали так называемый Антикоминтерновский пакт. В ноябре 1937 года к нему присоединилась Италия. А в 1939 году — вдруг резкий поворот руля, ход, которого никто не ожидал и который мало кем тогда был правильно понят, — подписание Пакта о ненападении с Германией. Политики не знали, что и думать, коммунисты по всему миру выходили из своих партий, но... «Сталин был величайший тактик», — скажет потом Молотов.

По поводу пресловутого пакта демократы-антикоммунисты 90-х годов оказались странным образом единодушны с западными коммунистами 30-х, называя его предательским, позорным и прочими нелестными эпитетами. А еще утверждают, что Гитлер с Риббентропом обманули Сталина, усыпив его бдительность. Хрущев договорился даже до того, что Гитлер парализовал волю советского лидера. Конечно, если судить о личности Сталина по фильмам советского и статьям перестроечного времени, то можно поверить во что угодно. Но реальные факты не дают ни малейших оснований подозревать «вождя народов» в столь невероятной, прямо-таки клинической глупости. Тем более что Гитлер не скрывал своих планов, еще в «Майн кампф», книге, написанной в начале 20-х годов, обнаруживая судьбу, предназначенную народам, населявшим территорию России: рабство и геноцид. Но разве подписать договор значит поверить?

К концу 30-х годов СССР попал в трудное положение. Уже несколько лет тянулись переговоры с западными державами по поводу соглашений о совместной обороне против Гитлера — в разных вариантах, но с одним и тем же нулевым результатом. Предполагаемые

союзники тянули время, не отказывая, но и не заключая договоров. (Впрочем, аннексия Чехословакии показала, как западные державы выполняют уже подписанные соглашения.) В итоге Советский Союз остался один на один с Германией, которую все время ненавязчиво подталкивали на восток. Поэтому нет ни удивительного, что Сталин ухватился за возможность подписать пакт с Гитлером и тем самым хотя бы на малый срок оттянуть начало войны. Советская военная промышленность разогналась на полную мощность, также полным ходом шли перевооружение и реорганизация армии. Время, крайне необходимо было время, а какой ценой — дело десятое.

Итак, вечером 22 августа 1939 года Ворошилов (надо думать, не без удовольствия) сообщил главе французской миссии: «Вопрос о военном сотрудничестве с Францией висит в воздухе уже несколько лет, но так и не был разрешен. В прошлом году, когда погибала Чехословакия, мы ждали от Франции сигнала, но он не был дан. Наши войска были наготове... Французское и английское правительства слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»

И «политические события» не замедлили произойти. 23 августа в Москву прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп, и практически сразу же, в ночь с 23 на 24 августа, был подписан советско-германский договор о ненападении. В кои-то веки Россия наконец поставила свои интересы выше интересов Европы.

По поводу распространенного мнения, что Гитлер, мол, этим пактом обманул Сталина, Молотов съязвил: «Наивный такой Сталин... Сталин поверил Гитлеру... Никто не верил, а Сталин был такой доверчивый!» Стоит вспомнить, что Вячеслав Михайлович был все-таки министром иностранных дел и находился в курсе событий.

Впрочем, Гитлер особо и не изображал горячую любовь к СССР. Незадолго до подписания пакта, 11 августа, он заявил комиссару Лиги наций Карлу Буркхардту: «Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза со всеми моими силами. Мне нужна Украина, чтобы они не могли уморить нас голодом, как это случилось в последней войне».

Едва ли стоит предполагать, что Сталин не знал о такой позиции своего нового партнера — советская разведка работала хорошо. Что же, отказываться от соглашения с Гитлером? А с какой стати? Очередность: Запад — Россия нас вполне устраивала. Время работало на СССР.

Пакт, кстати, был для Советского Союза достаточно выгоден. Мы обещали поставлять Германии сырье и продовольствие и гарантировали нейтралитет в предполагаемых войнах. К тому времени уже было ясно, что первой жертвой Германии, скорее всего, станет Польша, и Гитлер стремится обеспечить себе безопасность на востоке, когда его войска вплотную подойдут к границам СССР. Нашу страну падение Польши тоже вполне устраивало. Да, в итоге мы получали общую границу с Германией, без буферной зоны, но кто сказал, что Польша стала бы буферной зоной? За всю многовековую историю России она практически никогда не была дружественным нам государством, и как только Россия слабела, то тут же получала со стороны «милого соседушки» нож в спину. В 30-х годах режим в Польше был не менее антисоветским, чем в Германии, и не далее как в январе 1939 года на встрече Гитлера с министром иностранных дел Польши тот заявил о готовности своей страны выступить на стороне Германии, если та затеет поход на Украину. И такого соседа защищать? Если Германия съест Польшу, то мы будем иметь на западе не двух врагов, а одного — только-то и всего. Кроме того, как только Германия начала польскую кампанию, СССР тут же вернул себе аннексированные после Гражданской войны территории, кстати, и отодвинув границу.

Черчилль позднее писал: «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов огромной страны. Если их политика и

была холодно-расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной». Для первого удара Гитлер выбрал западное направление, и это была победа советской дипломатии.

Кроме того, и экономическая сторона договора была обоюдно выгодной. Россия отдавала то, что у нее было в избытке, а взамен получала то, чем была богата Германия и чего так не хватало нам — современные технологии. Советские специалисты получили право требовать себе любые технологии, обнаруженные на германских заводах. И, будьте уверены, с помощью прокоммунистически настроенных рабочих они очень хорошо там попаслись.

Как выглядел первый контакт врагов, которые, скорее всего, прекрасно знали, что они от подписания пакта не станут друзьями? Визит Риббентропа оказался для нашего МИДа как снег на голову. В СССР не было даже немецких флагов, необходимых для официальной встречи делегации. Их достали... на киностудии «Мосфильм», где снимались антифашистские фильмы. Совершенно сюрреалистическим образом оркестр в аэропорту сыграл нацистский гимн, а потом «Интернационал». До последней минуты Риббентроп не знал, с кем он будет обсуждать и подписывать пакт, — с Молотовым, который был министром иностранных дел, или с самим Сталиным, и узнал это, лишь увидев Сталина за столом переговоров.

«Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба, — вспоминал позднее Риббентроп. — Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву».

Впрочем, он был не только величайший тактик, но и превосходный дипломат, этику взаимоотношений он чувствовал спинным мозгом, инстинктивно. На ужине, последовавшем за подписанием договора, Сталин сам поднял тост за Гитлера и выпил за его здоровье. Но через несколько тостов предложил немцам выпить за «нашего наркома путей сообщения, Лазаря Кагановича», — и пришлось немецкой делегации пить за здоровье еврея-наркома. Теперь Риббентропу было о чем подумать — был ли тост за Гитлера хотя бы относительно искренним или же просто данью вежливости?

Сталин вообще был мастером мелочей — и в этом видна поэтическая натура. Он любил и понимал эффектные нюансы, они были его коньком. На том же вечере произошел маленький инцидент. Личный фотограф Гитлера попросил разрешения сделать несколько снимков — естественно, ему это было позволено. Когда он закончил свою работу, Сталин выразил протест против одной из фотографий, где все были сняты с бокалами шампанского в руках: публикации этого снимка он не желает. По распоряжению Риббентропа фотограф вынул пленку из аппарата и отдал ее Сталину. Казалось бы, хитрый азиат добился своего — и снимки сделаны, и в Германии ничего не получают? Но Сталин не был бы Сталиным, если бы на этом остановился. Он тут же отдал пленку обратно фотографу, сказав, что доверяет гостям. Пустячок, а приятно...

Или, скажем, другой эпизод из международных отношений. Советско-германский пакт был подписан без согласования с Японией, в результате чего японцы сильно обиделись на союзника. Как бы сделать эту трещинку еще пошире? Когда в СССР с визитом приехал японский министр иностранных дел Мацуока, то глава советского государства оказал ему самый дружеский прием, вплоть до того, что неожиданно для всех и в нарушение всех и всяческих дипломатических протоколов приехал вместе с Молотовым на вокзал проводить его. Причем так проводил, что японца чуть ли не на руках внесли в вагон. Да, протокол был нарушен, но ведь Япония так и не напала на СССР, и кто знает, какую роль тут сыграл нарушенный протокол и сохранивший самые теплые воспоминания от поездки в Россию министр? Хитроумная же политика западных держав — «и нашим, и вашим» — закончилась тем, что Сталин подписал договор с Гитлером, Англия подверглась бомбардировке и Франция была оккупирована.

Широко известно высказывание одного из английских премьеров: «У Англии нет постоянных друзей, у Англии нет постоянных врагов, у нее есть лишь постоянные

интересы». Менее известно аналогичное высказывание Сталина, который сказал Риббентропу, задавшему вопрос относительно некоторых кажущихся «противоречий» в советской внешней политике: «Русские интересы важнее всех других». А русские интересы в то время были в оттягивании срока начала войны и форсировании гонки вооружений. Сталин говорил, что воевать с Гитлером на равных СССР мог бы, самое раннее, к 1943 году. Ну, положим, до 1943-го не дотянули, но кто бы мог сказать, чем бы закончилась война, если бы Гитлер в 1940 году повернул не на запад, а на восток?

...В середине апреля 1940 года, после того как был подписан пакт о нейтралитете с Японией, Сталин и Молотов приехали в Зубалово, где в самом доме и на дачах неподалеку жили многочисленные родственники Иосифа со стороны Аллилуевых. Владимир, сын Федора, вспоминал позднее об этом дне.

«Сталин предложил всех собрать за столом. Леонид отправился в Зубалово-2, чтобы привезти Киру, Сергея и Сашу (племянники и племянницы Надежды. — *Е.П.*). Кроме Аллилуевых, был только Молотов, который в те годы был, пожалуй, ближе всего к Сталину и везде его сопровождал. Пока ждали Леонида с домочадцами, подали чай. Рядом со Сталиным оказался красивый набор шоколадных конфет фабрики «Красный Октябрь». Коробка ярко-красного цвета имела форму усеченной пирамиды, когда с нее снималась крышка, она раскладывалась и превращалась в пятиконечную звезду. Центр коробки и пять ее лучей были заполнены шоколадными конфетами и закрывались слюдяными крышками. Сталин заинтересовался этим набором, который он явно видел впервые, снял крышку и, чтобы добраться до конфет, разорвал слюду. Мне хотелось ему подсказать, что слюду рвать не нужно, нужно просто снять с луча свою крышку. Меня тогда поразили его руки, сухие и очень красивые, с коротко подстриженными ногтями на заостренных, почти женских пальцах. Конфеты оказались припудренными плесенью. Тогда досталось всем — детям за то, что «зажрались» и не едят даже такие конфеты, взрослым — за то, что плохо занимаются детьми и гноят продукты, которых в стране еще не изобилие. На этом инцидент был исчерпан».

Чтобы правильно понять эту историю, надо знать одну особенность Сталина — он очень ревниво относился ко всему советскому. Его дочь вспоминает, что отец иной раз, когда ему нравилась какая-нибудь ее одежда или обувь, спрашивал: «Это у тебя наше?» И узнав, что «наше», прямо-таки расцветал. А коробка, судя по описанию, была очень красивая...

...И на этом была исчерпана мирная жизнь. Дальше все пошло уже совсем по-другому...

Часть III. Владыка полумира

Ложь и правда о 22 июня

На самом деле никого в Кремле Риббентроп не смог бы обмануть, даже если бы и хотел. Насчет немцев никто в правительстве СССР не обольщался — войны ждали. Другое дело, что конкретной даты нападения не знал никто. Вот говорят: почему Сталин не поверил предупреждениям разведки? Да почему же не верил? Разведка — дело серьезное, ею пренебрегать нельзя. Но если бы она доносила хотя бы приблизительно одно и то же! А как прикажете быть, когда в каждом донесении называются другие сроки? Вот Зорге, мол, называл верную дату, а Сталин не внял. Это после 22 июня стало известно, что дата была верной. Разве у советской разведки был один Зорге? Нет, имелись и другие разведчики, и не хуже, и все доносили кто во что горазд. Так, военный атташе в Германии Тупиков сообщил сначала, что война должна начаться 15 марта, потом — между 15 мая и 15 июня. Предупреждал даже Черчилль — впрочем, так хитроумно предупредил, что никто ничего не понял. И как прикажете реагировать?

С другой стороны, немцы запустили колоссальную кампанию дезинформации, уверяя всех и по всем каналам, что они собираются в ближайшее время напасть на Великобританию. Против СССР и против Англии у немцев в то время были сосредоточены примерно равные силы, и политически самым вероятным вариантом считался тот, при котором Гитлер сначала разберется с Британской империей, а уж потом займется СССР. Кто же знал, что фюрер преодолеет свою паническую боязнь войны на два фронта, что он совершенно точно просчитает поведение Англии в грядущей войне?

И в довершение всего — та милая мелочь, что точной даты нападения не знал и сам Гитлер. Перед началом крупных кампаний он имел обыкновение неоднократно менять даты выступления, до последнего момента не устанавливая конкретного срока. Так, приказ о начале наступления на Западном фронте отдавался 27 раз в течение шести месяцев — и 26 раз был отменен. Кроме того, прежним войнам гитлеровской Германии предшествовали политические кризисы в отношениях с неудобными странами, а в германо-советских отношениях до последней минуты все было гладко...

Учитывая все эти моменты, легко было совершенно точно предугадать события: война может начаться в любой из дней 1941 года — а может и не начаться. Так что понятно нежелание Сталина устроить фальстарт, начав подготовку к войне и спровоцировав Гитлера на нападение. Кто ж знал, что фюрер, вопреки всему, что делал раньше, наплюет и на Англию, и на пакт...

Нет, война ни в коей мере не была неожиданной, и о ней говорилось открыто, хотя и в определенных кругах — ну а чего на всю страну панику устраивать? Но в определенных кругах никакой благостности по отношению к немцам не наблюдалось. Так, 5 мая 1941 года состоялась встреча Сталина с выпускниками военных академий. Официальной стенограммы этой встречи не велось, зато ее участники вспоминают много интересного. Например, такую фразу главы государства: «У нас с Германией не сложились дружеские отношения. Война неизбежна, и, если товарищ Молотов и аппарат Наркоминдела сумеют оттянуть начало войны, это наше счастье...» Или, когда некий комкор заявил, что, мол, наш бронепоезд стоит на запасном пути, Сталин резко ответил: «Какая чушь! Какой запасной путь, когда враг стоит у границ Советского Союза!»

Но венцом всего, что происходило на этой встрече, конечно, стал сталинский тост, когда он произнес: «Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

Что же касается запущенной геббельсовской пропагандистской машины и подхваченной Виктором Суворовым версии, что СССР собирался напасть на Германию, то такая идея действительно существовала. Возникла она в мае 1941 года, когда, вдохновленные речью Сталина на встрече с выпускниками, начальник Генштаба Жуков и нарком обороны Тимошенко за десять дней разработали план, по сути, превентивного удара по немецким войскам. Когда этот план предъявили Сталину, тот спросил только: «Вы что, с ума сошли, немцев хотите провоцировать?» А узнав, в чем дело, разъяснил: «Я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии». И план был похоронен, едва родившись.

Позднее Сталин скажет: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще полгода».

Впрочем, о выигрыше в полгода речи не шло, говорить можно было только о годе. Учитывая огромность российской территории, самым удобным временем для нападения, чтобы успеть завершить войну до холодов, был май — начало июня. Не начнет же Гитлер войну зимой — что он, самоубийца, что ли?

Как выяснилось позднее, первоначально нападение было назначено на 15 мая. Но

немцы ввязались в конфликт в Македонии, одновременно в целях дезинформации концентрируя войска против Англии. Время шло, война все не начиналась, и появлялась уже робкая надежда, что в этом году ее и не будет. Однако надежда надеждой, а дело делом. Наше правительство надеялось и одновременно готовилось к грядущему нападению.

27 мая Генштаб дает указания западным приграничным округам строить фронтовые командные пункты и 19 июня перевести на них командный состав, 12—15 июня — сосредоточить войска на границе, 19 июня — маскировать аэродромы, воинские части, склады, рассредоточить самолеты, отвести от границы строительные и прочие тыловые части. Почему, например, командующий Западным военным округом генерал Павлов не выполнил эти указания, почему война застала вверенных ему солдат спящими в казармах — это уже другой вопрос. И не зря его после выхода из окружения судили и расстреляли.

Что же получается, что война не была неожиданной? Получается, что не была! А общепринятую легенду об абсолютно неожиданном нападении запустил не кто иной, как само советское правительство. Оно приняло вину на себя, и тут тоже был совершенно точный расчет: лучше прослыть доверчивыми простаками, чем посеять у народа неверие в боеспособность Красной Армии.

Последняя директива, фактически содержащая предупреждение о предстоящем нападении, ушла в войска в ночь на 22 июня. Вечером 21 июня Жуков сообщил еще об одном перебежчике — немецком фельдфебеле, который утверждал, что наступление начнется этой ночью. Жуков и Тимошенко приехали в Кремль, к Сталину, и тут же, в сталинском кабинете, была составлена директива для войск приграничных округов. В 0.30 ночи Жуков сообщил еще об одном перебежчике, который назвал точный срок — 4 часа утра...

Откуда взялось общепринятое мнение о том, что в первые дни войны Сталин растерялся, был деморализован? Совершенно противоречит логике характера этого человека! В Гражданскую войну ситуация иной раз бывала куда хуже, и сам Сталин был моложе и менее опытен — и тем не менее никогда не проявлял признаков малодушия, растерянности, паникерства. Наоборот, чем серьезней была опасность, тем он становился спокойнее и собраннее. Ничего неожиданного в нападении Германии на СССР не было, войны ждали, и ждали уже давно. Дальнейшие события также разворачивались ранее предсказанным образом. Молотов позднее вспоминал: «Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, куда нам придется отступать — до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали...»

Что же произошло с главой советского государства 22 июня?

А ничего с ним не произошло! Историю о «растерянном Сталине» пустили в оборот Хрущев и его команда после своего прихода к власти. Любопытно, что самого Хрущева в то время в Москве не было. Он находился в Киеве, поэтому в своих «воспоминаниях» ссылался на Берия, который будто бы ему все это рассказывал. Мол, если это и вранье, то весь спрос с него. Бывший нарком внутренних дел был очень удобным персонажем для подобных ссылок — сам он к тому времени ни подтвердить, ни опровергнуть что бы то ни было давно уже не мог.

Итак, по утверждению Хрущева, «тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся у него в кабинете, он сказал: „Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы прос...ли. Все погубло“. И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу. А потом некоторое время никого не принимал».

Маршал Жуков дает свою версию первых часов войны: «В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии... Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что?! Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедленно: немцы бомбят наши города! Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили: «Подождите».

Минуты через три к аппарату подошел Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И.В.Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание. Наконец, И.В.Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским военным округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...»

Ерунда какая-то выходит: получив известие о том, что через три часа ожидается немецкое нападение и дав директиву в войска, глава государства преспокойно уехал на дачу спать. Более того, еще и дежурному охраннику не отдал распоряжения будить немедленно при звонке из Генштаба. Верится в это, по правде сказать, с трудом, а точнее — вообще не верится.

Молотов вспоминает, что члены Политбюро около двух часов ночи собрались у Сталина в Кремле. Разумеется, там присутствовал и хозяин кабинета. Итак, посмотрим на часы: в 0.30 глава государства сообщили о втором перебежчике — в это время он находился еще в Кремле. Даже если известие застало его на пороге и он тут же отправился домой, то, значит, за каких-то полтора часа он должен был успеть приехать на дачу, лечь спать, заснуть, да еще и чтоб и охрана заснула, подняться, одеться, прибыть в Кремль... Не говоря уж о том, что едва ли возможно уснуть в ночь, когда вот-вот должна начаться война. Любой нормальный человек в такой ситуации вообще не покидал бы кабинета, тем более что для Сталина ночная работа была делом обыкновенным. Если уж случился такой казус, что он невероятно хотел спать, просто с ног падал, то вышел бы в соседнюю комнату, прикорнул там на диване...

Серго Берия, также ссылаясь на своего отца (но с большим основанием, чем Хрущев!), утверждает, что глава государства в ту ночь не ложился — как, скорее всего, на самом деле и было. Да, членов Политбюро распустили по домам, но нет ни одного свидетельства того, что уехал из Кремля и Сталин.

Что же касается растерянности Сталина, того, что он сбежал на дачу и никого не принимал, то это красноречивей всего опровергает небольшой бюрократический документ — журнал посетителей сталинского кабинета. Первый посетитель вошел туда в 5.45 утра 22 июня — это был Молотов. Последний — в 16.25 — Берия. А всего их было 29 человек. Времени для сидения на даче ну никак не остается.

Почему 22 июня по радио выступил не Сталин, а Молотов? Тут тоже каких только легенд не создано. Говорят, что он был растерян, деморализован. Говорят, что у него была ангина, нарыв в горле, так что он не мог говорить. Впрочем, по утверждению все того же Молотова, все было куда прозаичнее. «Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход... Он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах». Ответ простой и логика железная.

Но хрущевской команде очень хотелось показать Сталина растерянным, а себя — твердыми и волевыми. Эстафету подхватывает Микоян. «Молотов... сказал, что Сталин в последние два дня в такой прострации, что ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии...» Тогда члены Политбюро отправились к нему на дачу. И вот что было дальше: «Подъезжаем к сталинской „ближней“ даче. Охрана, видя среди нас Берия, сразу же открывает ворота, и мы подъезжаем к дому „Хозяина“. Застали его

в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. Он вопросительно смотрит на нас и глухо выдавливает из себя: „Зачем пришли?“ Заданный им вопрос был весьма странным. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов выступил вперед и от имени всех нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось. Чтобы страну поставить на ноги. Говорит о предложении создать Государственный Комитет Обороны. Сталин меняется буквально на глазах. Прежнего испуга как не бывало, плечи выпрямились. Но все же он посмотрел удивленно и после некоторой паузы сказал: «Согласен. А кто председатель?»

— Ты, товарищ Сталин, — говорит Молотов».

Очень душевная история, есть у нее только один маленький недостаток — она ни в чем и ни с чем не согласуется. Ну никак не удастся найти те два дня, в которые он сидел на даче «в полной прострации». Согласно тому же журналу, 23 июня Сталин принял 21 человека, 24-го — 20, 25-го — 29, 26-го — 28, 27-го — 30, 28-го — 21 человека. Это не считая разного рода совещаний. 30 июня было принято решение о создании ГКО. Значит, визит на дачу мог иметь место только 29 июня. Но в этот день известно, где, когда и с кем был глава государства. Для душераздирающей сцены на даче с сжавшимся в кресле Сталиным и собранными мужественными соратниками просто не остается физического времени.

29 июня выдержка, правда, изменила Сталину, но совсем не в том направлении, которое указывает Микоян, отнюдь не в сторону трусости. Вечером 29 июня он позвонил в наркомат обороны маршалу Тимошенко — узнать положение на Западном фронте. Оказалось, что связи с фронтом нет и ничего конкретно нарком не знает. Тогда Сталин вместе с Маленковым (или Молотовым), Берией и Микояном отправились к нему. В кабинете Тимошенко они застали Жукова и Ватутина. Выяснилось, что связь потеряна и за целый день ее так и не смогли восстановить. «...Около получаса проговорили относительно спокойно, — вспоминает Микоян. — Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Раз нет связи, Генштаб бессилён руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал за состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек не выдержал, разрыдался, как баба, и быстро вышел в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного, но еще с влажными глазами Жукова». Да, Сталин редко выходил из себя, но в гневе, как вспоминают, был страшен.

Впрочем, исследователь Зенькович, ссылаясь на писателя Ивана Стаднюка, которому вроде бы рассказывал эту историю Молотов, приводит другой ее вариант. «Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное перенапряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения». Сам факт беседы Стаднюка с Молотовым вызывает серьезные сомнения. А кроме прочего, интересно, какую обстановку можно было изучать и какие решения принимать, не зная положения на фронте?

И вот все тот же Молотов — огромное спасибо писателю Феликсу Чуеву, собравшему поистине бесценные свидетельства!

«**Ф. Чуев.** Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

В. Молотов. Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, — как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять...»

А теперь слово Лазарю Кагановичу.

«**Г. Куманев** ⁶. Каким вы нашли Сталина в тот момент?

Л. Каганович. Собранным, спокойным, решительным.

— Интересно, какие лично он вам дал указания?

— Очень много указаний я получил. Они показались мне весьма продуманными, деловыми и своевременными.

— Вы пришли по своей инициативе или Сталин вас вызвал?

— Вызвал Сталин, он всех вызывал...»

Есть и другие свидетельства о том, что глава СССР был собран и сосредоточен — вот это в логике характера! Чем больше была опасность, тем он становился спокойнее. И апогей этого спокойствия был достигнут в недели битвы под Москвой, когда враг был в нескольких километрах от столицы. Но это было несколько позже. А пока что перед ним стала новая — и старая тоже — задача...

...Снова Сталин оказался в том же положении, что и в 1918 году в Царицыне. Тщательно курируя военную промышленность, он не считал необходимым так же опекать армию, понадеялся на своих генералов. Обнародованные в последнее время факты не оставляют камня на камне от той версии, что нападение Германии было неожиданным. Не было оно неожиданным, о нем знали, к нему готовились. Что же произошло?

Момент истины проскользнул в воспоминаниях адмирала флота Н.Г. Кузнецова. «Анализируя события последних мирных дней, предполагаю: И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле». Первая неделя войны показала истинное положение в войсках, а также способность наркома и начальника Генштаба вести эту войну. И тогда Сталин, как и в мае 1918-го, взял командование на себя. 30 июня было принято решение о создании Государственного Комитета Оборона, к которому перешла вся власть в стране. Главой ГКО стал Сталин.

10 июля Ставка Главного командования была реорганизована в Ставку Верховного Командования и председателем ее вместо Тимошенко стал Сталин. Это был пока еще коллегиальный орган.

Но война продолжала развиваться катастрофически, для коллегиальности в государственной жизни просто не оставалось места. 19 июля Сталин заменил Тимошенко на посту наркома обороны, а 8 августа стал Верховным Главнокомандующим. Во второй раз в жизни ему поневоле пришлось стать военачальником. А кроме того, теперь ему принадлежала вся власть в государстве — и гражданская, и военная. Россия, когда опасность стала по-настоящему серьезной, отбросив демократические забавы, вернулась к проверенной веками войн абсолютной монархии.

Командовал армией он так же, как делал все в своей жизни, — чрезвычайно дотошно. Порой он знал, что происходит на фронте, лучше, чем его командующие. Маршал Жуков в своих воспоминаниях пишет:

«И.В. Сталин вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

Верховный не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу: «Командующий должен знать, что у него делается на фронте». И приказал немедленно выехать на место, с тем чтобы лично организовать контратаку и вернуть Дедовск».

Ну, по правде говоря, раздражение Верховного понять очень даже можно: не он Жукову, а Жуков должен был сообщать ему, что и где у него занято и что отбито. Впрочем, Георгию Константиновичу и в 1944 году доставалось от Верховного точно за то же самое.

Но в таком тоне Сталин говорил далеко не со всеми своими военачальниками. Он по-прежнему был мастером нюанса, и он всегда досконально вникал в ситуацию, умел

⁶ Современный историк, исследователь сталинского времени.

поставить себя на место человека, с которым говорил, понять, что ему нужно для того, чтобы сделать невозможное, и, если была хоть какая-то возможность, это нужно обеспечить или хотя бы поддержать словом. Кто-кто, а он превосходно чувствовал собеседника!

Совсем другие воспоминания о стиле руководства Верховного оставил маршал Рокоссовский. «Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин. Противник в то время опять потеснил наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял... какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко меня остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он с пониманием сказал:

— Прошу продержаться еще некоторое время. Мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность...»

Может быть, тон был «теплым и отеческим» потому, что не Сталин Рокоссовскому, а Рокоссовский Сталину докладывал обстановку?

А вот еще одна, третья интонация в разговоре с бывшим наркомом обороны Тимошенко, в сентябре назначенным главкомом Юго-Западного направления. Положение фронта катастрофическое, Сталин огорчен и раздражен, и главкому досталось — но в каком тоне! По ходу разговора Сталин заметил: «Бессмысленной отваги не допускайте, с вас хватит!» «Не понимаю», — ответил Тимошенко. И тогда Верховный вспыхнул:

— Тут и понимать нечего. У вас иногда проявляется рвение к бессмысленной отваге. Имейте в виду: отвага без головы — ничто!

— Выходит, что я, по-вашему, только на глупости способен?

— О, не перевелись, оказывается, еще рыцари! Имейте в виду: загубленных талантов не бывает...

— Я вижу, вы недовольны мной...

— А я вижу, вы слишком раздражены и теряете власть над собой.

— Раз я плохой в ваших глазах, прошу отставку...

Сталин отвел трубку в сторону и сказал про себя: «Этот черт орет во всю грудь, ему и в голову не приходит, что он буквально оглушил меня», — и продолжал:

— Что? Отставку просите? Имейте в виду, у нас отставок не просят, а мы их сами даем.

— Если вы находите — дайте сами.

— Дадим, когда нужно, а сейчас советую не проявлять нервозности — это презренный вид малодушия...

Пререкания закончил Тимошенко, извинившись перед Сталиным, и разговор перешел в деловое русло — как ни в чем не бывало. Оба они долго работали вместе, знали друг друга превосходно, и Сталин мог позволить себе «выпустить пар», зная, что никаких неожиданностей, вроде пули в лоб или даже обиды, в этом случае не предвидится. Пообщались, получили обоюдное удовольствие и занялись делом...

Но бывали и совсем иные беседы. Когда в 1942 году после страшного разгрома на Керченском полуострове его виновник, член Военного совета Мехлис, приехал в Кремль, он долго ожидал Сталина в приемной. Наконец тот появился, взглянул на Мехлиса и сказал только:

— Будьте вы прокляты!

И захлопнул дверь в кабинет.

...Гитлер рвался к Москве. В октябре немцы были уже недалеко от столицы, а бомбили ее начиная с середины июля. Гитлер готовился праздновать победу, была создана даже

команда для уничтожения Кремля. Для европейского сознания взятие столицы означало конец войны. На этом уже, правда, погорел Наполеон, но Гитлер считал, что уж у него-то все будет по-другому. Русским, привыкшим драться до последнего бойца, этой логики цивилизованных войн было не понять, так что возможное взятие Москвы мы концом войны никоим образом не считали.

Однако в какой-то момент казалось, что Гитлер вот-вот может взять столицу. На совещании ГКО 15 октября было принято решение об эвакуации города. В Куйбышеве оборудовали специальный поселок, куда отправляли семьи обитателей Кремля и правительственных домов, отправляли всех работников, без которых можно было обойтись. О главе государства в Постановлении ГКО говорилось: «Т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». Что стояло за этим «смотря по обстановке»? Когда и как собирался эвакуироваться Сталин?

Генеральный штаб отправили в Арзамас. В Москве осталась группа офицеров во главе с Василевским — восемь человек. Он просил, доказывал, что восьми человек мало, что ему нужно больше, но число штабных работников оставалось неизменным. И только потом он узнал причину: оказывается, на аэродроме стояли в готовности самолеты на случай экстренной эвакуации Ставки, и места на них были жестко расписаны. Для группы офицеров Генштаба там выделялось девять мест, и ни на одно больше. По-видимому, «смотря по обстановке» означало: не раньше, чем немецкие танки окажутся на улицах Москвы.

В городе между тем вступала в свои права паника. Спешно минировались заводы, вокзалы, гордость столицы — метро. По городу поползли слухи, что правительство удрало из Москвы. Началось бегство руководителей, грабежи магазинов. 18 октября люди, возмущенные паническим бегством начальства, бросавшего горожан на произвол судьбы, перегородили шоссе Энтузиастов, не выпуская машины из столицы.

А потом Сталин принял решение: Москву не сдавать. И это было решение именно Сталина, а не ГКО. Маршал авиации Голованов рассказывал, как Верховный отреагировал на предложение Жукова перевести штаб фронта за Москву — это означало, фактически, первый шаг к сдаче города. Армейский комиссар Степанов, посланный на фронт для выяснения положения дел, доложил об этой идее Сталину. Тот некоторое время помолчал, а потом задал совершенно неожиданный вопрос:

— Товарищ Степанов, узнайте у товарищей, есть ли у них лопаты?

— Что, товарищ Сталин?

— Лопаты есть у товарищей?

Степанов, связавшись с командованием фронта, что-то уточняет, потом переспрашивает:

— Товарищ Сталин, а какие лопаты: саперные или какие-то другие?

— Все равно какие.

На том конце провода бодро рапортуют: «Есть лопаты!» И тогда Сталин очень-очень спокойно говорит:

— Товарищ Степанов, передайте вашим товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Мы не уйдем из Москвы. Ставка остается в Москве. А они никуда не уйдут из Перхушково.

Эти дни развенчали еще одну легенду — о трусости и параноидальной подозрительности Сталина. Не опасаясь ни налетов, ни покушений, он открыто ходил по улицам, осматривал причиненные бомбардировками разрушения, проверял посты, понимая, что единственное средство от панических слухов о том, что правительство удрало и бросило город на произвол судьбы, — это если москвичи будут видеть главу государства. Как-то раз после бомбежки какая-то женщина стала его ругать: «Разве можно, товарищ Сталин, так ходить по улицам в такое время? Ведь враг может в любой момент сбросить бомбу!» Он только руками развел: ну так сбросит, что ж поделаешь — как все, так и я... Ну а как еще доказать людям, что Сталин в Москве? Это знание действовало как самое лучшее успокоительное.

Его пытались, правда, уговорить эвакуироваться. Точнее, прямо никто заговорить об этом не решался, все намеками, намеками... Кто-то спросил:

— Товарищ Сталин, можно отправить из Москвы полк охраны?

— Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку, — ответил Верховный.

...Он по-прежнему ночевал то на «ближней», то на «дальней» даче. Ближнюю немцы старательно бомбили, дальняя находилась в зоне минометного огня. Часто по ночам поднимался на солярий, которым никогда раньше не пользовался, — некогда было! Зато теперь оттуда так удобно оказалось наблюдать за работой зениток. Как-то раз во время особо опасного налета, когда Власик трижды предлагал спуститься в убежище, Сталин ответил: «Власик, не беспокойтесь. Наша бомба мимо нас не пролетит». Прицельное бомбометание было весьма относительно прицельным, но все ж таки одна бомба почти попала — она упала рядом с забором... и не разорвалась. Когда саперы обезвредили ее, то нашли в стабилизаторе бумажку, на которой был нарисован сжатый кулак и написано: «Рот Фронт». Знали бы эти не известные никому саботажники, до какой степени «прицельно» упадет их подарок... В другой раз, уже на дальней даче, получив известие о том, что на территории дачи находится неразорвавшаяся мина, Сталин сказал докладывавшему охраннику: «Вы же танкист и минер. Пойдемте проверим». Они взяли миноискатель и пошли искать мину. Ну, правда, ничего не нашли, но Сталин не прятался за напарника, наоборот, все норовил вперед забежать...

Но это не значит и не может значить, что Сталин готов был погибнуть вместе со столицей, отнюдь... Опять же, это для европейского сознания взятие столицы означает конец войны, а для русского — ничего подобного. Тот же авиаконструктор Яковлев, решившийся задать Сталину вопрос, удастся ли удержать Москву, получил совершенно обескураживающий ответ.

— Думаю, что сейчас не это главное, — сказал Сталин. — Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...

Конечно, это был не 1812 год, и значение Москвы было куда большим, чем в эпоху Наполеона, но и тогда потеря Москвы еще не означала потери России.

Управделами совнаркома Я. Чадаев писал, вспоминая то время: «Сталин обладал очень сложной и своеобразной чертой характера. Ее приходилось редко видеть у других лиц. Иногда при хороших делах, при удачном развитии событий его настроение было прямо противоположно происходящему: он был замкнут, суров, резок, требователен. А когда на горизонте сгущались тучи, когда события оборачивались неприятностями, — он был настроен оптимистически. Именно такое настроение у Сталина было в первый период войны. Когда наша армия отступала, один за одним переходили в руки врагов города, Сталин был выдержан, невозмутим, проявлял большую терпимость, как будто события развиваются спокойно и безоблачно. Чем это можно объяснить? Очевидно, тем, что если бы Сталин стал демонстрировать пессимизм или какое-то уныние, то это удручающе подействовало бы на других, внесло бы растерянность».

Тот же Яковлев с удивлением вспоминал один совершенно необычный визит к Верховному, состоявшийся в самое безумное октябрьское время. «Сталин принял меня и наркома в Кремле, у себя на квартире, в столовой. Было четыре часа дня. Когда мы зашли в комнату, то почувствовали какую-то необычную тишину и покой. Сталин был один. Повидимому, перед нашим приходом он прилег отдохнуть. На стуле около дивана в белом полотняном чехле лежал раскрытый томик Горького, перевернутый вверх корешком.

Поздоровавшись, Сталин стал прохаживаться вдоль комнаты... Он был спокоен. В нем незаметно было никакого возбуждения. Чувствовалось, правда, крайнее переутомление, пережитые бессонные ночи. На лице его, более бледном, чем обычно, видны следы усталости и забот. За все время разговора с нами, хотя и невеселого, его спокойствие не только не нарушилось, но и передалось нам.

Он не спеша, мягко прохаживался вдоль обеденного стола, разламывал папиросы и набивал табаком свою трубку. Делал это очень неторопливо, как-то по-домашнему, а от этого и вся обстановка вокруг становилась обыденной и простой. Успокаивающе действовал

также и примятый диван, на котором он только что отдыхал, и томик Горького, и открытая, неполная, лежавшая на столе черно-зеленая коробка папирос «Герцеговина Флор», и сама манера набивать табаком трубку, такая обычная и хорошо знакомая.

Да уж, ничего не скажешь, парадоксальный характер. Можно сдерживаться, владеть собой на людях, но невозможно смоделировать ту «тишину и покой», которые заметил Яковлев, они проистекают от внутреннего состояния. Как можно быть спокойным в такое страшное время? Может быть, это следствие внутренней холодности и равнодушия? Но вот свидетельство маршала авиации Голованова, который внезапно увидел то, чего видеть посторонним было не положено.

«Я застал Сталина в комнате одного. Он сидел на стуле. Что было необычно. На столе стояла нетронутая, остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошел, сомнений не было, напоминать о себе я счел бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось. Но что? Таким Сталина мне видеть не доводилось.

— У нас большая беда, большое горе, — услышал я, наконец, тихий, но четкий голос Сталина. — Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин так же тихо сказал:

— Что будем делать? Что будем делать? Видимо, происшедшее ошеломило его. Потом он поднял голову, посмотрел на меня.

Никогда — ни прежде, ни после этого — мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой душевной муки.

Вошел помощник, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников. Сталин встал, сказал, чтобы он входил. На лице его не осталось и следа от только что переживаемых чувств. Начались доклады...»

Да уж, какая тут холодность и равнодушие — ими тут и не пахнет. Что же тогда?

Впрочем, такое поведение достаточно типично... если человек верит в Бога. Именно верующий может быть таким: когда все складывается неплохо, он ведет себя обыкновенным образом, но когда опасность становится смертельной, то все обыденное уходит, и человек полностью полагается на Бога. И тогда, отдавая судьбу в более сильные руки, если он умен и вера его глубока, то он как раз и испытывает такую тишину и покой. Этим же объясняется и бесстрашие Сталина: он знал, что немцы не возьмут Москву, он знал, что ни пуля, ни мина ему сейчас не страшны.

Нет ни одного прямого свидетельства того, что Сталин был верующим. Но их и не могло быть, совершенно невозможно было в то время и на том посту позволить хоть кому-то из соратников усомниться в верности главы государства одному из основных постулатов большевизма. Но вспомним: едва Сталин — в 1937 году — получил полную власть в стране, убрав от практической власти революционеров-большевиков, как тут же прекратилось массированное преследование Церкви.

Осенью 1941 года был сделан следующий шаг. Что именно произошло, неизвестно, но 4 ноября в Елоховском соборе было впервые провозглашено многолетие Сталину. «Богохранимой стране нашей Российской, властям и воинству ея... и перво-верховному вождю...» В декабре 1941 года в Ельне, недалеко от передовой, был открыт храм, начали служить молебны перед солдатами.

Однако прошло еще два года, прежде чем власть стала открыто налаживать отношения с Церковью. В начале сентября 1943 года в Москву внезапно вызвали патриаршего местоблюстителя Сергия, митрополита Ленинградского Алексия и митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. Предлог — но не причина встречи — был: Сталин хочет поблагодарить их за внесенные Церковью в фонд обороны 150 миллионов рублей. Однако причина была другая. В ходе беседы Сталин спросил: какие проблемы стоят перед Церковью. Проблем было много. Надо созывать Поместный Собор для выборов Патриарха, а в условиях войны собрать епископов со всех концов страны неимоверно трудно. Сталин тут же распорядился помочь с транспортом, задействовав военную авиацию. Дал добро на то,

чтобы открыть закрытые храмы. Затем Сергей сказал о том, что у Церкви не хватает кадров священнослужителей и надо открывать духовные учебные заведения. И тут случилось неожиданное: Сталин вынул изо рта трубку и спросил: «А почему у вас нет кадров? Куда они делись?»

Эту историю любят приводить как пример сталинского фарисейства, но... основные репрессии против священников происходили еще до ежовских «чисток», в 20-е годы и в начале 30-х годов. И глава государства, совершенно не интересовавшийся тогда церковными делами, мог попросту о них не знать, как не знал он и о многом другом, находившемся вне поля его внимания.

Алексий и Николай смутились, но многоопытный Сергей, еще в то время, когда Сталин учился в семинарии, бывший уже ректором Петербургской духовной академии, сумел обернуть все в шутку. «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза».

Против семинарий Сталин тоже не возражал, сказав только: «История знает случаи, когда из духовных семинарий выходили неплохие революционеры! А впрочем, от них мало толку Вот видите, я учился в семинарии, и ничего путного из этого не вышло...»

Потом они пили чай, затем еще долго разговаривали о взаимоотношениях Церкви и государства. Беседа затянулась до трех часов ночи. К ее концу митрополит, который был намного старше хозяина кабинета, очень устал. Прощаясь, Сталин бережно свел Сергия с лестницы и сказал на прощание: «Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для вас сделать». Надо знать церковную этику, чтобы в полной мере оценить этот жест: глава государства, поддерживающий под руку Патриарха. Ничего удивительного бы не было, если бы в это мгновение треснул Мавзолей и звезды посыпались с кремлевских башен...

И в завершение этой темы можно привести историю с родителями маршала Василевского. Маршал был сыном священника, но еще в 1926 году порвал связь с родителями, так же поступили и его братья. И вот как-то раз, после доклада о положении дел на фронте, Сталин спросил, помогает ли он материально родителям.

— Так вы со священником дела не имеете? — узнав об отношении Василевского к отцу, спросил Сталин. — Как же вы имеете дело со мной? Ведь я учился в семинарии и хотел пойти в попы.

— Вы, товарищ Сталин, Верховный Главнокомандующий.

— Вот что, — сказал тот уже серьезно. — Советую вам установить связь с родителями и оказывать им систематическую материальную помощь. Поезжайте к ним. Мы вас заменим на несколько дней.

Но самый большой сюрприз ждал маршала потом. Василевский узнал, что его отец регулярно получает анонимные денежные переводы. Старый священник был убежден, что посылает их именно Александр Михайлович, потому что суммы были не маленькие, а из всех его детей маршал был наиболее обеспеченным. Василевский не знал, что и думать.

Вернувшись в Москву, он доложил Сталину, что наладил отношения с отцом.

— Это вы правильно сделали. Но со мной вы теперь долго не расплатитесь, — и Сталин вынул из сейфа пачку почтовых переводов.

Конец истории, по правде сказать, напоминает апокриф. Но вот разговор со Сталиным относительно помощи родителям действительно имел место. Более того, через несколько лет тот посоветовал Василевскому взять овдовевшего отца к себе.

Откуда Сталин узнал всю эту историю? Сам маршал думает, что тут не обошлось без Б.М. Шапошникова. Но откуда бы ни узнал, отреагировал совсем не по-ленински...

По ходу войны все постепенно учились воевать — и Красная Армия, и ее генералы, и Верховный Главнокомандующий. Страна разворачивала свой колоссальный военный потенциал. Блицкриг у Гитлера не получился, и теперь время работало против Германии.

Особая тема — и особое направление дипломатии — взаимоотношения внутри стран антигитлеровской коалиции. Вынужденные хоть как-то участвовать в войне, правительства союзников пристально вглядывались и вслушивались, пытались понять: стоит ли помогать

России. Есть ли в этом смысл? Ибо обязательства обязательствами, но зачем вкладывать деньги в помощь государству, которое вот-вот рухнет? Наша же задача была: получить от союзников как можно большую помощь. И в этом перетягивании каната очень многое зависело от самообладания и дипломатических талантов главы СССР. Много снято и написано о Тегеране и Ялте, однако менее известны встречи Сталина с представителями союзных правительств в Москве в 1941 — 1942 годах.

И что еще интересно: в воспоминаниях иностранцев-дипломатов присутствует как бы взгляд со стороны — взгляд людей, у которых нет ни особой любви, ни особой ненависти лично к Сталину, от чего едва ли был свободен кто-либо из советских людей, независимо от того, рабочий это или академик.

Еще в июле 1941 года, чтобы оценить обстановку, в СССР был направлен советник президента Рузвельта — Гарри Гопкинс. Этот человек оставил одно из интереснейших свидетельств о Сталине, которое он опубликовал позднее в журнале «Америкэн».

«Он приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего жеста или ужимки... Он говорил так, как стреляли его войска, — метко и прямо. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете. Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы много лет назад.

Никто бы не смог забыть образ Сталина, как он стоял, наблюдая за моим уходом, — суровая, грубая, решительная фигура в зеркально блестящих сапогах, плотных мешковатых брюках и тесном френче. На нем не было никаких знаков различия — ни военных, ни гражданских. У него приземистая фигура, какую мечтает видеть каждый тренер футбола. Рост его примерно 5 футов 6 дюймов (около 165 см. — *Е.П.*), а вес — около 190 фунтов. У него большие руки и такие же твердые, как его ум. Его голос резок, но он все время его сдерживает. Во всем, что он говорит, чувствуется выразительность.

Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова. Если он хочет смягчить краткий ответ или внезапный вопрос, он делает это с помощью быстрой сдержанной улыбки — улыбки, которая может быть холодной, но дружественной, строгой, но теплой. Он с вами не заигрывает. Кажется, что у него нет сомнений. Он создает в вас уверенность, что Россия выдержит атаки немецкой армии. Он не сомневается, что у вас также нет сомнений».

О том, какое впечатление произвел на американца глава Советского Союза, косвенно можно судить и по тому, что Сталин показался ему более монументальным, чем был на самом деле, — у советских людей возникало совсем другое впечатление, они были как раз обычно поражены тем, что глава государства небольшого роста и рябой. Впрочем, Гопкинс не жил в окружении портретов и статуй, где «вождь народов» был изображен чуть ли не былинным богатырем. Что же касается впечатления, то результатом встречи как раз и была достаточно высокая оценка американским гостем не только главы СССР, но и возможностей самой страны, что было далеко небесполезно.

Несколько по-иному Сталин разговаривал два месяца спустя с руководителями американской и английской делегаций, прибывших Москву на совещание трех держав, — А. Гарриманом и лордом Бивербруком. После первой, ознакомительной встречи разговор зашел о конкретном объеме помощи. «Сталин казался нелюбезным, а по временам равнодушным и обращался с нами довольно жестко, — писал в отчете Гарриман. — Так, например, один раз обратился ко мне и сказал: „Почему это США могут дать мне только тысячу тонн стальной брони для танков, когда страна производит свыше пятидесяти миллионов тонн?“ Когда я попытался объяснить, как много времени нужно, чтобы увеличить производство этого сорта стали, он отмахнулся от этого, сказав: „Нужно только прибавить легирующие сплавы“. (Уж что-что, а вопросы оборонной промышленности глава СССР знал до мелочей! — *Е.П.*)...

Столь же упорно он торговался и по вопросу других поставок».

«...Сталин давал понять, что он очень недоволен нашими предложениями, — писал Гарриман. — Казалось, что он ставил под вопрос наше искреннее стремление помогать. Выглядело так, что он предполагал, будто мы хотим добиться разгрома советского строя Гитлером. Он высказывал свои подозрения весьма откровенно». Более того, Сталин сказал открытым текстом: «Скудость ваших предложений явно свидетельствует о том, что вы хотите добиться поражения Советского Союза».

Позднее подобное поведение — и с Гопкинсом, и с Гарриманом — назовут блефом, желанием произвести впечатление уверенности в победе, когда враг стоит у ворот. Но едва ли это так. Скорее всего, Сталин с самого начала не позволял себе даже допустить возможность поражения, и эти его невероятная стойкость и уверенность передавались по цепочке подчиненным. Раз Сталин уверен в победе, значит, не все потеряно. Значит, так тому и быть. История знает немало случаев, когда сражения выигрывал не тот, кто сильнее, а тот, кто крепче духом, и 1941 год — один из таких примеров.

В августе 1942 года СССР посетил Черчилль. Встреча была непростой, полной взаимных претензий и упреков. Тем не менее Черчилль вполне оценил собеседника, и, выступая после этой поездки в палате общин, сказал: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий, твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре... Прежде всего, Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций и в особенности для великих людей и великих вождей. Сталин произвел на меня впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода». Это свидетельство особо ценно тем, что это свидетельство равного, причем отнюдь не доброжелательно настроенного человека.

По мере того, как становилось ясно, что СССР справится с Гитлером и в одиночку, весовые категории внутри блока несколько менялись. Вот что вспоминал Громыко, участвовавший в конференции в Тегеране в 1943 году.

«Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотом его мысли, за меткими суждениями, шутками. Все сознавали, что он высказывал мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве здания мира.

Выступал или делал замечания премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он на «ты» не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей. Тем не менее, как-то само собой получалось, что все присутствующие — и главные, и не главные участники — фиксировали взгляды на Сталине... И вот тихо, как бы между прочим, начинал говорить Сталин. Он говорил так, как будто, кроме него, присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой шероховатости в изложении мысли у него не было. Каждое слово у него звучало так, как будто было специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент...

Бросалось в глаза, что Рузвельт и Черчилль неодинаково реагируют на заявления Сталина: спокойно и с пониманием — Рузвельт и со строгим выражением лица, а то и с выражением плохо скрываемого недовольства — Черчилль».

На этой конференции произошел и открытый конфликт, когда лоб в лоб столкнулись две воли. С самого начала войны Сталин упорно добивался от союзников прямого ответа: когда они откроют второй фронт, когда начнется высадка союзников в Европе. Черчилль же упорно уходил от ответа — как раньше, так и на конференции. И в какой-то момент Сталин не выдержал, случилась одна из тех вспышек, которые он упорно подавлял, но не всегда мог подавить. Прервав разговор, он поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

— У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я

вижу, не получается.

Если бы они были не на конференции, а в воздушном бою, это означало бы, что Сталин пошел на таран — лоб в лоб. И Черчилль не выдержал — отвернул.

— Маршал неверно меня понял. Такую дату можно назвать — май сорок четвертого...»
...А потом была Ялта — это уже февраль 1945 года, до Победы — три месяца. Черчилль вспоминал, что когда советский лидер входил в зал Ялтинской конференции, то все, в том числе и западные лидеры, вставали, держа руки по швам. Почему? Никто из них не понимал. И вот как-то раз Черчилль решил остаться сидеть, но все равно встал, повинуясь, как он говорил, какой-то «сверхъестественной силе».

И снова, как всегда, Сталин показал себя мастером нюанса. Еще в 1944 году он дал задание армянским виноделам — срочно изготовить хороший коньяк. Ничего себе, правительственный заказ в разгар войны! Однако задание дано — значит, надо выполнять, тем более что глава государства время от времени интересовался: а как там коньяк? Как оказалось, такое же задание получили и другие винодельческие республики. И вот к назначенному сроку все изготовленные коньяки доставили в Москву, Сталин лично их продегустировал и выбрал армянский. Как оказалось, это задание и эта спешка нужны были для того, чтобы успеть к Ялтинской конференции. Коньяк имел огромный успех. Черчиллю он настолько понравился, что британский премьер до конца жизни ежегодно покупал целый вагон. А СССР получил еще один козырь в свою колоду: страна, которая в разгаре такой страшной войны занимается еще и разработкой сортов коньяка... Неужели она еще сильнее, чем кажется? Вот тебе и «колосс на глиняных ногах»!

...Во внутренней политике тоже происходили перемены. Все предвоенное десятилетие страна постепенно дрейфовала от интернационализма к русскому патриотизму. Интересно, что Сталин, для которого внешний блеск, ордена, мундиры, чествования и прочее ничего не значили, всегда придавал большое значение внешней атрибутике, прекрасно понимая, насколько она важна для людей. Чего стоит один парад 7 ноября 1941 года в осажденной Москве! А потом, в самое напряженное время, в разгар войны, затеяли изменение формы, ввели погоны, хотя фронтовики далеко не были в восторге: тоже, нашли время для цацек... Вскоре родилось еще одно нововведение.

5 августа, после взятия Орла и Белгорода, Сталин собрал членов Ставки. «Читаете ли вы военную историю? — обратился он к собравшимся. Те ошарашенно молчали, не понимая, куда клонит Верховный. А тот между тем продолжал: — Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию...» С этого дня победы наших войск стали отмечать салютами.

В 1943 году был распущен Коминтерн, и встал вопрос о новом Гимне страны — до сих пор в качестве Гимна использовался «Интернационал». Шел октябрь 1943 года. Четыре ночи напролет правительственная комиссия — Сталин, Молотов, Ворошилов и Маленков в Бетховенском зале Большого театра слушали гимны и марши разных стран. С особым вниманием Сталин слушал «Боже, царя храни». Настроившись таким образом на нужную волну, 1 ноября провели конкурс, на котором прозвучало 14 вариантов музыки, принадлежавших разным композиторам. Формально все решала комиссия, но в музыке из четверых ее членов понимал один Сталин.

После исполнения в ложу пригласили авторов.

— Вот, товарищи композиторы, — сказал Сталин. — Прослушали мы последние гимны. Есть у нас свое мнение, но хотелось бы прежде, чем принять окончательное решение, посоветоваться с вами. Кажется нам, что величию Страны Советов больше всего соответствует гимн профессора... — и он кивнул в сторону Александрова.

Текст Гимна тоже не обошелся без особого внимания вождя, более того, Сталин лично его отредактировал, не нарушив ни размера, ни рифмы. Гимн после этого стал лучше, легче

петься — не зря его высокопоставленный редактор в свое время изучал церковное пение и столько часов провел в хоре.

...И все это в самый разгар войны!

Ну и, конечно, по части внешних эффектов ни с чем не сравним был Парад Победы. Сталин даже пожертвовал своим неоспоримым правом Верховного принимать его. Для парада были подготовлены два великолепных белых коня. Однако сам он верхом ездил плохо. Во время одной из репетиций конь потащил неумелого седока, тот упал и ушибся. А когда встал — плюнул в сердцах и сказал: «Пусть Жуков принимает парад — он старый кавалерист». И потом на совещании отстаивал эту кандидатуру, несмотря на возражения собравшихся, которые единодушно считали, что принимать Парад Победы должен Сталин.

Верховный заслушан всех, прошелся по кабинету и, нахмурившись, сказал:

— Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную Площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

— Почему обязательно на коне? — стали возражать маршалы. — Президент США Рузвельт — тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

— Рузвельт — другое дело, — возразил Сталин. — У него ноги парализованы были, а у меня, слава богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. Традиция! Есть у нас два маршала-кавалериста — Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает...

На следующий день после парада Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза. Однако он принять Звезду Героя отказался, сказав, что он не подходит под статус Героя — это звание присваивают за лично проявленное мужество, а он такого мужества не проявил. С этим, конечно, можно бы очень даже поспорить. Припомнив хотя бы октябрь 1941 года, но тут он уперся намертво: нет, и все!

Та золотая звезда, с которой его рисовали на портретах и которую он носил постоянно, — это звездочка Героя Социалистического Труда. Уж ее-то он, безусловно, заслужил, и не один раз — это во-первых. А во-вторых, рассказывают, что в день 60-летия, когда Сталину было присвоено это звание, Звезду ему к кителю прикрепила Светлана, а на Востоке есть такой обычай: что сделала женщина, так тому и быть.

Еще больший торг начался вокруг звания генералиссимуса. Несколько раз обсуждался этот вопрос, и каждый раз Сталин отказывался. Наконец, потеряв терпение, он заговорил о себе — как иногда в таких случаях бывало — в третьем лице.

— Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса. Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина — генералиссимус. Чан Кайши — генералиссимус, Франко — генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы?

Но все-таки его дожали. Рассказывают, что последней соломинкой, сломавшей спину верблюда, были слова Рокоссовского: «Товарищ Сталин, вы маршал и я маршал, вы меня наказать не сможете!» Плюнул и согласился. Очень, кстати, потом жалел...

Но от новой формы он все-таки сумел отбиться. Начальник тыла Хрулев все время что-то изобретал, и вот однажды сшили три варианта формы генералиссимуса, одели троих молодцов, и Хрулев привел их в приемную. Форма, надо сказать, была в духе галантных времен: накидки с алой атласной подкладкой, золотые эполеты, галуны и прочие прикамбасы. Сталин вышел из кабинета, глянул:

— Это что за павлины?

Узнав, что ему предлагается выбрать из трех попугайных костюмов вариант для себя, послал подальше всех вместе с Хрулевым. Так и остался в маршальской форме...

Отбил он и попытку выставить себя в качестве освободителя Европы от фашизма. Когда после Победы решено было поставить в Берлине соответствующий памятник,

Ворошилов ненавязчиво посоветовал скульптору Вучетичу, получившему этот почетный заказ, сделать памятник Сталину. Тот, естественно, выполнил совет. Однако был у него и еще один проект — «Воин-освободитель», на сюжет о советском солдате, спасшем немецкую девочку во время штурма Берлина. И вот оба эскиза выставили в Кремле. Вокруг первого монумента собралась толпа. Вскоре появился Сталин. Подошел к скульптуре, посмотрел. Повернулся к автору, сделал жест рукой с трубкой.

— Слушайте, Вучетич, вам не надоел этот... с усами?

— Это пока эскиз, — пояснил кто-то.

— Автор был контужен на фронте, но не лишен языка, — с ехидцей отпарировал Сталин и показал на вторую фигуру. — А это что?

— Это тоже эскиз, — ответил скульптор.

— Тоже и... кажется, не то же. Покажите...

Так в центре Берлина появился знаменитый монумент. Кстати, в варианте Вучетича воин был с автоматом, а знаменитый монумент, когда воин с мечом в руках попирает свастику, появился после «редактирования» эскиза Сталиным. Правда ведь, так лучше?

Дети Верховного и война

... Как-то раз в конце 30-х годов Сталин собрал сыновей — двоих родных и приемного — и сказал:

— Ребята, скоро война, и вы должны стать военными.

Ни один даже не подумал возразить. Яков и Артем пошли в артиллерийские училища, Василий стал летчиком. Судьбы их сложились по-разному, но все три сына главы государства воевали. Артем отслужил всю войну в артиллерии, закончил ее командиром полка и после войны продолжал службу. Судьбы родных сыновей вождя сложились более драматично.

Яков, имевший высшее образование, поступил в Московскую артиллерийскую академию, после окончания которой получил звание старшего лейтенанта и был назначен командиром батареи 14-го гаубичного артполка. Было это в мае 1941 года, как раз в том самом мае, когда состоялся досрочный выпуск курсантов военных училищ, в преддверии войны. 4 июля их полк попал в окружение, и вскоре Яков оказался в плену. Немецкая пропаганда утверждала, что он сам сдался, но на то она и пропаганда. На самом деле Яков попал в плен, как и миллионы других бойцов и командиров Красной Армии, в неразберихе первых недель войны. Из протоколов его допроса немцами вырисовывается картина, типичная для хаоса окружения.

« — Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

— Не добровольно, я был вынужден... Когда нам стало ясно, что мы окружены, в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они просили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались. Я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил...»

« — ...Но раньше ведь у вас говорили: из страха перед пленом красноармейцы лучше застрелятся.

— Я должен высказаться по этому вопросу откровенно: если бы мои красноармейцы отступили, если бы я увидел, что моя дивизия отступает, я бы сам застрелился. Так как отступить нельзя.

— Почему же солдаты покинули вас?

— Нет, это были не мои солдаты. Это была пехота.

— ...Зачем вы надели гражданскую одежду?

— ...Потому что я хотел бежать к своим... Все те, кто после этого окружения разбежались, начали переодеваться, и я тоже дат себя уговорить это сделать...»

« — ...Я не хочу скрывать, что это позор, я не хотел идти, но в этом были виноваты мои друзья, виноваты были крестьяне, которые хотели меня выдать. Они не знали точно, кто я. Я им этого не сказал. Они думали, что из-за меня их будут обстреливать.

— Ваши товарищи помешали вам что-либо подобное сделать или и они причастны к тому, что вы живым попали в плен?

— Они виноваты в этом, они поддерживали крестьян. Крестьяне говорили: «Уходите!» Я просто зашел в избу. Они говорили: «Уходи сейчас же. А то мы донесем на тебя!» Они уже начали мне угрожать. Они были в панике. Я им сказал, что и они должны уходить, но было поздно, меня все равно поймали бы. Выхода не было. И так, человек должен бороться до тех пор, пока имеется хотя бы малейшая возможность, а когда нет никакой возможности, то... крестьянка прямо плакала, она говорила, что убьют ее детей, сожгут ее дом».

« — ...Разве это позор для солдата — попасть в плен? Или же он думает, что его семья будет иметь из-за этого неприятности?

— Нет, никаких неприятностей. Мне стыдно, мне! ...Мне стыдно перед отцом, что я остался жив».

В этих разрозненных обрывках — все: хаос отступления, паника, растерянность, и все очень похоже на правду.

Немцы, как могли, использовали имя Якова в своей пропаганде и всячески пытались склонить к сотрудничеству. Его отправили в Берлин, поселили в роскошном отеле «Адлон» в компании грузин-эмигрантов. Однако ничего у них не вышло, и в начале 1942 года Якова перевели в концентрационный лагерь «Офлаг XIII-Д» в Хаммельбурге, где продолжали «обрабатывать», но по-прежнему тщетно. Тогда его отправили в Заксенхаузен, в специальное отделение, где находились родственники высокопоставленных лиц стран антигитлеровской коалиции и другие важные заключенные.

Отношения в лагере были не сказать чтобы очень дружеские. «Цивилизованные» и «нецивилизованные» военнопленные не желали понять друг друга. Англичане вставляли перед немцами по стойке «смирно» — в глазах русских это было признаком трусости. Русские вели себя вызывающе — за это, не разбирая, наказывали весь барак. 14 апреля 1943 года произошла очередная ссора, перешедшая в драку. Англичане обвинили русских в «нечистоплотности», один из них ударил Якова кулаком по лицу. И тогда тот сорвался. Вечером, вместо того чтобы идти в барак, он бросился в запретную зону. Поставил ногу на проволоку, схватился за провод и закричал: «Часовой! Вы же солдат, не будьте трусом, застрелите меня!» Часовой выстрелил — пуля попала Якову в голову. Он был убит на месте.

Незадолго до смерти Яков просил одного из товарищей по плену передать отцу, что он остался верен воинскому долгу и все, что состряпала фашистская пропаганда, — ложь.

Естественно, Сталин сразу же узнал о том, что его сын попал в плен, однако не сделал ничего, чтобы выволить его оттуда. Он остался верен себе: Яков был не более чем одним из десятков тысяч пленных офицеров, и ему не положено было особое отношение. Однако вскоре немцы сами проявили инициативу. После Сталинградской битвы Сталин получил через шведский Красный Крест предложение обменять Якова на фельдмаршала Паулюса. Официально он ответил: «Солдата на маршала не меняю». Своим он сказал иначе: «Там все мои сыны».

В соответствии с законами военного времени жена Якова Юлия была арестована осенью 1941 года. Освободили ее весной 1943 года — по-видимому, когда удалось проверить утверждения немцев о том, что Яков пошел на сотрудничество, а также когда было доказано, что к пленению мужа она не имеет отношения.

Рассказывают, что в 1945 году, во время Потсдамской конференции, Сталину предложили поехать в Заксенхаузен, взглянуть на место гибели сына.

— Я приехал сюда не по личным делам, — ответил он. И не поехал.

Как положено в такой ситуации, появилось и множество легенд о чудесном спасении Якова из плена. Согласно одним, его все-таки каким-то образом удалось освободить, и кто-то после войны его где-то видел. Существует и очень красивая итальянская легенда, что сын

Сталина бежал из плена, попал в Италию, сражался в партизанском отряде, где его называли «капитан Монти», женился на итальянке и погиб уже в конце войны, оставив двоих детей — сына и дочь.

В 1977 году Яков Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Впрочем, едва ли его отец подписал бы это представление. Точно бы не подписал...

Совсем другим человеком был Василий. Если Яков пошел в армию, повинуюсь воле отца, то младший сын Сталина иной судьбы для себя и не желал. С детства влюбленный в моторы, он, едва окончив десятый класс, поступил в Качинскую авиашколу. В то время быть летчиком считалось престижным — в авиации служили сыновья Микояна, Тимур Фрунзе, Рубен Ибаррури, Леонид Хрущев и многие другие «кремлевские дети» — попробовал бы кто-нибудь из высокопоставленных отцов укрыть сына от фронта, когда у главы государства все трое воевали!

В авиашколе Василий находился под охраной и надзором ведомства Берии. Под охраной — понятно почему, а под надзором — поскольку Сталин лично попросил Берию проследить, чтобы «советский принц» не организовал себе в школе особого режима. Сталин хорошо знал сына — сразу же по прибытии тот потребовал себе особую комнату и даже особую кухню и незамедлительно все это получил. Правда, Берия тут же эту практику прекратил, приказав перевести Василия в казармы. Сталин регулярно запрашивал сведения об успехах сына, снова и снова требуя, чтобы тому не было никаких послаблений. Впрочем, несмотря на все свои художества, учился Василий хорошо и был влюблен в свою авиацию. На многие годы их общение с отцом теперь сводилось к обсуждению авиационных дел.

Дисциплина у Василия хромала на обе ноги, теорию он не любил, зато обожал практику и отчаянно сражался с перестраховщиками-руководителями за право летать, не стесняясь при необходимости апеллировать к отцу. В марте 1940 года он с отличными оценками закончил школу, получил звание лейтенанта и был назначен летчиком в истребительную часть на самолет «И-15». Художества свои он не прекратил, тем более что тут же служил старый приятель — сын Микояна, с которым они пили и развлекались, как душа пожелает.

Долгие годы о том, что за человек был Василий, судили по мемуарам его сестры. Однако это не тот источник, которому можно доверять безоговорочно. Светлана с самого детства терпеть не могла брата и, не отличаясь особым чувством справедливости, ничего хорошего о нем не писала. Впрочем, нет никакого сомнения, что Василий пил и куролесил, как... как летчик-истребитель — умеренных и аккуратных в истребительной авиации было мало, не та профессия.

Как раньше за право летать, теперь Василий вел отчаянное сражение за право воевать. С первых же дней его, учитывая неуправляемый характер, от греха подальше убрали из боевой авиации, назначив инспектором-летчиком, а затем начальником инспекции ВВС КА. Там он прослужил до января 1943 года. Сидя без дела в инспекции, Василий и начал по-настоящему пить. «Я часто задумываюсь над вопросом, где истоки той страшной беды Василия, которая называется алкоголизмом, — писал впоследствии Владимир Аллилуев. — Я вижу ее в одном: его нельзя было держать в тылу, в этой Инспекции тем более. Человек он был активный, моторный, смелый. Летал прекрасно, на фронт рвался, и его место было там, он тяготился своим тыловым положением и страдал оттого, что люди думают, что он хорошо устроился за отцовской спиной. Пить он начал именно тогда, когда работал в Инспекции».

И не только пить. Вскоре Василий познакомился с киношниками и на семейной сталинской даче начал устраивать «богемные» кутежи, в которых принимали участие кинорежиссер Кармен с женой, известной красавицей Ниной, Симонов, артистки Серова и Целиковская и тот самый «пострадавший от Сталина» Каплер. О том, что это была за публика, говорят эпитеты Радзинского. Каплера он назвал «главным сердцеедом столицы», а Кармена — «плейбоем».

Именно к тому времени относится известный анекдот о Василии и Нине, жене Кармена. Василий близко сошелся с этой далеко не самого строгого поведения красавицей.

Кармен обиделся и написал жалобу Сталину. Что было дальше, рассказывает Артем Сергеев (и, должно быть, не без обычных своих чертиков в глазах).

«Сталин вызвал генерального прокурора и дал указание насчет своего сына:

— Судить мерзавца по закону!

Главный законник страны вызвал Василия:

— У вас живет жена Кармена?

— Живет.

— А почему она у вас живет?

— Сам не знаю.

— Почему вы ее не отпускаете?

— Так пусть уходит. Пожалуйста!

Когда отцу доложили об этом разговоре, он покачал головой, приговаривая: «Вот подлец!» И синим карандашом была продавлена такая резолюция: 1. Эту дуру вернуть Кармену 2. Полковника Василия Сталина посадить на 15 суток строгого ареста»

А ведь Василий к тому времени был уже три года как женат. В 1940 году он встретил красавицу Галину Бурдонскую и с налету женился, отбив, кстати, ее у друга. Сталин по этому поводу писал сыну: «Женился, черт с тобой! Если хорошая девушка — мы ее все будем любить. Мне только ее жаль, что она вышла за такого идиота, как ты». Вскоре у молодых родился сын. Когда начались кутежи и пьяные безобразия в Зубалово, Галина ушла от мужа, но потом они помирились, в 1943 году добавив к сыну еще и дочку.

В конце концов, узнав о том, что происходит в Зубалово, Сталин всех оттуда выгнал и приказал закрыть дачу. Зато Василий наконец отправился на фронт. В январе 1943 года Инспекция была расформирована и его назначили командиром 32-го гвардейского истребительного авиаполка, где он полноценно воевал, на равных с прочими летчиками, ибо в воздушном бою «особых» людей нет, все равны. Можно о нем говорить разное, но ни один, даже самый явный недоброжелатель не сможет отрицать, что это был человек беззаветной храбрости.

Правда, Василий недолго командовал полком. В марте 1943 года с ним произошел несчастный случай. В конце месяца полк перебазировали в Подмосковье — для отдыха и переформирования, и командир решил отметить начало отдыха рыбной ловлей. Ловили рыбу, естественно, не удочками, а глушили ее реактивными снарядами — обычное, в общем-то, дело. Один из снарядов взорвался в руках полкового инженера — тот погиб, Василий и еще один летчик получили ранения. Это был типичный фронтовой несчастный случай, и если бы на месте Василия был любой другой командир... но поскольку речь шла о сыне, то Сталин пришел в ярость и снял Василия с должности «за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк». После госпиталя Василий какое-то время жил у родственников и горько жаловался двоюродному брату: «Этими руками только чертей душишь, а я сижу здесь, в тылу!»

Однако в автобиографии Василий пишет, что он служил командиром полка до декабря 1943 года — по-видимому, чувство справедливости все-таки победило, и Верховный простил сына. Летом 1944 года он уже командир дивизии. Это была генеральская должность, тем не менее генералом Василий Сталин стал лишь в 1946 году, при том что звание полковника было ему присвоено еще в 1942-м — дальнейшее производство тормозил отец. И лишь при третьем представлении Сталин недоверчиво спросил министра обороны: «Вы что, действительно считаете, что он достоин?» — и подписал представление.

...Зубаловские кутежи сыграли роковую роль не только в жизни Василия, но и в судьбе его сестры. Именно там шестнадцатилетняя Светлана познакомилась с сорокалетним кинорежиссером Алексеем Каплером, «главным сердцеедом столицы». Девочке было скучно, и Каплер развлекал ее и по-своему «воспитывал», как может воспитывать неискушенного подростка сорокалетний и, мягко говоря, поживший мужчина. Он водил ее смотреть иностранные ленты, давал читать «взрослые» книги о любви, встречал после школы — они гуляли по улицам, целовались в пустой квартире, а за ними ходил вездесущий

охранник. Да, вряд ли СССР был «страной ужаса», если в нем богемный ловелас мог так спокойно и бесстрашно совращать дочь главы государства.

Что произошло дальше? Считается, что Сталин дал указание прекратить этот роман, и Каплера арестовали и выслали на север. В общем-то, учитывая кавказский менталитет, отец девочки поступил с ним весьма мягко. Но есть основания сомневаться даже в этом, и основания эти дает простое сопоставление дат.

3 марта утром, как вспоминает Светлана, к ней в комнату вошел отец. Таким разгневанным она еще никогда его не видела — от ярости он почти не мог говорить. «Где, где это все? — спросил он, — где все эти письма твоего писателя? Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер — английский шпион, он арестован!»

— А я люблю его! — выкрикнула Светлана.

— Любишь! — и отец, впервые в жизни, ударил дочь, дав ей пощечину. — Подумайте, няня, до чего она дошла! Идет такая война, а она занята ...! — он очень конкретно определил, чем занята дочь, и продолжал: — Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна! У него повсюду бабы, дура!»⁷

В общем, Сталин вел себя как обычный отец, который внезапно узнает, что его юная дочь крутит роман с немолодым мужиком, да еще и записным бабником. Думаю, большинство отцов в такой ситуации вели бы себя так же, а то и еще покруче. Но здесь интересно другое. Судя по ярости Сталина, он явно только что узнал об этом романе. А ведь Каплер был арестован накануне! Похоже, в этом деле вполне обошлись без Сталина, сообщив ему, когда все уже было сделано. Скорее всего, дело обстояло так: Светлану постоянно сопровождал охранник, который доложил о происходящем по начальству, и Власик, со дня смерти Надежды опекавший семью, распорядился сам и только потом уже доложил главе государства. А с чего, спрашивается, Светлана так не любила Власика, что даже спустя много лет, вспоминая о нем на страницах своей книги, теряла выдержку?

А с другой стороны — на что, спрашивается, рассчитывал человек, крутивший такой роман? Совратить дочь главы государства и ничем за это не поплатиться? Кстати, Каплер отделался достаточно легко: его всего-навсего выслали на пять лет на север, где он вполне успешно проработал весь срок в драматическом театре.

Но Светлана всего этого не понимала. С того дня их отношения с отцом разладились: этой сцены и подобного вмешательства в свою жизнь избалованная девочка так и не простила.

Весной 1943 года Светлана закончила школу и по настоянию отца поступила на исторический факультет университета. С ее поступлением связан забавный анекдот. Сыновьям Сталин никогда не позволял использовать свое имя, чтобы получить какие-либо привилегии, но для дочери сделал послабление. Светлана опоздала подать документы в приемную комиссию. В тот же день отец спросил ее, думает ли она учиться дальше, и девушка рассказала ему о своей неудаче.

— А ты пойдешь к председателю приемной комиссии и хорошенько попроси его. Я думаю, тебе помогут, — ответил Сталин.

Она так и поступила. Председатель объяснил, что, к сожалению, ничем помочь не может: порядок есть порядок.

— А папа сказал, что вы мне поможете, — растерянно проговорила Светлана.

— У вас, видимо, очень грозный папа, — улыбнулся тот и поинтересовался наконец фамилией неудачливой абитуриентки. Надо ли говорить, что председатель, как и говорил «папа», помог девушке...

⁷ Этот эпизод приведен в воспоминаниях Светланы. На его основании бытует мнение, что дочь Сталина была некрасива. Но в воспоминаниях других людей говорится, что она была хороша собой. Как писала Марфа Пешкова, ее подруга: «Рыжая, зеленоглазая — чудо!» Ну, правда, с веснушками... Так что, скорее всего, фраза отца была произнесена исключительно «в целях воспитания».

А весной 1944 года, совершенно излечившись от тоски по Каплеру, Светлана вышла замуж за старого приятеля Григория Морозова, бывшего одноклассника Василия. Сталин не возражал против брака, однако наотрез отказался знакомиться с мужем дочери. Светлана позднее утверждала, что причиной тому национальность мужа — он был еврей. Однако не все так просто, как хотелось бы нашим защитникам обиженных и угнетенных.

Сама же Светлана вспоминает, что Сталин, узнав о будущем браке дочери, сказал: «Слишком он расчетлив, твой молодой человек. Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют — а он, видишь, в тылу окопался». Молодым дали квартиру в городе, и они стали жить сами по себе. Вскоре у них родился сын, которого назвали Иосифом.

Слова о «расчетливости» подтвердились даже скорее, чем хотелось бы Светлане. Их дом заполнила родня мужа с многочисленными просьбами: от бесплатно пошить костюм в кремлевском ателье до устроить очередного родственника на хорошее место. Но у Сталина принципы были жесткие: он и своих-то детей на теплые места не пристраивал. Когда выяснилось, что брак не столь выгоден, как казалось, отношения между молодыми стали разлаживаться, и через три года они развелись. Как к браку дочери, так и к ее разводу Сталин не имел ни малейшего отношения.

Чтобы не возвращаться больше к этой теме, надо бы рассказать, как сложилась последующая судьба детей Сталина. В 1948 году Василий стал командующим ВВС Московского военного округа. Дело свое он знал и выполнял его превосходно. В рекордные сроки были построены новые аэродромы взамен разоренных немцами, налет летчиков составлял три нормы — теперь умение Василия выкладывать свою фамилию на стол как козырного туза очень пригодилось. Кстати, он лично готовил прославившуюся в Корее дивизию Кожедуба, месяц не вылезая из лагеря. Однако летом 1952 года Сталин все-таки приказал снять его с округа за пьяную выходку. То есть выходка была не то чтобы очень ужасная — то ли он матерился в эфире, то ли явился на «отмечание» Дня авиации в соответствующем случае виде. Обычного командующего Сталин вряд ли стал бы снимать — если, конечно, тот с округом справлялся. В Красной Армии в то время пили в точности по известному фильму: «Батя, что ж это вы так нарезались? Ну взяли литр, ну два, но зачем уж так-то...» Однако он сыну не простил. Впрочем, Василий выдержал удар и вскоре поступил в Академию Генерального штаба.

К тому времени он был женат уже в третий раз. Падок был на женскую красоту, что ты с таким сделаешь... В 1946 году Василий встретил красавицу дочь маршала Тимошенко и женился на ней, Галину же выгнал из дома, оставив детей у себя и запретив матери видеться с ними. Екатерина тоже родила двоих детей, но уже в 1949 году Василий встретил Капитолину Васильеву и женился в третий раз, удочерив ее дочь от первого брака. Трудно сказать, куда завела бы черноволосого красавца-генерала любовь к женскому полу, однако дни его на свободе были уже сочтены.

Как-то раз Василий сказал своей первой жене, упрекнувшей его, что он пьет: «Галка, ты меня тоже пойми, ведь я жив, пока жив отец!» И в самом деле, сразу же после смерти Сталина его уволили из армии и тут же арестовали, раздув до подсудных размеров обычную для любого генерала того времени финансовую небрежность и своеволие. Дали восемь лет за «преступную халатность», а также по «самой бытовой из бытовых» 58-й статье — язык-то он на привязи держать не умел. Василий отсидел почти весь срок, освободившись лишь в 1960 году. Ему очень настойчиво рекомендовали сменить фамилию, однако сын Сталина категорически отказался. Хрущев также попросил его написать «мемуары» — как отец безобразно вел себя в семье, как издевался над сыном, на что Василий ответил: «Все вы, вместе взятые, не стоите ногтя моего отца!»

В апреле 1960 года его вернули в тюрьму досиживать срок. Освободился Василий в 1961 году.

Ему, не спрашивая согласия, выдали паспорт на фамилию Джугашвили и отправили на жительство в Казань, где он вскоре умер при достаточно странных обстоятельствах. Его семья до сих пор уверена, что его убили. Да, кстати, осенью 1999 года Военная коллегия

Верховного суда по протесту Главной военной прокуратуры полностью реабилитировала Василия Сталина по статье 58-10, а статью касательно «преступной халатности» (даже злоупотреблений не накопили!) переквалифицировала на более мягкий ее пункт, «без отягчающих обстоятельств». Реабилитации добились друзья-летчики, которые помнили о своем боевом товарище почти пятьдесят лет.

Светлана, разойдясь с Морозовым, вышла замуж еще один раз — за Юрия, сына Жданова. И тоже неудачно. В отличие от ее первого мужа, Юрия Сталин любил, однако на решение дочери жить в семье мужа отреагировал прямолинейно: «Тебя там бабы съедят!» И действительно «съели». Семья нового мужа оказалась приземленно-мещанской, и дочь Сталина в ней не прижилась. Но она и сама была в смысле совместного проживания, как вспоминают ее дети и внуки, далеко не подарок.

От второго брака у Светланы родилась дочь. Уйдя от Ждановых, возвращаться в кремлевскую квартиру она не захотела. Сталин еще раз изменил своим правилам — все-таки речь шла о женщине. Светлана получила квартиру в городе, однако отец ей при этом сказал, что ни казенной дачей, ни казенной машиной она пользоваться больше не будет. Но, правда, дал ей деньги на машину, чем Светлана была вполне довольна. Она стала жить одна с двумя детьми, сыном Иосифом и дочкой Катей.

Как сложилась ее жизнь в первые десять лет после смерти отца, известно мало. Однако когда Василий после своего «промежуточного» освобождения в 1960 году встречался с Ворошиловым, тот все время, к месту и не к месту говорил: сестра твоя живет правильно, ведет себя хорошо. Что это означало, можно догадаться по дальнейшему диалогу. На вопрос, встречается ли он со Светланой, Василий взрывается: «Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра. Я никогда не отказывался и не откажусь от отца! Ничего общего у меня с ней не будет».

По крайней мере, она послушно изменила фамилию, став Аллилуевой. Хрущев относился к ней чрезвычайно тепло — едва ли это может послужить к чести Светланы. За «хорошее поведение» с ней хорошо расплатились: Хрущев лично дал согласие на ее брак с индийским журналистом, а уже при Брежневем она, после смерти мужа, достаточно легко сумела покинуть Советский Союз и опубликовала за границей свои мемуары. Вскоре она переехала в США, где вышла замуж за архитектора Питерса, от брака с которым в 1971 году родилась дочь Ольга, а уже в 1972 году они развелись. В 1984 году она вернулась в СССР — правда, ненадолго. Характер у Светланы оказался властный и склочный, выросшие дети ее не радовали, на родине тоже не понравилось. Надежда, дочь Василия, охарактеризовала ее так: «Вот уж в ком уживается удивительная способность красиво писать и делать в жизни все по-другому». Прожив на родине всего два года, Светлана Аллилуева вернулась на Запад. Последнее, что о ней известно, — то, что она несколько лет назад жила в Англии, не то в приюте для престарелых, не то на пособие по бедности.

После войны

Это может показаться странным, но о последних годах жизни Сталина очень мало известно. Даже о его молодости мы знаем гораздо больше, хотя никто особо не заботился о том, чтобы зафиксировать события его жизни, жизни активиста малоизвестной партии. О последних же годах жизни «вождя народов» информации вроде бы море, но она опять не в логике характера. Что мы знаем? Был болен, врачам не доверял, прогрессирующая подозрительность, мания преследования, собрался поубивать все Политбюро по очереди и т. п. ... Но на самом-то деле, если проследить, откуда идет информация, то почти вся она из трех источников: воспоминания Хрущева, Микояна и Светланы Аллилуевой, самые большие и подробные рассказы, да еще и такие эмоциональные! В том-то и дело, что очень эмоциональные и запоминающиеся — ну а как с достоверностью?

Что касается хрущевских мемуаров, то при сопоставлении этого труда с другими источниками видно, что в них нельзя верить ни одному слову, и это не преувеличение — в

них на самом деле нельзя верить ни одному слову! Микоян, добросовестно колебавшийся вместе с генеральной линией партии и усидевший «от Ильича до Ильича», тоже явно идет в русле хрущевских выдумок, перекликаясь с Никитой Сергеевичем. С большими оговорками можно доверять и Светлане. Странно сложилась ее судьба после смерти отца: в отличие от брата, никакие репрессии дочери Сталина не коснулись, более того, ей беспрепятственно позволили выйти замуж за иностранца и покинуть страну — чем-то же все это было оплачено! Какие услуги она могла оказать правительству?

Других же свидетельств крайне мало, и они четко делятся на две категории: мемуары людей команды Хрущева и разрозненные, случайные воспоминания прочих.

Тут тоже все непросто. Перед тем как иметь дело с источником, надо очень внимательно смотреть: а кто автор и какое положение он занимал при незабвенном Никите Сергеевиче, потому что это положение тоже должно было быть оплачено.

Чем оплачивались назначения при Хрущеве? В том числе и так: маршал Рокоссовский к моменту начала антисталинской кампании занимал пост заместителя министра обороны. И когда все это началось, его попросили написать что-нибудь о Сталине, естественно, в определенном, нужном Хрущеву ключе. Маршал отказался наотрез. На следующий день, приехав на службу, он застал в своем кресле маршала Москаленко. Рокоссовского даже не соизволили предупредить...

Так это делалось. И поэтому, сталкиваясь со свидетельствами очевидцев, надо очень внимательно смотреть, чьи это свидетельства.

Впрочем, интересно не это. В конце концов вранье Никиты Сергеевича и его присных всегда можно вычленишь: во-первых, все они говорят одно и то же, а во-вторых, интонация заказной лжи, если это делает непрофессионал, всегда отличается от интонации подлинных воспоминаний. А вот что на самом деле интересно: даже твердокаменный Молотов, когда речь заходит о послевоенных годах, начинает крутить, вилять и явно чего-то недоговаривает. Даже прямой, как железнодорожная колея, Каганович, едва доходит до этого времени, умолкает.

Есть, правда, еще архивы. Запутанные, засекреченные, наполовину недоступные. Архив самого Сталина ищут до сих пор. Ищут, ищут — не найдут... Есть свидетельства, что при Хрущеве было уничтожено несколько составов архивных документов. Составов — в смысле, железнодорожных. Так что в качестве свидетельства времени остались одни мемуары Никиты Сергеевича и его сподвижников о том, что «вождь народов»-де из ума выжил. А вдруг не выжил? А вдруг он был так же нормален, как и перед войной и раньше, и очень хорошо знал, что делал? А кстати — что он делал-то?

Великая война, стоившая колоссального напряжения всех сил, окончилась. Не зря маршалы так упорно уговаривали Сталина принять звание генералиссимуса, в этом не было ни грамма подхалимажа. Можно сказать, что Сталин вынес победу в этой войне на своих плечах — и кому, как не военным, было это знать.

Между тем жизнь не позволяла расслабляться. Страна была разорена жесточайшей войной. Погибло, по разным данным, от 20 до 30 миллионов человек. Но и оставшихся было нечем кормить. Европейская часть страны лежала в развалинах, а на оккупированной территории до войны проживали 88 миллионов человек, находилось 47% посевных площадей и производилось 33% промышленной продукции. Не успела закончиться война, как на страну свалилась новая беда — неурожай и голод 1946 года.

Однако пережили и голод, и разруху. Страна потихоньку поднималась. В 1947 году отменили карточки и провели денежную реформу. Постепенно началось снижение цен. Начиная с 1949 года Левитан тем же торжественным голосом, каким читал сводки Совинформбюро о победах, стал зачитывать приказы о снижении цен — это тоже была победа, и еще какая! Но если кто-то думает, что это все давалось легко... По напряжению сил послевоенное восстановление было не меньше, чем предвоенная индустриализация.

Международная обстановка тоже не располагала к блаженной лени, уикендам в охотничьих домиках, автоспорту, теннису и прочим прелестям бытия. Из послевоенной она

плавно, но ощутимо перетекала в предвоенную. Просто теперь у нас был другой «наиболее вероятный противник» — вчерашние союзники. Собственно говоря, ничего удивительного в этом не было, с самого начала их политика была именно такой — стравить Германию и СССР, а потом расправиться с победителем. Но дело в том, что в их руках теперь имелось оружие невероятной разрушительной силы, продемонстрированное в Хиросиме и Нагасаки. И Советский Союз параллельно с восстановлением разрушенного хозяйства был вовлечен в новый виток гонки вооружений. Медлить было нельзя: США один за другим разрабатывали планы ядерного нападения на СССР, о чем разведка, естественно, докладывала в Москву.

Сталин, опять же, не питал насчет бывших союзников никаких иллюзий. Сразу же после Хиросимы атомная программа СССР была поручена самому дееспособному члену правительства, лучшему из лучших — Берии, чем ясно показано, что игры в атомные разработки кончились и дело пошло всерьез. Берия радостно сбыл с рук нелюбимую чекистскую работу и занялся промышленными вопросами. Благодаря совместным усилиям науки и разведки советская атомная бомба была испытана в 1949 году. Но каких усилий это стоило...

В целом испытания, которым подвергся Советский Союз за тридцать лет своего существования, показывали, что система была жизнеспособна. По крайней мере, Российская империя развалилась от куда меньшей нагрузки. Однако Сталин не питал иллюзий и насчет системы: это был режим личной власти, и пока у власти стоит человек, соответствующий этому посту и держит все под контролем, все идет прилично. Но ведь Сталин не вечен.

Работы, сделанной им, хватило бы на добрый десяток обычных жизней. Ему было уже семьдесят лет, и состояние здоровья не позволяло надеяться, что кавказское долгожительство распространится и на него. И на этот счет Сталин тоже не питал иллюзий. Еще в 1946 году во время встречи с югославскими руководителями он вдруг сказал: «Я долго не проживу. Физиологические законы не отменишь».

Всю войну он находился в предельном напряжении — а ведь ему шел уже седьмой десяток, и здоровье было, прямо скажем, не сибирское. Первые два года войны его мучила бессонница, от постоянного нервного напряжения он почти не спал. К концу войны усилилось кислородное голодание. Но тогда расслабляться было нельзя. А теперь — можно. И сразу навалились болезни.

После Ялтинской конференции Сталин перенес, по одним данным, инфаркт, а по другим — инсульт. Второй, по слухам, в 1949 году, в год своего семидесятилетия. Это не считая такой «мелочи», как какая-то болезнь суставов — не то ревматизм, не то полиартрит. Откуда взялась привычка Сталина все время расхаживать по кабинету? Он не мог долго сидеть или стоять — сильно болели ноги. Вот и приходилось постоянно прохаживаться.

Однако в точности о состоянии здоровья Сталина ничего не известно. Медицинская карта вождя последних лет не сохранилась, после его смерти она загадочным образом исчезла из кремлевской поликлиники. Также неизвестно имя его лечащего врача. После смерти Жданова, последовавшей из-за преступной халатности врачей, проворонивших инфаркт у пациента, Сталин перестал доверять академикам. Охранник Туков вспоминает, что он говорил о замене кремлевских врачей более молодыми специалистами. И то правда, Жданова лечили четыре высокопоставленных врача, а правильный диагноз поставила присланная из Москвы снимать кардиограмму доктор Тимашук. А академики — проворонили...

Светлана в своих мемуарах утверждает, что отец лечился сам. Сама она, однако, видела его не более чем по несколько раз в год, и точно знать этого не могла (как не могла знать, например, подробности того, как отец вел себя на похоронах матери, хотя пишет об этом с большой уверенностью). Значит, или это догадки, или же ей подсказали, что это неплохо бы вставить в мемуары. И опять же, смотря от чего лечиться. При ангинах, которыми он болел всю жизнь, врачи не нужны, достаточно послать охранника в ближайшую аптеку. Но кто сказал, что по другим поводам к нему не приезжал врач? Более того, Хрущев в набросках своей речи на XX съезде обмолвился, что лечащий врач у Сталина был, и фамилия его

Смирнов — в напечатанном позднее тексте доклада Смирнов был исправлен на Виноградова. А затем уже возникла и «тема недоверия». Никто этого самого Смирнова, естественно, не искал, поверив на слово, что болезненно подозрительный «вождь народов» не доверял медицине.

Сказку о том, что Сталин в последние годы жизни был болезненно подозрителен, никому не доверял, равно как и сказку о его психическом расстройстве, и многие другие тоже запустил в обращение Хрущев. Другое дело, что Сталин был одинок, но это, что называется, не повезло. Василий пропадал в округе, Светлана жила своей жизнью, совершенно отдалившись от отца, впрочем, еще пятнадцать лет назад он считал и ее, и брата холодными и ни к кому не привязанными, а он в людях понимал!

Приезжали к нему на дачу невестки с внуками, но не часто — у них тоже была своя жизнь. И по-прежнему его семьей, его самым близким и любимым существом была страна.

А в общем-то, после войны жизнь Первого лица Страны Советов мало изменилась. Жил он, как и раньше, на «ближней» даче. И работал, как и раньше, — по двадцать пять часов в сутки. Только в последние годы он меньше покидал дом — сказывался возраст, однако какая разница, где кабинет главы государства — на даче или в Кремле? Где Сталин, там и власть. Все телефоны есть, и кого надо, всегда можно вызвать в Кунцево. Что же касается заседаний, то старая традиция решать все дела за столом сохранилась, оттого-то и были на даче столь частыми гостями члены Политбюро, а вовсе не потому, что вождь звал их к себе, страдая от одиночества, как утверждает Хрущев. Да и не был Сталин одинок в этом деревенском доме.

Самыми близкими людьми для него были теперь те, кто жил и работал рядом, — обслуга и охрана. К этим людям Сталин всегда относился по-товарищески, молчаливо признавая, что разница между ними только в должностных обязанностях, но не в человеческой сущности. Уж чем-чем, а высокомерием он не грешил никогда, и в старости, когда обостряются все черты характера — и хорошие, и дурные, — был не менее, а скорее более прост и скромнен, чем всегда. Сталин был всегда не прочь вместе с охранниками и шашлык сделать, и по рюмочке выпить, и поиграть во что-нибудь, если время позволяло — без всякой снисходительности барина к холопу, в отличие от большинства других высокопоставленных, которые давно уже своих домработниц и за людей-то не считали.

«Никогда не кричал, не шумел на нас, — вспоминал охранник Рыбин. — Был скромным, вежливым, обходительным. Любил пошутить. Всегда питался с нами, по существу, из одного котла. Обязательно интересовался нашими домашними делами. Узнав, что Туков живет с женой и больной дочкой в одной комнате и потому не высыпается, — помог ему получить квартиру. Словом, все мы постоянно видели перед собой честного, душевного человека, который резко отличался от многих членов Политбюро и правительства».

Это тот самый Туков, герой исторического анекдота, который приводит Феликс Чуев. «В поездках Сталина часто сопровождал охранник Туков. Он сидел на переднем сиденье рядом с шофером и имел обыкновение в пути засыпать. Кто-то из членов Политбюро, ехавший со Сталиным на заднем сиденье, заметил:

— Товарищ Сталин, я не пойму, кто из вас кого охраняет?

— Это что, — ответил Иосиф Виссарионович. — Он еще мне свой пистолет в плащ сунул — возьмите, мол, на всякий случай».

Надо сказать, что Сталин не терпел халатного отношения к служебным обязанностям. Его охрана — наверно, единственные в стране люди, которым было позволено делать свое дело спустя рукава. Власик вспоминает, что как-то раз один из сотрудников охраны заснул на посту. Сталину доложили, он вызвал Власика и спросил: сознался ли охранник, что заснул. Оказалось, что сознался. «Ну, раз сознался, не наказывай его, пусть работает».

Ну и где же тут болезненная подозрительность?

Еще один рассказ Рыбина:

«Зимой Сталин вышел из дома в тулупе и подшитых валенках, погулял, закурил и

спросил у Мельникова:

- По сколько часов стоите на посту?
- По три через шесть, товарищ Сталин.
- На какой срок получаете обмундирование?
- На год, товарищ Сталин.
- Сколько получаете зарплату?
- Шестьсот рублей, товарищ Сталин.
- Не богато, не богато...

После этого разговора нам всем увеличили зарплату и дали второй комплект обмундирования. Сталин был счастлив безмерно. Ведь по сравнению с нами он считал себя богачом — имел пару шинелей, три пальто и целых четыре кителя!»

Кстати, это внимание распространялось не только на близких людей. Артем Сергеев вспоминает, например: «Я был у Василия Сталина на даче в Горках-4. По-моему, это 1949 год. Только началось освоение бомбардировщика „Ил-28“, и произошла катастрофа. Экипаж погиб. Василий позвонил отцу. Сталин ответил: „То, что произошла катастрофа, вы не забудете. Но не забудьте, что там был экипаж, а у экипажа остались семьи. Вот это не забудьте!“

Но, конечно, одного Сталина на всех забытых и униженных хватить не могло.

Что же касается болезненной подозрительности, всяких там электрических замков и железных дверей... Вот, например, воспоминания Дмитрия Шепилова, которого вызывали по делу к Сталину на дачу. Это уже где-то конец 40-х годов.

«Деревянный дом, сруб — все простое. Налево — кабинет, большой стол весь в бумагах, книгах. Прямо — вешалка, столовая, гостиная. Там висели репродукции, медвежата эти шишкинские. Картинки сам наклеил. Справа — вроде небольшой гостиной, меньше моей комнаты раза в два, но вся уставлена полками простыми, неполированными.

Два кресла, торшер. Обычно он папиросами «Босния-Герцеговина» набивал трубку. А тут у него была большая толстая сигара. В ходе разговора возникла подходящая пауза, и я говорю:

- Товарищ Сталин, говорят, врачи вам запретили курить, вы не должны так много...
- Я вижу, вы невнимательны: я же не затягиваюсь, я так — пых-пых...

...Когда я уходил, он опять вышел в прихожую, что меня всегда очень удивляло. Покуривал. Потом:

— Ой, совсем забыл! Надо ж вызвать машину... Никого нет, никакой охраны. Куда-то в угол зашел, за какую-то занавесочку, позвонил:

— Сейчас будет машина...»

Хрущев же пишет: «Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны». Так у него всегда — вот почему нельзя доверять ни одному слову этих, с позволения сказать, мемуаров.

Точно так же безосновательна та сказка, что он в конце жизни отошел от дел. Почитать Хрущева, так он только старые фильмы смотрел да пьянствовал в кругу старых товарищей, а кто страной управлял — как-то и непонятно.

«Сталин работал круглосуточно, — вспоминал заместитель коменданта „ближней“ дачи Орлов. — Только глухая полночь его настигала, и он ложился, где придется. Кровати у него не было, спал на диванах. Еще стояли два плетеных топчана. Один на террасе, второй под лестницей на второй этаж.

Как-то в шесть часов я пошел по комнатам искать хозяина дачи. Прошел туда, сюда, его нет. Зашел на террасу, а он отдыхает на плетеном топчане в шинели, ботинках, фуражке. Поскольку заходило солнце и лучи падали на его лицо, он прикрыл его маршальской фуражкой. Бывали случаи, когда мы его заставляли отдыхающим на топчане под лестницей. Обедал в разное время — в 5, 8, 10, 11 часов и т. д. Щи русские, гречневая каша с кусочком мяса, компот из сухофруктов. Иногда заказывал яичницу-глазунью... Пил Сталин вина мало, только перед обедом. Одну бутылку цинандали пил целую неделю. Для гостей были на столе всякие вина и закуски...»

Жил он, как и привык всю жизнь, в одной комнате, где и спал, и ел, и работал. Что же касается личных вещей, то даже для похорон не нашлось приличного костюма. Но цены на продукты в стране снижали...

Последний бой Кобы

Итак, если смотреть на воспоминания людей, находившихся вне хрущевской команды, то видно, что Сталин несколько не изменился. Постарел, устал, был болен — да, но не сошел с ума, не заболел манией преследования. Человек, который болен, не доверяет никому. А так что же получается—в быту, с охраной он прежний, а с соратниками — другой? Получается, так. И тут есть два объяснения: либо соратники врут, все без исключения, либо он действительно стал с ними другим. Но ведь и для первого, и для второго должна быть какая-то причина...

И тут мы натываемся на одну странность. Создается такое ощущение, что, говоря о последних годах жизни Сталина, те, кто был тогда на самом верху, что-то тщательно скрывают. Или за завесой самой беспардонной лжи, как Хрущев, или оговорками и умолчаниями, как Молотов и Каганович. В чем же дело? Что они могут скрывать? И что замыслил Сталин?

Некоторые смутные оговорки, правда, проскальзывают. Так, например, в конце 40-х годов он, по воспоминаниям Микояна, предложил каждому подготовить из числа своих помощников четыре-пять человек себе на замену. Одного микояновского зама даже назначил заместителем председателя Совнаркома — правда, тот не справился и пришлось его от этой работы освободить. А еще он говорил, что после семидесяти надо уходить от активного руководства. А еще на XIX съезде вместо Политбюро избрали Президиум ЦК числом в 25 человек, основательно разбавив прежнее Политбюро новыми кадрами, более молодыми и, в основном, — это важно! — не партработниками, а выходцами из промышленности. Причем сразу после его смерти прежние соратники тут же уменьшили руководящий орган государства до прежней численности и прежнего состава. Первым делом уменьшили, буквально в первые дни. И этот их поспешный поступок дает нам очень интересную информацию к размышлению.

Похоже, глава СССР действительно не питал иллюзий по поводу того, какое государство получилось в результате всех революций и преобразований. Российская империя воспроизвела сама себя — абсолютная монархия и всевластное чиновничество. С одной только разницей — русских царей к управлению государством готовили с детства, и государь всегда был обеспечен достаточно приличными наследниками, да и о советниках заботился, и министры воспитывались и отбирались из поколения в поколение, так что была хотя бы порода. Но кто придет на смену Сталину после его смерти? Безынициативный Маленков, которого он сам называл писарем? Молотов, идеальный второй и никудышный первый? А может быть, и вообще Хрущев... но об этом лучше не думать, не надо о страшном... Да, кадры решают все, а кадров-то, как всегда, и не хватает!

Но кто бы ни пришел после него к власти, совершенно ясно одно — чей это будет ставленник. Это будет человек КПСС, ставленник партаппарата, плоть от плоти партийной номенклатуры. А партноменклатура к тому времени вполне оформилась, и глава государства, который, что бы про него ни говорили, вовсе не выжил из ума, не мог не видеть, что это за класс. Впрочем, не класс — он еще в 1941 году нашел для него иное название.

Сталин всегда был очень скромн и никогда не видел различия между собой и любым другим человеком. То есть, если говорить об ответственности и работе, различия-то были. Но в том, что касается быта, каких-то особых прав и привилегий, то всегда сводил их до самого необходимого минимума, без которого ну никак нельзя обойтись главе государства. По сути, он каким был, таким и остался — предельно скромным человеком, старающимся как можно меньше затруднить других людей собственной персоной. Но о других представителях советских верхов этого сказать нельзя, то были люди совсем иного разлива.

Их претензии на исключительное положение в государстве вызывали у Сталина ярость, которую он не всегда мог скрыть.

В этом смысле очень показателен эпизод, рассказанный Светланой. В конце октября 1941 года она ненадолго приехала из Куйбышева в Москву повидаться с отцом и между делом рассказала ему, что в Куйбышеве организовали специальную школу для эвакуированных детей. «Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало; „Как? Специальную школу?“ — я видела, что он приходит постепенно в ярость. „Ах вы! — он искал слова попримличнее. — Ах вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Это все Власик старается!“ Впрочем, никаких оргвыводов сделано не было — не иначе как семинарское образование помогло смириться с тем, что природу человеческую не изменишь, хоть ты сделай сто революций подряд. А Власик явно предпочитал терпеть нестрашные выволочки Сталина, чем наживать себе врагов в лице многочисленных обитателей кремлевских джунглей, а особенно их жен...

Впоследствии дети этих «кремлевских детей», получив образование и доступ к средствам массовой информации, стали лепить из Сталина образ полноправного члена «касты», высокомерного и властолюбивого. Но это они по себе судили, по собственным отцам и дедам. Точно так же, когда читаешь рассуждения Хрущева, Микояна и иже с ними о том, что Хозяин кого-то к себе «приблизил», а кого-то «отдалил» и как они по еле заметным признакам угадывали настроения «самого», то все время кажется, что речь идет о ком-то другом. Да конечно же, о другом. Это все написано не о Сталине, а о Хрущеве. Это Хрущев «приближал» и «отдалял», это он мог на следующий день после посещения театра позвонить Жукову и спросить, почему Георгий Константинович не встал, когда Сам вошел в ложу. Ну вот весь зал встал, а Жуков не захотел и не встал, и глава государства на следующий день звонил ему и по этому вопросу разбирался. (По правде сказать, тут оба хороши, и Жуков, и Хрущев — ну да речь не об этом...)

О том, что на самом деле произошло в последние годы жизни Сталина, можно Только догадываться. Но догадываться — можно...

Из этих обмолвок, которые прорываются у соратников, можно понять, что Сталин готовил какие-то преобразования в государстве. И можно даже догадаться, какие. Сначала он, должно быть, опасаясь геронтократии⁸, попытался убрать от власти и перевести на положение пенсионеров прежних соратников. Не получилось. Впрочем, если бы и получилось — толку от этого было бы немного. Тут как с коллективизацией: сначала думали, что всему виной кулаки, а оказалось, что проблема-то куда глубже. Так и с партией: проблема оказалась куда глубже — надо было убирать от власти весь партийный аппарат. Верховенство партии в государстве было оправданно, пока не имелось своих надежных кадров, не было должного порядка и над всем требовались контроль, организация и надзор. Но за тридцать лет советской власти были созданы структуры управления, появились собственные кадры, и партии давно уже пора было занять положенное ей место в государстве. Как определял сам Сталин в конце 40-х годов, открытым текстом, — кадры и идеология, вот ее место. А вот эту его позицию соратники тщательно скрывали, но иногда все же проговаривались — правда, как шило в мешке, нет-нет да и вылезет, и кольнет...

Уже с начала войны Сталин потихоньку стал устранять партию от власти. Став Верховным Главнокомандующим и председателем Совнаркома, он все меньше привлекал собственно партийные структуры к управлению страной. Практически перестало собираться Политбюро — теперь он общался с первыми лицами в государстве на заседаниях соответствующих структур. Пусть это были те же люди и вроде бы ничего не изменилось, но звоночек прозвенел, и кто надо его услышал и понял. Не проводились и партийные съезды —

⁸ Геронтократия — власть стариков — термин, придуманный для обозначения строя, воцарившегося в СССР в 70-х — начале 80-х годов.

не до того было. Можно списать это на войну, подготовку к ней и восстановление страны, но ведь в Гражданскую-то съезды собирались постоянно. Опять же — мелочь, но показывает отношение.

Власть постепенно утекала из рук аппарата в Совмин, и для чистых аппаратчиков эта была смерти подобно. Сплотившаяся к тому времени в единую силу партноменклатура не хотела отдавать власть и связанные с ней привилегии и готова была бороться за свое место на шее страны до последнего.

Гром грянул на XIX съезде.

Съезда партии не проводилось тринадцать лет. Впрочем, прошел он самым обыкновенным образом: доклады, прения, избрание руководящих органов. Сталин выступил на нем всего два раза с короткими речами, по несколько минут. Все было формально и неинтересно.

Интересное началось потом, на Пленуме ЦК КПСС, где не было ни журналистов, ни иностранных гостей. На нем Сталин выступил с полуторачасовой речью, после которой попросил освободить его от должности секретаря партии. Рассказ о том, что было после этого заявления, в изложении Константина Симонова, не печатал только ленивый. Но не грех будет привести его и еще раз.

«...На лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда... зал загудел словами: „Нет! Нет! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!“

И далее: «Когда зал загудел и закричал, что Сталин должен остаться на посту Генерального секретаря и вести Секретариат ЦК, лицо Маленкова, я хорошо помню это, было лицом человека, которого только что миновала прямая, реальная смертельная опасность...» Вывод Константина Симонова вполне соответствует его вдохновенной профессии писателя — то есть профессионального выдумщика — и мировоззрению начитавшегося Оруэлла интеллигента: «...Почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков».

Однако, если немножко подумать, то эти события можно интерпретировать совсем по-другому. Был Сталин секретарем партии или не был, на государственные дела это никоим образом не влияло. У него и без того оставалось достаточно постов — что-то около десяти, и все высшие, в том числе и председатель Совета Министров. Не влияла эта должность и на статус Сталина — просто потому, что его статус определялся одним словом: СТАЛИН. Без всяких должностей. На самом деле, будет он секретарем или нет, сказывалось исключительно на положении партии. Оно и так уже пошатнулось, а столь демонстративный уход главы государства от партийных дел мог означать только одно — новое наступление на «руководящую и направляющую» роль КПСС. И Маленков это понимал. Отсюда и «прямая мольба ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе». Это было и в интересах этих самых присутствующих, но это вопрос, понимали ли они, что происходит. А Маленков — тот понимал, и еще как!

Впрочем, еще один аргумент в пользу абсолютной умственной сохранности Сталина — ситуацию он просчитал заранее. Получив отказ Пленума, он тут же, вынув из кармана листок бумаги, зачитал список тех, кого предлагал в члены и кандидаты в члены Президиума. Первых было 25 человек, вторых — 11. Эти имена вызвали у соратников шок — члены сталинского Политбюро ничего не понимали. Откуда он взял этих людей? Кто их рекомендовал, кто помогал ему составлять список? В новом списке первых лиц в партии

большинство людей было из народного хозяйства, а чистых аппаратчиков крайне мало. Что называется: не мытьем, так катаньем.

Кроме Президиума ЦК, на пленуме было утверждено и не предусмотренное уставом Бюро Президиума — непонятный орган, в котором не были распределены сферы ответственности, — прямо совет старейшин какой-то, а не орган управления чем бы то ни было. Нет, Сталин явно что-то задумал и двигался к цели с обычной своей упертостью — уж что-что, а это его качество соратники знали превосходно.

Косвенно это подтверждается воспоминаниями Дмитрия Шепилова. В 1952 году он был занят важным делом — писал учебник по политэкономии, а политэкономии Сталин в то время придавал громадное значение. И вдруг его назначают главным редактором «Правды». Он бросился к Сталину за разъяснениями.

— Да, я знаю, — сказал Сталин. — Мы думали об этом. Но слушайте, сейчас, кроме учебника, мы будем проводить мероприятия, для которых нужен человек и экономически, и идеологически грамотный. Такую работу можно выполнить, если в нее будет вовлечен весь народ. Если повернем людей в эту сторону — победим!

Из этого следует, что Сталин задумал какие-то глобальные преобразования в государстве. А учитывая тенденцию, нетрудно просчитать, что, какими бы эти преобразования ни были, партаппарату ничего хорошего не светило. А это публика такого сорта, которая, если придется выбирать между существованием державы и собственным благополучием, всегда выберет себя, любимых (что, кстати, было превосходным образом доказано полвека спустя). И по крайней мере, теперь понятно, почему Хрущев утверждал, что Сталин выжил из ума, а более честные и преданные соратники крутят и замолкают, едва речь заходит о конце 40-х — начале 50-х годов.

В последние годы Сталин был особенно близок с четырьмя из своих соратников. Чаще других к нему на дачу приезжали Маленков, Хрущев и Берия. О чем они там говорили и что готовили, мы едва ли когда-нибудь узнаем. Но что-то готовилось, в этом нет никаких сомнений.

Это был бой подводный, но от того не менее ожесточенный, и вторая сторона принимала свои меры. С помощью МВД и МГБ (которые от Совмина курировал Маленков, а от ЦК — Хрущев) от Сталина последовательно убрали сначала секретаря Поскребышева, а потом многолетнего начальника охраны генерала Власика. Солдафон, белорус с тремя классами образования, отчаянный любитель баб — Власик, тем не менее, имел одно неоспоримое достоинство: он был предан Сталину абсолютно. Его по надуманным обвинениям сначала отстранили, а потом арестовали.

В чем был виновен Власик? Недавно опубликованный протокол судебного заседания, состоявшегося в 1955 году, просто неудобно читать — до такой степени хрущевская юстиция старается хоть в чем-то обвинить генерала — а не выходит! В итоге ему припаяли десять лет высылки — не оправдывать же, в самом деле... Но этот протокол подтверждает черным по белому: Власика от Сталина просто убрали. Вождь же, естественно, по вечной своей щепетильности ни за кого не вступился: виноват — получи! Не было к тому времени возле вождя и многолетнего охранника Рыбина — он работал начальником охраны Большого театра. А всей охраной теперь ведал Рясной — человек Хрущева.

Менее известно, что 17 февраля 1953 года внезапно умер комендант Кремля генерал-майор Косынкин, еще один бывший телохранитель Сталина, также преданный ему беззаветно. После этого глава государства в Кремль не приезжал ни разу. А через две недели он и сам умер при весьма странных и так и не выясненных обстоятельствах.

В ночь с 28 февраля на 1 марта на дачу к Сталину приезжали четверо «гостей» — Хрущев, Маленков, Булганин и Берия. Судя по всему, это был ужин-совещание перед заседанием Президиума ЦК, назначенным на 2 марта. Около четырех часов ночи гости разошлись. А вот что было потом — казалось бы, известно, но это только так кажется. На самом деле это совершенно неясно.

После окончания обеда, как рассказывал уже много позднее охранник Лозгачев, Сталин

будто бы сказал: «Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать». И они действительно легли спать. Этого быть не могло, потому что не могло быть никогда. Когда Сталин, например, предлагал часовому выпить по рюмочке — а такие случаи бывали, — тот неизменно отвечал что-то вроде: «Не имею права. Я на посту». И ложиться спать охрана тоже не имела права, даже если это позволил сам глава государства.

Хроника следующего дня — 1 марта, воскресенье — со слов того же Лозгачева. В 10 часов утра охрана и служба собрались на кухне, чтобы спланировать распорядок дня. В комнатах Сталина было тихо. Не выходил он ни в одиннадцать, ни в двенадцать часов, ни позднее. Все начали волноваться. «Мы сидим со Старостиным, — вспоминает Лозгачев, — и Старостин говорит: „Что-то недоброе, что делать будем?“ Действительно, что делать — идти к нему? Но он строго-настрого приказал: если нет движения, в его комнаты не входить. Иначе строю накажет. И вот сидим мы в своем служебном доме, дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная, уже шесть часов, а мы не знаем, что делать».

Этого тоже не могло быть. **Во-первых**, охранники при необходимости входили к нему совершенно свободно — вспомним, как Орлов ходил по комнатам и искал Сталина. Во-вторых, они просто не имели права ждать — при малейшем подозрении, что что-то не так, охрана ставила на уши все руководство. В-третьих, Сталин никогда никого строго не наказывал, наоборот, часто заступался и спасал от вполне заслуженных взысканий. И уж тем более никаких взысканий за излишнюю заботу о своей персоне он бы не наложил. Однако все эти выдумки очень точно лежат в русле позднейших воспоминаний Хрущева — вот с ними-то они вяжутся идеально!

Но послушаем дальше... «В восемь — ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять — нету движения, в десять — нету. Я говорю Старостину: „Иди ты, ты — начальник охраны, ты должен забеспокоиться“. Он: „Я боюсь“. Я: „Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?“ В это время почту привозят — пакет из ЦК. А почту передаем ему обычно мы. Точнее, я, почта — моя обязанность. Ну что ж, говорю, я пойду, в случае чего вы уж меня, ребята, не забывайте. Да, надо мне идти... Я открыл дверь, иду громко по коридору, а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... Все во мне оцепенело. Руки, ноги отказались подчиняться. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог. Слух у него был хороший, он, видно, услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: „Товарищ Сталин, что с вами?“ Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: „Может, врача вызвать?“ А он в ответ так невнятно: „Дз... Дз...“ — дзыкнул, и все. На полу лежали карманные часы и газета „Правда“. На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось⁹. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды «Нарзан», он, видно, к ней шел...»

Ну ладно, охранники преодолели свой страх перед «ужасным» Хозяином, вошли... И вот тогда-то началось самое интересное. Вместо того чтобы вызвать «Скорую», или бригаду из кремлевской поликлиники, или личного врача Сталина, охранники почему-то кинулись звонить руководству. Вспоминает Старостин:

«В первую очередь я позвонил Председателю МГБ С. Игнатьеву и доложил о состоянии Сталина. Игнатьев адресовал меня к Берии. Звоню, звоню Берии — никто не отвечает. Звоню Г. Маленкову и информирую о состоянии Сталина. Маленков что-то промычал в трубку и положил ее на рычаг. Минут через 30 позвонил Маленков и сказал: „Ищите Берия сами, я его не нашел“. Вскоре звонит Берия и говорит: „О болезни товарища Сталина никому не говорите и не звоните“. Положил трубку».

Что охранник делает дальше? Сидит и ждет. «В 3 часа ночи 2 марта около дачи

⁹ Этот дешевый трюк с часами даже в плохих детективах давно не используется.

зашуршала машина. Я оживился, полагая, что сейчас я передам больного Сталина медицине. Но я жестоко ошибся. Появились соратники Сталина Берия и Маленков... Стали соратники поодаль от Сталина. Постояли. Берия, поблескивая пенсне, подошел ко мне поближе и произнес: „Лозгачев, что ты панику наводишь? Видишь, товарищ Сталин спит. Его не тревожь и нас не беспокой“. Постояв, соратники повернулись и покинули больного».

Тем временем взбунтовалась обслуга дачи, требуя немедленного вызова врачей. Тогда охранники вновь позвонили Маленкову и Берии, около 7 утра. И только после этого появились медики.

Этого тоже не могло быть, потому что этого не могло быть никогда и не лезет ни в какие ворота. Если бы все было так, то и Лозгачев, и Старостин как минимум ближайшие десять лет провели бы очень далеко от Москвы. Это как минимум. Нет, все это сказки, рассчитанные на наивных зрителей телесериалов. Мы можем констатировать: что произошло в период с 4 часов утра 1 марта до 9 часов утра 2 марта, неизвестно. Достоверно известно только одно: врачи, вызванные утром 2 марта, нашли главу государства в тяжелейшем состоянии, практически умирающим. Помочь ему было невозможно¹⁰.

Одним из вызванных на дачу медиков был профессор Мясников. «Наконец мы в доме, — пишет он в своих воспоминаниях. — В одной из комнат уже был министр здравоохранения, проф. П.Е. Лукомский (главный терапевт Минздрава). Известные невропатологи Роман Ткачев, Н. Филимонов, Иванов-Незнамов — терапевт Лечсанупра Кремля... Диагноз нам представлялся, слава богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза».

Приехали дети Сталина. Светлана вела себя тихо, а Василий с порога закричал: «Сволочи, загубили отца!» Потом он много говорил с охраной и обслугой дачи, о чем — неизвестно. Светлана вспоминает: «Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный. Речь была потеряна. Правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку — больше мне уже ничего не оставалось».

И снова слово профессору Мясникову: «Консилиум был прерван появлением Берии и Маленкова... Берия обратился к нам со словами о постигшем партию и наш народ несчастье и выразил уверенность, что мы сделаем все, что в силах медицины, и т. д. „Имейте в виду, — сказал он, — что партия и правительство вам абсолютно доверяют, и все, что найдете нужным предпринимать, с нашей стороны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи“».

Впрочем, прогноз врачей был ясен. Пациент умирал, и сделать ничего нельзя. Как сам Сталин в свое время сказал: «Законы физиологии не отменишь». Маленков попросил врачей, насколько возможно, продлить физическое существование Сталина. Это было жестоко, но необходимо. Надо было подготовиться к новой реальности существования без вождя и надо было хоть как-то подготовить народ к предстоящей утрате. Жизнь Сталина принадлежала его стране вся, до последней капли, и вся, до последней капли, была принесена в жертву.

«Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, — писала Светлана, — и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось —

¹⁰ Интересно: а если человеку, страдающему гипертонией, дать сильнодействующее лекарство для гипотоников, повышающее давление, можно спровоцировать инсульт? А потом еще выдержать без помощи тридцать часов?

очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившимися над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела...

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик. Через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, не знаю сколько, — кажется, что долго».

Врач Г. Чеснокова вспоминала: «Мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: „Хватит!“ Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что уже не дышит. И прекратили делать массаж». Начиная с 21 часа 50 минут 5 марта 1953 года Иосиф Джугашвили мог наконец подумать и о себе...

Женщина-доктор причесала покойника, стала закрывать глаза, но ни у кого не оказалось пятаков — положить на веки. Она долго держала глаза пальцами. Медсестра, помогавшая ей, заперлась в ванной и отчаянно рыдала. Пришли люди из облуги. Экономка стояла на коленях возле дивана и плакала в голос, по-деревенски.

Когда тело стали готовить к похоронам, оказалось, что у человека, бывшего владыкой полумира, нет даже приличного костюма. Подшили обтрепанные рукава старого мундира, почистили... Надели на ноги старые, потрескавшиеся выходные туфли, которые Матрена Бутусова как-то ухитрилась держать в порядке. Уже когда тело привезли в Кремль, туфли попросили заменить. «Нет у него других», — сказал генерал из охраны и заплакал. Ворошилов прикрепил на китель Золотую Звезду, от которой Сталин отказывался при жизни.

Со всей страны, правдами и неправдами, люди пробирались в Москву проститься со Сталиным, по трое суток стояли в очереди в Колонный зал. В первый день МВД не справилось с охраной порядка, и произошла жуткая давка с человеческими жертвами. Новое царствование начиналось новой Ходынкой — недобрый знак. Но к Иосифу Джугашвили это уже не имело отношения.

Использованная литература

- Аллилуев В.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М., 1995.
Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990.
Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 2000.
Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 2000.
Бек А. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя. // Московские новости. 1989. 23 апреля.
Бережков В.М. Рядом со Сталиным. М., 1999.
Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.
Грибанов С. Заложники времени. М., 1992.
Громыко А.А. Памятное. В 2-х т. М., 1988.
Гусляров Е. Сталин в жизни. М., 2003.
Джугашвили Г. Дед, отец, Ма и другие. М., 1993.
Емельянов Ю. Сталин. Путь к власти. На вершине власти. М., 2002.
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1983.
Зелинский К. Одна встреча у Горького. // Вопросы литературы. 1991. Май.
Зенькович Н. Тайны ушедшего века-3. М., 2000.

Иремашвили И. Сталин и трагедия Грузии. Берлин, 1931.

Казарин Ю., Руссовский А. «Да, мой отец — Лаврентий Берия». // Вечерний клуб. 1994.

12 марта.

Кардашов В., Семанов С. Сталин. М., 1997.

Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. М, 1989.

Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. М., 2000.

Краскова В. Кремлевские дети. Минск, 1998.

Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. М., 1999.

Логинов В. В тени Сталина. М., 2000.

Лозгачев П. Последние дни Сталина. // Досье. Приложение к газете «Гласность». 2001.

13 декабря.

Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2001.

Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Мухин Ю. Убийство Сталина и Берии. М., 2002.

Мясников А.Л. Кончина. // Лит. газета. 1989. 1 марта.

Островский А. Кто стоял за спиной Сталина. М., СПб, 2002.

Пестковский С. Воспоминания о работе в наркомнаце(1917 — 1919). // Пролетарская революция. 1930. № 6.

Радзинский Э. Сталин. М., 1997.

Риббентроп И. фон. Мемуары дипломата. Смоленск, 1998.

Рыбин А. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М., 1994.

Сванидзе М. Дневник. // В сб.: Сталин в объятиях семьи. М., 1993.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990.

Суханов Н. Записки о революции. М., 1991.

Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. В 2-х т. Нью-Йорк., 1985.

Ульянова М.И. Об отношении В.И. Ленина к Сталину. //Известия ЦК КПСС. 1989. №

12.

Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999.

Хрущев Н. Время. Люди. Власть. В 4-х т. М., 1999. Т. 2.

Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997.

Чеснокова Г. Смерть Сталина. // Комсомольская правда. 1988. 5 марта.

Чуев Ф. Каганович, Шепилов. М., 2001.

Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М, 1991.

Швейцер В. Сталин в туруханской ссылке. М., 1940.

Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 2000.